ПУТЕШЕСТВИЕ
по
ТУРКЕСТАНУ

А 218
1568

Русскіе Путешественники-Изслѣдователи.

А 218/1568

Изложено

М. А. Ляминой

Путешествія по Туркестану Н. Сѣверцова и А. Федченки

Изданіе
А. Ф. Девріена
С. П. Б.

2007055008

ПУТЕШЕСТВІЯ

Н. А. Сѣверцова и А. П. Федченки.

Міръ пернатыхъ на берегахъ Аму-Дарьи.

А 218
1568

РУССКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ-ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ.

ПУТЕШЕСТВІЯ
ПО
ТУРКЕСТАНУ

Н. А. Сѣверцова и А. П. Федченки.

ИЗЛОЖЕНО
по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ
М. А. Лялиной.

Съ 81 рисункомъ и картой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Девріена.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 Іюня 1894 г.

Типографія В. Киршбаума, въ д. М-ва Финансовъ, на Дворцовой площ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наши среднеазіатскія владѣнія имѣютъ глубокій интересъ не только для ученаго любой спеціальности, но и для каждаго, интересующагося природой и бытомъ народонаселенія нашего обширнаго отечества.

Между тѣмъ, весьма немногіе изъ насъ знакомы со Средней Азіей вообще, и съ принадлежащей Россіи частью ея — Туркестаномъ, — въ частности. Причина тому — отсутствіе общедоступно изложенныхъ сочиненій географическаго характера.

Цѣль настоящей книги — познакомить читателя съ жизнью и путешествіями нашихъ извѣстныхъ ученыхъ изслѣдователей Туркестана. Въ виду того, однако, что многое могло бы показаться неподготовленному читателю не яснымъ, мы предпослали описанію ихъ жизни и путешествій — введеніе, характеризующее въ общихъ чертахъ природу и населеніе всей страны.

Если автору удалось заинтересовать читателя и побудить его познакомиться съ страною, еще ближе, путемъ чтенія сочиненій болѣе серьезныхъ и научныхъ, — онъ будетъ считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

Приложенная при книгѣ карта Туркестана, нѣсколько измѣненная и дополненная для цѣлей настоящей книги, заимствована изъ «Учебнаго атласа всеобщей географіи» А. Линберга съ любезнаго разрѣшенія издателя его, И. Дейбнера въ Москвѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

Движеніе русскихъ на востокъ и причины его. — Завоеваніе Средней Азіи. — Краткій очеркъ природы и населенія Туркестана. — Изслѣдователи и изслѣдованія Туркестана.

Каждому изъ насъ извѣстно, какъ широко раскинулось русское государство, какъ много охватило оно самыхъ разнообразныхъ народностей.

Однако не всякому, быть можетъ, приходилъ въ голову вопросъ: чѣмъ объясняется его обширность? почему соединились эти народности подъ одною властью и образовали одно нераздѣльное цѣлое.

Причина лежитъ, конечно, въ характерѣ самихъ народностей и въ ихъ исторической жизни, но и характеръ ихъ, и исторія въ свою очередь зависятъ въ значительной степени отъ строенія страны, въ которой эти народности обитаютъ.

Если мы взглянемъ на Европу съ высоты птичьяго полета, мы увидимъ, что западная часть ея по самому строенію своему состоитъ изъ отдѣльныхъ областей, отграниченныхъ одна отъ другой глубоко врѣзывающимися морскими заливами, проливами, или высокими, неприступными горами. Народности, населяющія эти отдѣльныя части Европы, уже самою природою уединены одна отъ другой, и потому образуютъ независящія другъ отъ друга государства.

Не таково положеніе нашего русскаго государства. Оно раскинулось въ той части Европы, которая представляетъ изъ себя обширную равнину, ограниченную только по окраинамъ морями и горами. Даже рѣки расположены такъ, что не препятствуютъ объединенію народностей, населяющихъ эту равнину, но еще болѣе способствуютъ ихъ сближенію между собою. Всѣ главныя рѣки Европейской Россіи, какъ извѣстно, сходятся своими истоками приблизительно къ одному мѣсту — къ средней русской возвышенности. Отсюда легко проникнуть по рѣчнымъ путямъ въ любой самый отдаленный уголокъ Россіи и обратно — сюда легко подняться по рѣкамъ отовсюду. Среди этой обширной равнины нѣтъ ни хребтовъ, ни высокихъ горъ, ни глубоко врѣзывающихся въ страну морей. Такимъ образомъ, уже по самой природѣ своей она является цѣльной и нераздѣльной, вслѣдствіе чего на ней легко могло возникнуть, разростись и окрѣпнуть единое и нераздѣльное русское государство.

Распространяясь во всѣ стороны, оно подчиняло себѣ народности мало развитыя, и потому болѣе слабыя, и скоро заняло почти всю среднюю и сѣверную часть равнины, а на востокѣ достигло Уральскаго хребта.

Уралъ не могъ, однако, представить естественной границы русскому государству. Каждый, кому приходилось перебираться чрезъ этотъ хребетъ, знаетъ, какъ онъ доступенъ и легко проходимъ. Поѣздъ Уральской желѣзной дороги, пересѣкающей его въ настоящее время, свободно поднимается на хребетъ и также свободно спускается съ него. Путешественникъ не видитъ

изъ оконъ вагона ни высокихъ гребней, ни вершинъ,— кругомъ обрисовываются лишь округлые холмы, покрытые лѣсомъ. Правда, южнѣе горы становятся выше, но и тамъ всюду существуютъ удобные проходы.

Сперва русскіе завоеватели, а вслѣдъ за ними и переселенцы легко проникли за Уралъ и встрѣтили за нимъ такую же плоскую и гладкую равнину, какъ и на своей родинѣ. Вся природа была имъ здѣсь родною: они нашли въ Сибири тѣже необъятные лѣса и привольныя степи, такихъ же звѣрей и птицъ, такія же широкія, судоходныя рѣки, какъ и въ покинутой ими Россіи. Но богатствъ природныхъ здѣсь было больше, жилось привольнѣе; не даромъ сложилась у народа поговорка: „Сибирь — золотое дно“.

Въ низменной сибирской равнинѣ разростаніе русскаго государства шло еще быстрѣе, чѣмъ ранѣе въ равнинѣ Европейской Россіи. Русскіе предѣлы постоянно расширялись. Государство и здѣсь какъ-бы искало надежной естественной границы, которая замкнула бы его владѣнія на востокѣ. На югѣ такая граница скоро была найдена, — то были горы, отдѣляющія сибирскую низменность отъ Центральной Азіи — громадной, песчаной пустыни Гоби, находящейся во владѣніяхъ Китая. Наконецъ русское государство достигло границы и на востокѣ: предѣлъ его распространенію положилъ Великій Океанъ. Такъ подвигалось постепенно русское государство въ этой сѣверной области на востокъ, покоряло населяющія страну малоразвитыя народности и присоединяло къ своимъ владѣніямъ все новыя и новыя земли.

Такимъ же образомъ, но лишь нѣсколько позже, стало разростаться оно и на югѣ.

Достигнувъ побережья Чернаго моря, оно вскорѣ послѣ того пріобщило къ своимъ владѣніямъ Кавказъ и Каспійское море, а отсюда былъ уже одинъ лишь шагъ и далѣе на востокъ.

Здѣсь раскинулась обширная и разнообразная по своему строенію страна — Туркестанъ, входящая въ составъ той части нашего материка, который географы называютъ Средней Азіей. Туркестанъ прилегаетъ одной стороной къ Каспійскому морю, другой — упирается въ высокія горы, ограничивающія Центральную Азію *).

Туркестанъ, также какъ и Сибирь, легко доступенъ со стороны Россіи: Уральскій хребетъ на границѣ между нимъ и Европейской Россіей уже исчезаетъ; онъ разбивается на нѣсколько мелкихъ горныхъ кряжей, и препятствіемъ являются лишь песчаныя степи у береговъ Каспійскаго и Аральскаго морей.

Вслѣдствіе этой доступности и благодаря тому, что иначе наши границы на юговостокѣ остались бы открытыми, на Туркестанъ направилось поступательное движеніе русскаго государства. Главною причиною этого движенія и здѣсь, подобно тому какъ въ Сибири, было не стремленіе захватить возможно больше земель, а вполнѣ понятное желаніе пріобрѣсти надежныя естественныя границы, которыя могли бы служить твердымъ оплотомъ противъ безпокойныхъ сосѣдей.

*) Пустыня Гоби или «Хапъ-хай», какъ еще называютъ ее географы, пользуясь китайскимъ названіемъ, обозначающимъ «дно высохшаго моря».

Завоеванія русскихъ начались съ сѣвера. Еще въ прошломъ столѣтіи добровольно подчинились Россіи киргизы Малой и Средней Орды, кочевавшіе на сѣверъ отъ Туркестана. Въ началѣ пятѣшняго — были покорены и киргизы Большой Орды, населявшіе отчасти уже и самый Туркестанъ. Для того, чтобы удержать страну за собой и умиротворить ее было выстроено въ сѣверной части Туркестана нѣсколько укрѣпленій — Сергіополь, Копалъ, Вѣрное, — которыя въ настоящее время разросліись въ города и составляютъ важные торговые и административные центры.

Нѣсколько позже, въ 60-хъ годахъ, началось присоединеніе къ Россіи южной части Туркестана. Она издавна была населена племенами болѣе безпокойными и воинственными, чѣмъ сѣверная, поэтому пріобрѣтеніе этой части было еще важнѣе для Россіи: необходимо было водворить миръ и спокойствіе на границѣ. Но завоевать ее было гораздо труднѣе, требовалось затратить болѣе силъ и принести не одну тяжелую жертву.

Превосходство русскаго оружія, дисциплинированность и стойкость русскихъ войскъ, бодро переносившихъ зной и жажду въ раскаленныхъ южнымъ солнцемъ пескахъ Туркестана, а главное, такія выдающіяся личности, какъ генералы Черняевъ, Скобелевъ, Кауфманъ, — стоявшіе во главѣ этихъ войскъ — все это значительно ускорило покореніе страны. Взятъ былъ рядъ городовъ и укрѣпленій Кокандскаго ханства, между ними и Ташкентъ, издавна славившійся своимъ богатствомъ и многолюдіемъ. Воинственные коканцы были временно умиротворены, но за то ихъ обширное ханство значи-

тельно уменьшилось. Долженъ былъ смириться и признать свою зависимость отъ Россіи и бухарскій эмиръ. Древній Самаркандъ, съ его дивными произведеніями архитектурнаго искусства, принужденъ былъ открыть свои ворота русскимъ войскамъ и сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ опорныхъ пунктовъ русскаго могущества въ Азіи.

Труднѣе всего было покорить небольшое Хивинское ханство, пріютившееся на низовьяхъ рѣки Аму-Дарьи, въ чудномъ оазисѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ непроходимыми песками. Но и сюда проникли русскія войска, послѣ извѣстнаго своими трудностями и лишеніями хивинскаго похода. Покоренное ханство не было однако уничтожено, а лишь умиротворено и подобно Бухарѣ приведено въ зависимость отъ Россіи.

Пало наконецъ въ 1876 г. и возставшее, было, снова Кокандское ханство и въ составъ русскаго государства вошла роскошная, изобилующая природными богатствами Ферганская долина, орошаемая среднимъ теченіемъ рѣки Сыръ-Дарьи.

Съ присоединеніемъ этой долины весь Туркестанъ оказался во власти Россіи. Въ какіе нибудь 3—4 десятка лѣтъ она пріобрѣла территорію въ милліонъ квадратныхъ километровъ, т. е. страну по величинѣ вдвое бо́льшую Франціи.

Завоеванія эти однако достались русскому народу не даромъ, они стоили ему многихъ жертвъ, потому и предпринимались только лишь въ виду крайней необходимости.

Велика была однако и награда за всѣ принесенныя жертвы. Кромѣ надежныхъ естественныхъ границъ,

полученныхъ Россіей на большомъ протяженіи, она обогатилась страной, изобилующей самыми разнообразными произведеніями природы. Настоящее значеніе этой страны для нашего государства громадно, и впереди ее ожидаетъ еще болѣе блестящее будущее.

Попытаемся бѣгло охарактеризовать природу этой страны и характеръ ея населенія.

Въ сѣверовосточномъ углу Туркестана располагается на границѣ съ Центральной Азіей нынѣшняя Семирѣченская область. Своей сѣверной, равнинной частью она соприкасается съ Сибирью. Здѣсь среди песчаныхъ и глинистыхъ степей располагается громадное соленое озеро Балхашъ,—второе, по величинѣ, среди русскихъ озеръ *). Въ долину этого озера проникли русскіе прежде всего въ своемъ наступательномъ движеніи на Туркестанъ. Въ южной части области тянутся одинъ за другимъ громадные, массивные хребты горной страны, которую географы называютъ „Тянь-Шань“, что значитъ по-китайски „Небесныя горы“.

Покрытые вѣчнымъ снѣгомъ гребни хребтовъ высоко поднимаются надъ долинами, лежащими между хребтами.

Надъ всей страной господствуетъ грандіозный горный массивъ Ханъ-Тенгри („Тронъ облаковъ“), главная вершина котораго поднимается на 24,000 футъ надъ уровнемъ моря. — и превосходитъ, слѣдовательно, болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза наивысшую гору Европы — Мон-

*) Первое мѣсто принадлежитъ оз. Байкалу, находящемуся въ Восточной Сибири.

бланъ. Страна орошается водами, сбѣгающими съ хребтовъ, и у подошвы горъ изобилуетъ плодородной, такъ-называемой „лёссовой" почвой, дающей превосходные урожаи. Потому, всѣ осѣдлые пункты разбросаны здѣсь вблизи горныхъ хребтовъ, гдѣ есть и вода, и удобная почва. За то тамъ, куда не достигаютъ горныя воды, напр. въ окрестностяхъ Балхаша, мы находимъ настоящую пустыню, гдѣ могутъ существовать лишь нетребовательные кочевники-скотоводы, да и то только временно, зимою, когда пребываніе въ горахъ, обильныхъ растительностью, невозможно.

Такихъ земель, неудобныхъ для осѣдлой жизни, въ странѣ больше, чѣмъ пригодныхъ для земледѣлія, потому не удивительно, что и кочевниковъ больше, чѣмъ осѣдлыхъ жителей. Здѣсь кочуютъ киргизы, — теперь мирный, а еще не такъ давно довольно безпокойный народъ. Изъ осѣдлыхъ жителей въ долинѣ рѣки Или пріютились дунгане и таранчи — выходцы изъ Китая, наши русскіе крестьяне-переселенцы и сибирскіе казаки, понастроившіе въ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ много деревень и станицъ.

Живутъ здѣсь и земледѣльцы, и кочевники-скотоводы сносно: пшеница, ячмень, овесъ и просо родятся въ Семирѣченской области превосходно: кое-гдѣ воздѣлывается рисъ. Разводятся плодовыя деревья и даже вызрѣваетъ виноградъ, хотя онъ настолько кисель, что для винодѣлія не годится.

На юго-западъ отъ Семирѣченской области находится въ настоящее время Сыръ-Дарьинская область, въ составъ которой входятъ песчаныя и глинистыя

пустыни, прилегающія къ Аральскому морю, нижнее и среднее теченіе рѣки Сыръ-Дарьи, берущей начало въ Тянь-Шанѣ. Въ тѣ времена, о которыхъ намъ придется говорить далѣе, здѣсь простиралось обширное Кокандское ханство, соединявшее подъ одной властью самыя разнообразныя народности.

Пустынная западная часть области населена преимущественно кочевниками, въ восточной же части, вблизи горъ, дающихъ влагу, существуютъ обширныя мѣстности, населенныя осѣдлыми жителями, какъ, напр., окрестности городовъ Ташкента, Туркестана и многія мѣстности по самой рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. Въ такихъ оазисахъ, подъ живительными лучами южнаго солнца, жизнь бьетъ ключомъ. Наравнѣ съ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, начинаетъ развиваться, со времени водворенія русскихъ, и промышленность, и торговля. Урожаи бываютъ превосходные. Роскошно разрастаются плодовыя деревья, вызрѣваетъ вполнѣ виноградная лоза, разводятся шелковица и шелковичный червь. Наконецъ, въ послѣднее время успѣшно воздѣлывается хлопчатникъ, чрезвычайно важный для Россіи, которая должна была ранѣе все необходимое для нея громадное количество хлопчатой бумаги покупать у американцевъ. Не мало хранится въ горахъ области и минеральныхъ богатствъ, которыя однако лишь начинаютъ разрабатываться.

Изъ народностей мы встрѣчаемъ въ Сыръ-Дарьинской области узбековъ, таджиковъ, киргизъ и нѣкоторыя другія болѣе мелкія народности. Русское населеніе здѣсь уже довольно обильно и постоянно увеличивается.

На югъ отъ Сыръ-Дарьинской—лежатъ двѣ сравнительно небольшія, но богато одаренныя природой области, входившія еще не такъ давно въ составъ Кокана: Самаркандская область и Ферганская.

Расположенныя среди горныхъ хребтовъ, примыкающихъ къ Тянь-Шаню и великому среднеазіатскому нагорью Памиру, называемому туземцами „Крышей міра", эти области обильно орошены сбѣгающими съ горъ водами. Въ Туркестанѣ вода — все: гдѣ есть вода, тамъ жизнь, гдѣ воды нѣтъ или ея мало — тамъ пустыня и смерть. Въ Самаркандской и Ферганской областяхъ воды вдоволь и она распредѣлена еще въ древности жителями данныхъ мѣстностей по всей поверхности посредствомъ каналовъ („арыковъ"), образующихъ частую сѣть.

Потому, пашни и плантаціи здѣсь гораздо богаче, чѣмъ гдѣ-либо въ нашей странѣ. Города и мѣстечки тонутъ въ зелени фруктовыхъ садовъ и тѣнистыхъ аллей. Въ горахъ темнѣютъ островки лѣсовъ, — столь рѣдкихъ въ южной части Туркестана, тамъ же кочевники находятъ роскошнѣйшія пастбища.

Осѣдлое населеніе здѣсь скучилось болѣе густо, чѣмъ въ остальной части Туркестана: вся мѣстность покрыта множествомъ мелкихъ деревушекъ („кишлаковъ"), населенныхъ узбеками, таджиками и осѣдлыми киргизами.

Остальная часть Туркестана занята бухарскимъ и хивинскимъ ханствами и обширною Закаспійскою областью. Оба ханства находятся подъ покровительствомъ Россіи, но вполнѣ самостоятельны во всемъ, что касается ихъ

внутреннихъ дѣлъ; они расположены по теченію рѣки Аму-Дарьи въ плодородныхъ и богатыхъ оазисахъ. Закаспійская область состоитъ главнымъ образомъ изъ обширныхъ пустынь, имѣющихъ лишь кое-гдѣ сравнительно небольшіе оазисы.

Въ Хивѣ и Бухарѣ мы находимъ осѣдлыхъ жителей, земледѣльцевъ, въ закаспійской же области преобладаютъ кочевники — туркмены и каракалпаки.

Таковы въ общихъ чертахъ характеръ страны и составъ народонаселенія Туркестана, пріобрѣтеннаго Россіей въ послѣдніе 30—40 лѣтъ, путемъ тяжелыхъ жертвъ и упорной борьбы.

Туркестанъ неоднократно и ранѣе подвергался нашествіямъ народностей сосѣднихъ странъ и, особенно, вторженію пришельцевъ съ востока — кочевыхъ племенъ Центральной Азіи. Онъ находился подъ властью арабовъ, тюркскихъ и монгольскихъ народовъ, отчасти подъ вліяніемъ Китая, но никогда еще не подпадалъ подъ такую прочную и надежную державу, какъ наша.

Не разъ возникали въ его плодородныхъ долинахъ города, украшались чудными архитектурными сооруженіями, увеличивалась торговля, поднимался общій уровень умственнаго развитія народностей, — но все это было недолговѣчно. Съ востока набѣгала волна грубыхъ варваровъ-кочевниковъ и уничтожала все; жители чуть не поголовно истреблялись, пашни и сады, лишенные орошенія, глохли. Въ странѣ опять водворялись мало развитыя кочевыя народности.

Причиною такой неустойчивости было то, что страна не была объединена: отдѣльныя племена враждовали

между собою, пути сообщенія между отдѣльными частями страны были плохи, и враги не встрѣчали серьезнаго сопротивленія.

Теперь мы видимъ не то. Русское государство, завоевавъ страну, не вырѣзало ея жителей, подобно прежнимъ завоевателямъ, а, напротивъ, постоянно заботится объ ихъ благосостояніи. Оно объединило всю страну подъ своею властью и обезпечило ее отъ вторженія внѣшнихъ враговъ. Оно внесло въ страну миръ и справедливость и начало насаждать въ ней просвѣщеніе.

Наконецъ, оно позаботилось и о развитіи въ странѣ промышленности въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Русскіе переселенцы внесли въ страну новыя культурныя растенія. Возникло хмѣлеводство, табаководство, разведеніе картофеля и многихъ другихъ овощей, неизвѣстныхъ въ странѣ до того времени; развилось воздѣлываніе хлопчатника, шелковицы и винограда.

Пашни и плантаціи возникаютъ и разрастаются въ странѣ съ каждымъ годомъ все шире и шире.

Начинаютъ появляться мало по малу фабрики и заводы. Развивается горная промышленность, искусственно насаждаются лѣса, которыхъ такъ мало въ странѣ, оживляется торговля подъ вліяніемъ развитія путей сообщенія. Но рѣкамъ, которыя прежде были помѣхой къ сообщенію,—теперь ходятъ пароходы. Черезъ обширныя и безлюдныя песчаныя пустыни, пролегаетъ нынѣ Закаспійская желѣзная дорога, построенная съ изумительною быстротой. Эта дорога соединила центръ Туркестана—Самаркандъ съ Европой и потому имѣетъ для всей страны громадное значеніе.

Такимъ образомъ, Туркестанъ многимъ обязанъ Россіи: безъ нея онъ оставался бы дикой страной, какою былъ ранѣе втеченіе многихъ вѣковъ. Но онъ не остается въ долгу. Онъ далъ Россіи прочныя и вполнѣ естественныя границы на востокѣ, столь важныя для каждаго государства. Онъ даетъ ей постоянно произведенія своей природы, даетъ пристанище русскимъ переселенцамъ и облегчаетъ торговыя сношенія съ прилегающими сосѣдними странами.

Результаты, которыхъ достигло русское владычество въ Туркестанѣ въ столь короткій срокъ, нельзя не назвать блестящими, недаромъ имъ изумляется западная Европа.

Но чѣмъ же они объясняются? Объясненіе просто. Русскія завоеванія сопровождались изученіемъ природы страны, а пользованіе страной и ея природными богатствами руководствовалось наукой.

Обращаясь къ исторіи завоеванія Туркестана, мы видимъ, что блестящимъ именамъ завоевателей сопутствуютъ не менѣе блестящія имена ученыхъ изслѣдователей края.

Тогда какъ первые покоряли страну силою оружія, вторые мирно изучали характеръ ея природы, особенности ея, составъ населенія страны. Они изслѣдовали строеніе и наносили его на карту, изучали минеральныя богатства страны, геологическую исторію, которую она пережила, стремились выяснить распредѣленіе и условія существованія растеній и животныхъ, наконецъ, изучали и этнографическій составъ народонаселенія, его характеръ и особенности.

Только при такомъ многостороннемъ ознакомленіи со страною и возможно разумное пользованіе ея бо-

гатствами. Лишь, имѣя подъ ногами твердую научную почву, можно не колеблясь въ каждомъ данномъ случаѣ принимать ту или другую мѣру къ улучшенію хозяйственнаго быта страны. Безъ улучшенія хозяйства, безъ поднятія производительности страны самыя завоеванія были бы не прочны.

Потому честь и слава тѣмъ труженикамъ науки, которые посвятили свои силы изученію Туркестана! Они сослужили такую-же важную службу странѣ и всему государству, какъ и герои-завоеватели.

Едва-ли легче была и задача ихъ, чѣмъ этихъ послѣднихъ. При мирныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ въ еще не покоренной или только что завоеванной странѣ, приходилось подвергаться такимъ же лишеніямъ и опасностямъ, какъ и при завоеваніи ея. Приходилось преодолѣвать препятствія, о которыхъ путешествующіе по Туркестану въ настоящее время и понятія не имѣютъ. Требовалась желѣзная воля, настойчивость и глубокая любовь къ наукѣ, чтобы не отступить передъ этими препятствіями. Надо было имѣть богатырскую доблесть, чтобы осилить ихъ.

Не мало нашлось такихъ богатырей науки среди русскихъ ученыхъ. Въ ихъ ряду наиболѣе почетное мѣсто принадлежитъ П. А. Сѣверцову и А. П. Федченко, описанію жизни и путешествій которыхъ посвящена эта книга.

Оба они много потрудились надъ изученіемъ Туркестана, и обоимъ имъ наука обязана драгоцѣннѣйшими вкладами.

На ихъ долю выпала трудная задача: они были первыми учеными изслѣдователями, проникшими въ самую

глубь Туркестана, въ мѣстности важныя въ практическомъ и еще болѣе важныя въ научномъ отношеніи.

Предстояло изслѣдовать все, что только поддавалось изслѣдованію, т. к. относительно посѣщенныхъ ими мѣстностей почти ничего не было извѣстно ранѣе. По обилію новаго и интереснаго научнаго матеріала эта задача была выполнена ими превосходно, познаніе природы страны подвинулось далеко впередъ, и наука обогатилась множествомъ цѣнныхъ данныхъ.

Къ глубокому прискорбію, обоимъ изслѣдователямъ не было суждено закончить своихъ трудовъ: смерть преждевременно похитила ихъ и нанесла тѣмъ чувствительный ударъ наукѣ. Оба изслѣдователя умерли, не закончивъ полной разработки добытыхъ результатовъ, но все же научное наслѣдіе послѣ нихъ осталось громадное и драгоцѣнное.

Важнѣе этого наслѣдства, однако, для насъ ихъ дѣятельность. Та энергія и любовь къ наукѣ, которыя руководили ими въ ихъ изслѣдованіяхъ, должны служить намъ примѣромъ. Польза, которую они принесли государству и наукѣ своими изслѣдованіями, доказываетъ намъ, что научный трудъ не пропадаетъ даромъ, если онъ освящается любовью къ наукѣ, что это такой же высокій и благородный трудъ, какъ и всякій другой, имѣющій цѣлью содѣйствовать благу государства и всего человѣчества.

П. Ш.

Путешествія Н. А. Сѣверцова.

Н. А. Сѣверцовъ.

Николай Алексѣевичъ Сѣверцовъ.

Біографическій очеркъ *).

Николай Алексѣевичъ Сѣверцовъ родился въ 1827 году въ Воронежской губерніи. Получивъ дома солидное среднее образованіе, онъ поступилъ въ московскій университетъ прекрасно подготовленный: онъ былъ знакомъ съ литературой, свободно говорилъ и писалъ на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, хорошо владѣлъ латинскимъ и могъ съ раннихъ лѣтъ приняться за изученіе интересовавшихъ его естественныхъ наукъ.

Поступивъ на физико-математическій факультетъ, Сѣверцовъ избралъ своею спеціальностью зоологію, которая привлекала его къ себѣ уже съ дѣтства. Эта наука преподавалась въ то время высоко талантливымъ профессоромъ К. Ф. Рулье, живое слово котораго глубоко запало въ душу начинающаго натуралиста.

Рѣшающимъ образомъ на его дальнѣйшую дѣятельность повліяло также знакомство съ извѣстнымъ и много сдѣлавшимъ для науки путешественникомъ Г. С. Карелинымъ, который только что вернулся изъ Средней Азіи и увлекъ Сѣверцова разсказами о тамошней богатой и оригинальной природѣ, съ рѣзкими контрастами пустынь и роскошной ра-

*) Составленъ по рѣчи проф. М. Меньзбира, напечатанной въ посмертномъ трудѣ Н. А. Сѣверцова «Орографическій очеркъ Памирской горной системы».

стительности горъ, знойныхъ низинъ и снѣговыхъ хребтовъ, лѣтняго жара и зимняго мороза. Со времени этого знакомства, какъ признавался впослѣдствіи самъ Сѣверцовъ, Средняя Азія сдѣлалась научной цѣлью его жизни.

Изъ всѣхъ отдѣловъ зоологіи Сѣверцова увлекало въ особенности изученіе распредѣленія животныхъ на земной поверхности и выясненіе зависимости этого распредѣленія отъ внѣшнихъ, физическихъ условій: климата, растительности, рельефа страны и т. п. Наука, разсматривающая подобные вопросы, называется въ отличіе отъ двухъ другихъ главныхъ вѣтвей зоологіи—сравнительной анатоміи *) и эмбріологіи **),—«зоогеографіей». Этой отрасли зоологіи Сѣверцовъ посвятилъ главную часть своей научной дѣятельности. Однако онъ не замыкался въ одной узкой спеціальности; пользуясь впослѣдствіи вполнѣ заслуженной репутаціей выдающагося зоолога, онъ работалъ въ то же время и на поприщѣ географіи и геологіи. Во всѣхъ этихъ отрасляхъ науки онъ былъ къ тому же не кабинетнымъ ученымъ, а неутомимымъ изслѣдователемъ живой природы. Его не удовлетворяла работа въ душной лабораторіи, его тянуло вдаль, въ широкія степи и высоко поднимающіяся надъ ними горы, въ лѣса и луга, гдѣ жизнь бьетъ ключомъ, гдѣ зоркій глазъ натуралиста улавливаетъ тайны природы и срываетъ съ нихъ покрывающую ихъ завѣсу.

Первые же шаги молодого натуралиста на научномъ поприщѣ были блестящи: втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ изучалъ въ своей родной Воронежской губерніи вліяніе различныхъ внѣшнихъ условій на распредѣленіе и на жизнь

*) Наука, сравнивающая строеніе различныхъ животныхъ и стремящаяся выяснить законы и причины ихъ строенія.

**) Наука, разсматривающая, какимъ образомъ каждое животное развивается изъ яйца, растетъ и превращается во взрослый организмъ.

позвоночныхъ животныхъ. Результатомъ его изслѣдованій явилась магистерская диссертація: «Періодическія явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ Воронежской губерніи», — сочиненіе изобилующее новыми мыслями и чрезвычайно дѣльными и мѣткими научными обобщеніями.

По представленію извѣстнаго изслѣдователя Сибири академика А. Ѳ. Миддендорфа сочиненіе это было удостоено Академіей Наукъ въ 1855 г. демидовской преміи. Авторъ его выдвинулся впередъ и былъ замѣченъ въ ученомъ мірѣ. Особенно важно однако то, что, благодаря хлопотамъ Миддендорфа, онъ былъ командированъ какъ членъ научной экспедиціи, снаряженной Академіей, въ степи лежащія при Аральскомъ морѣ.

Исполнилась его завѣтная мечта: онъ попалъ въ Среднюю Азію. Здѣсь представлялось широкое поле для наблюденій: своеобразныя условія климата, почвы и орошенія Средней Азіи ясно отражаются на растительномъ и животномъ мірѣ, населяющемъ ее. Выяснить эту зависимость, изучить распредѣленіе животныхъ въ странѣ было задачей крайне заманчивой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне трудной.

Не говоря уже о трудностяхъ путешествія, которыя были въ то время значительны, и само рѣшеніе намѣченной задачи, или, по крайней мѣрѣ приближеніе къ такому рѣшенію требовало громадной затраты силъ. Необходимо было собрать обширныя коллекціи, произвести множество наблюденій, чтобы получить возможность сдѣлать какіе либо, хотя бы даже лишь самые общіе, выводы.

Сѣверцова не остановили эти трудности. Беззавѣтно преданный наукѣ, живущій ею и едва-ли не ею одною, онъ бодро принялся за дѣло.

Какъ путешественникъ-изслѣдователь Сѣверцовъ былъ незамѣнимъ. Помимо многосторонняго естественно-историческаго

образованія, онъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для этого рода дѣятельности. Чрезвычайно точный и добросовѣстный наблюдатель, мыслитель, глубоко вдумывающійся въ интересующіе его вопросы и обсуждающій ихъ со всѣхъ сторонъ, онъ не могъ быть и не былъ подобно Стэнли или Пржевальскому прежде всего путешественникомъ. Онъ былъ по преимуществу натуралистомъ-изслѣдователемъ, изучающимъ точно и подробно детали природы страны.

Потому, путешествія его не охватили такихъ широкихъ раіоновъ, какъ, напр., путешествія П. М. Пржевальскаго. Они не открыли наукѣ такъ много новыхъ, обширныхъ странъ, до той поры совершенно неизвѣстныхъ. Всѣ его путешествія втеченіи тридцатилѣтней дѣятельности на поприщѣ науки, ограничивались областью Туркестана, но за то познаніе природы этой области онъ подвинулъ значительно впередъ. Особенно важно то, что внесенный имъ вкладъ въ науку состоитъ не изъ однихъ свѣдѣній о томъ, какова та или другая сторона природы страны, но и изъ новыхъ идей, дающихъ объясненіе фактамъ. Безъ теоріи—нѣтъ науки; только тамъ, гдѣ мысль идетъ впередъ и освѣщаетъ факты, только тамъ подвигается впередъ и наше знаніе. Въ освѣщеніи многихъ темныхъ вопросовъ зоогеографіи—одна изъ главныхъ научныхъ заслугъ Сѣверцова.

Обращаясь къ дѣятельности И. А. Сѣверцова въ Туркестанѣ, мы видимъ прежде всего, на сколько она была неутомима и плодотворна.

Въ 1857–58 гг. И. А. Сѣверцовъ вмѣстѣ съ ботаникомъ И. Г. Борщовымъ изслѣдуетъ природу степей, лежащихъ на сѣверъ отъ Аральскаго моря и у низовьевъ Сыръ-Дарьи.

Въ 1860 г., назначенный членомъ комитета по устройству Аральскаго казачьяго войска, Николай Алексѣевичъ собираетъ богатыя коллекціи по фаунѣ нижняго теченія рѣки Урала.

Попутно онъ изучаетъ жизнь промысловой рыбы въ Уралѣ, и даетъ полезныя указанія мѣстнымъ рыбопромышленникамъ.

Въ 1864 г. онъ изслѣдуетъ страну между рѣками Чу и Сыръ-Дарьей, при чемъ обращаетъ вниманіе не только на животный міръ, но и на внутреннее строеніе горныхъ хребтовъ и ихъ геологическую исторію, выясняетъ минеральныя богатства страны и возможность разработки ихъ.

Въ 1865—66 гг. Николай Алексѣевичъ въ качествѣ начальника туркестанской ученой экспедиціи занимается изслѣдованіемъ западныхъ отроговъ Тянь-Шаньской горной системы.

Въ 1867 году онъ проникаетъ въ самую глубь Тянь-Шаня, изучаетъ природу страны въ окрестностяхъ озера Иссыкъ-куль и поднимается на великіе Тянь-Шаньскіе Сырты.

Въ 1868 г. онъ дополняетъ свои наблюденія въ г. Ходжентѣ и заканчиваетъ работы туркестанской ученой экспедиціи.

Въ 1869—73 гг. Сѣверцовъ занятъ обработкой и приведеніемъ въ порядокъ добытыхъ результатовъ. Онъ опредѣляетъ свои коллекціи, совершаетъ для этой цѣли поѣздку за границу, печатаетъ нѣсколько работъ и въ 1873 г. уже приготовляется къ новой поѣздкѣ въ Туркестанъ.

Ему хотѣлось на этотъ разъ посѣтить восточные хребты Тянь-Шаня и Памиръ, но устроить эту экспедицію не удалось. Вмѣсто того Географическое Общество предложило ему принять участіе въ Аму-Дарьинской экспедиціи.

Сѣверцовъ согласился и до 1875 года работалъ въ низовьяхъ Аму-Дарьи, продолжая и дополняя свои прежнія изслѣдованія.

Въ 1875 году онъ снова ѣдетъ за границу, гдѣ знакомится, между прочимъ, съ великимъ англійскимъ естествоиспытателемъ Ч. Дарвиномъ, вполнѣ оцѣнившимъ оригинальный умъ и несомнѣнную даровитость русскаго натуралиста.

Въ 1877 году мы находимъ Сѣверцова уже опять въ Средней Азіи. Онъ, въ качествѣ начальника ферганско-памирской экспедиціи, продолжаетъ изслѣдованіе Ферганской долины, Алая и Памира, начатое А. П. Федченко въ 1871 году.

Ему удается проникнуть въ самую глубь Памира и изучить въ общихъ чертахъ какъ топографическое, такъ и геологическое строеніе этого великаго нагорья, остававшагося до тѣхъ поръ загадкой. Попутно онъ изучаетъ также характеръ и составъ фауны Памира.

Въ 1879 г. Сѣверцовъ совершаетъ свое послѣднее путешествіе по Туркестану, а именно по его сѣверной части. Вернувшись изъ этого путешествія въ Россію, онъ принимается за окончательную обработку собраннаго громаднаго матеріала.

Таковы, въ общихъ чертахъ, труды Сѣверцова по изслѣдованію Туркестана.

Результатами его многочисленныхъ путешествій явились богатѣйшія зоологическія и минералогическія коллекціи, давшія, впервые, ученому міру ясное понятіе о составѣ фауны Туркестана и о строеніи его хребтовъ.

Накопился также и обширный запасъ наблюденій и выводовъ относительно самыхъ разнообразныхъ сторонъ природы страны.

Многіе изъ этихъ выводовъ и наблюденій имѣли и до сихъ поръ имѣютъ громадное научное значеніе; почти всѣ они представляли изъ себя въ свое время совершенно новый и драгоцѣнный научный матеріалъ.

Сѣверцову удалось выяснить многіе спорные вопросы, относящіеся до строенія рельефа Туркестана. Онъ значительно подвинулъ впередъ и геологію страны: такъ, онъ разъяснилъ строеніе ея горныхъ хребтовъ, изслѣдовалъ лед-

ники, находящіеся въ ней въ настоящее время, и слѣды прежнихъ ледниковъ, изучалъ усыханіе Аральскаго моря и т. п.

Главнѣйшіе результаты изслѣдованій Сѣверцова въ этихъ областяхъ науки изложены въ его сочиненіи «Путешествія по Туркестанскому краю и изслѣдованія горной страны Тянь-Шань», которое послужило главнымъ источникомъ при составленіи нашей книги.

Наиважнѣйшею, однако, научной заслугою Сѣверцова должно считать выясненіе фауны позвоночныхъ животныхъ Туркестана, бывшей до тѣхъ поръ почти совершенно неизвѣстной.

О животныхъ Туркестана Сѣверцовымъ написано довольно много мелкихъ и крупныхъ работъ, касающихся какъ жизни ихъ, такъ и распредѣленія. Общіе выводы относительно туркестанской фауны были имъ изложены въ наиболѣе важномъ изъ всѣхъ его научныхъ трудовъ, озаглавленномъ «Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе туркестанскихъ животныхъ» и доставившемъ ему почетное мѣсто не только среди русскихъ, но и среди западно-европейскихъ зоологовъ.

Сѣверцовъ не ограничился простымъ перечисленіемъ собранныхъ въ Туркестанѣ животныхъ и указаніемъ ихъ распредѣленія. Онъ намѣтилъ участки въ странѣ, отличающіеся по составу своей фауны, опредѣлилъ вполнѣ точно вертикальныя зоны или пояса въ горахъ, характеризующіеся составомъ флоры и фауны, указалъ, наконецъ, и на тѣ причины, которыя вліяли и должны были вліять на распредѣленіе животныхъ.

Не оставилъ онъ безъ вниманія и періодическія явленія въ жизни животныхъ: такъ, имъ были изучены подробно пути перелетныхъ птицъ *), идущіе черезъ Туркестанъ.

*) Такъ называемые «пролетные» пути.

Все сочиненіе производитъ впечатлѣніе солиднаго научнаго труда и составило эпоху въ изслѣдованіи нашихъ среднеазіатскихъ владѣній.

Какъ въ этомъ трудѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ проглядываетъ оригинальность мысли, постоянное стремленіе къ истинѣ и крайне добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Прежде чѣмъ окончательно оформить какой либо выводъ и сдѣлать его общимъ достояніемъ, Сѣверцовъ много разъ обсуждалъ и взвѣшивалъ лежащій въ основаніи этого вывода фактическій матеріалъ.

Онъ постоянно недовѣрялъ себѣ, старался провѣрить свои взгляды и выводы и, какъ искренній ученый, для котораго истина дороже всего, не стыдился отказываться отъ тѣхъ своихъ мнѣній, которыя при послѣдующей повѣркѣ не подтверждались.

Къ сожалѣнію, П. А. Сѣверцову не суждено было довершить начатое дѣло. Жестокій случай былъ причиной того, что наука понесла тяжелую и горестную утрату — П. А. Сѣверцовъ умеръ, не закончивъ многихъ начатыхъ работъ, окончаніе которыхъ, несомнѣнно, значительно обогатило бы науку.

Вечеромъ, 27 января 1885 года, Николай Алексѣевичъ, вмѣстѣ съ сосѣдомъ помѣщикомъ Стрижевскимъ, выѣхалъ изъ своей усадьбы, гдѣ онъ жилъ послѣднее время, въ Воронежъ. Ѣхали въ кибиткѣ по рѣкѣ Дону, обычной зимней дорогой, по которой ходятъ обозы. На четвертой верстѣ пристяжная провалилась въ полынью и кибитка накренилась. Сѣверцовъ, отличавшійся всегда разсѣянностью, быстро отстегнулъ фартукъ и выпрыгнулъ, но попалъ прямо въ воду. Стрижевскій прыгнулъ за нимъ тоже въ воду, но тотчасъ же выбрался на ледъ. Увидавъ, что Сѣверцовъ все еще въ водѣ, Стрижевскій подалъ ему руку и съ помощью кучера вытащилъ его. Пройдя нѣсколько шаговъ, Сѣверцовъ упалъ; съ нимъ сдѣлался ударъ.

Стрижевскій и кучеръ пытались тащить его подъ руки, но это оказалось невозможнымъ. Кучеръ остался оттирать больнаго, а Стрижевскій побѣжалъ на хуторъ за помощью. Вернувшись, онъ уже не засталъ пріятеля въ живыхъ.

Какъ въ Россіи, такъ и за границей печать и ученыя общества выразили свое глубокое сочувствіе потерѣ понесенной русской наукой.

Россія потеряла въ Сѣверцовѣ одного изъ талантливѣйшихъ путешественниковъ-изслѣдователей, преданнаго наукѣ до самозабвенія, посвятившаго всю свою жизнь исканію научной истины.

Пускай же его образъ останется вѣчнымъ памятникомъ безкорыстнаго служенія наукѣ и отчизнѣ, и пускай, слѣдуя по его стопамъ, создаются и вырабатываются новые изслѣдователи! Только подобныя силы обезпечиваютъ будущность Россіи, ея значеніе, ея мѣсто среди цивилизованныхъ странъ земного шара, только подобные ученые обезпечиваютъ будущность науки.

Въ плѣну у коканцевъ *).

I.

«Яркими красками рисовало мнѣ воображеніе сыръ-дарьинскую природу», такъ начинаетъ Сѣверцовъ свое повѣствованіе. «Основываясь на разсказахъ очевидцевъ, я ожидалъ увидать земной рай. На дѣлѣ же оказалось, что хотя въ этихъ разсказахъ неправды не было, но правда была сильно разукрашена. Особенности сыръ-дарьинской природы только въ памяти группируются въ полную изящную картину, поразительную своимъ разнообразіемъ. Этого-то цѣлаго глазъ и не окинетъ сразу. Глазу, на мѣстѣ, представляются только отдѣльныя черты: попадешь на колючку, такъ ужъ больше ничего и не видно; въ саксаульникѣ одинъ саксаульникъ и т. д. Тоже и относительно животнаго царства: каждаго рода мѣстность отличается скуднымъ и однообразнымъ подборомъ тѣхъ или другихъ свойственныхъ этой мѣстности породъ

---

*) Принимая во вниманіе, что путешествія Сѣверцова и Федченко совершены были въ то время, когда описываемый край не подвергся еще вліянію русской культуры, мы признали необходимымъ прибѣгнуть къ современнымъ источникамъ, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это нужно, провести параллель между прошедшимъ и настоящимъ.

Этими же источниками мы воспользовались, чтобъ оживить нѣсколько, подчасъ, сухое изложеніе путешественниковъ-изслѣдователей, ученые труды которыхъ были и всегда будутъ драгоцѣннымъ достояніемъ науки.

Вспомогательными источниками послужили: Каразинъ — Въ Низовьяхъ Аму; Терентьевъ — Туркестанъ и Туркестанцы; Марковъ — Путешествіе въ Фергану.

животныхъ. Только разсматривая коллекціи, можно убѣдиться, что если каждый родъ мѣстности бѣденъ представителями, то зато родовъ мѣстностей много».

Въ 1857 г. Академія Наукъ признала полезнымъ снарядить экспедицію для изслѣдованія низовьевъ Сыръ-Дарьи и для выясненія вопроса, въ какой степени крайне континентальный климатъ данной мѣстности вліяетъ на растительную и животную жизнь. Начальство надъ экспедиціей было поручено Академіей Сѣверцову. Въ началѣ августа Николай Алексѣевичъ былъ въ Оренбургѣ, а въ началѣ октября—на сѣверо-восточномъ берегу Аральскаго моря.

Оригинальную картину представляютъ безчисленныя развѣтвленія Сыръ-Дарьи, вливающей въ море свои мутныя волны. Громадныя отмели, почти не возвышающіяся надъ водною поверхностью, отличаются отъ нея только своимъ золотисто-желтымъ цвѣтомъ. Передъ вашими глазами развертывается точно гигантская картина, раскрашенная самыми яркими колерами. Тамъ—желтый, сверкающій на солнцѣ, песокъ граничитъ съ темно-лиловою полосою воды, на которую набѣжала тѣнь облака. Тамъ—словно бирюза сверкаетъ чудная лазурь отраженнаго неба. Рядомъ съ нею тянется изумрудная полоса камышевыхъ зарослей; а за нею—словно снѣгъ, бѣлѣетъ солончакъ, испещренный бурыми пятнами засохшихъ растеній.

Въ иныхъ мѣстахъ камышъ достигаетъ 12 аршинъ надъ поверхностью воды, глубина которой иногда очень значительна. Тысячи птицъ спятъ и щебечутъ въ этихъ тѣнистыхъ чащахъ; тамъ и сямъ чернѣютъ ихъ качающіяся гнѣзда. Тяжелые пеликаны съ шумомъ вылетаютъ изъ чащи и опускаются на воду попырять и поплавать. Граціозные лебеди несутся по низу, вытянувъ длинныя шеи. Голубой пчелоѣдъ, словно бирюзовая точка, дрожитъ и сверкаетъ въ воздухѣ, или же покачивается, усѣвшись на самомъ концѣ стебля. Шумными тучами

проносятся розовые скворцы, прилетающіе сюда съ берега на охоту за мошками и комарами. Тутъ же въ камышахъ водятся фазаны, отличающіеся красивыми золотистыми перьями; изрѣдка шуршитъ кабанъ, раздвигая камышъ. Еще не такъ давно водился здѣсь и царственный тигръ, но теперь онъ встрѣчается уже крайне рѣдко, за то часто попадается барсъ и особый видъ рыси—камышевая кошка.

Жизнь кипитъ надъ водою, кипитъ въ водѣ. Громадные сомы всплываютъ почти на самую поверхность и, словно бревна, неподвижно чернѣютъ въ прозрачной спокойной водѣ. Цѣлыми стадами гуляетъ и рѣзвится мелкая рыба.

Между неподвижными зарослями камышей встрѣчаются заросли плавучія. Корни камыша устарѣютъ и подгніютъ; вѣтеръ раскачаетъ ихъ и сорветъ, такимъ образомъ, цѣлый островъ. И вотъ плыветъ этотъ островъ, путается и цѣпляется за другіе кусты, срывая ихъ по пути и затрудняя и безъ того трудное плаваніе въ этомъ лабиринтѣ.

Рыбаки каракалпаки приходятъ сюда на промыслы. Ихъ жилища устраиваются очень просто. Срѣзавъ камышъ и связавъ его въ пучки, настилаютъ эти пучки на срѣзанные комли. Такимъ образомъ получается нѣчто вродѣ свайной постройки. Только сваи эти не толще пальца и гнутся какъ волосъ. Но зато ихъ много: цѣлая сплошная щетка, и упругость ихъ сдерживаетъ довольно сильную тяжесть. Въ подобныхъ хижинахъ рыбаки ухитряются даже разводить огонь, набросавъ на камыши песку или земли, привезенной съ берега. Надъ помостомъ, на легкихъ шестахъ устраиваются навѣсы, все изъ того же камыша.

Аральское море, доступное со всѣхъ сторонъ, не совсѣмъ удобно для плаванія. Длинной и покойной волны, легко несущей судно, здѣсь не бываетъ; а при первомъ порывѣ вѣтра поднимается тотчасъ же, такъ называемая, толчея

т. е. мелкая зыбь, увеличивающаяся до значительныхъ размѣровъ. Въ виду этихъ особенностей самый легкій вѣтерокъ достаточенъ, чтобъ задержать суда отъ выхода въ море, иногда на неопредѣленное время. Даже двинувшіеся въ путь суда часто принуждены бываютъ вернуться *).

При изслѣдованіи побережья, прилегающаго къ Сыръ-Дарьѣ, Сѣверцовъ пораженъ былъ значительнымъ усыханіемъ Аральскаго моря. На прибрежныхъ пескахъ лежали свѣжія не потерявшія еще цвѣта раковины, а въ многочисленныхъ разбросанныхъ по берегу солепыхъ озерахъ—такія же раковины еще живыя. Сдѣланная съемка показала, что многіе прибрежные острова, нанесенные въ 1847 г. на карту, уже успѣли соединиться съ берегомъ.

20-го октября Сѣверцовъ пріѣхалъ въ укрѣпленіе Казалинскъ (или Казалу), называвшееся тогда еще фортомъ № 1. Сыръ-Дарья у Казалинска дѣлаетъ крутую дугу, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся низменные плоскіе берега, съ правой стороны унизанные сплошными огородами и полями, а съ лѣвой—покрытые группами киргизскихъ кибитокъ, гдѣ живутъ киргизы-егинчи, т. е. земледѣльцы. Принявшись за хлѣбопашество не особенно давно, киргизы не успѣли еще къ нему привыкнуть и въ общемъ плохіе земледѣльцы. Поля вспахиваются у нихъ самымъ первобытнымъ образомъ: киргизъ идетъ за плугомъ, мальчишка тащитъ впряженныхъ воловъ за веревку. Гдѣ встали волы, тамъ и окончилась борозда. Между бороздами большіе пропуски; мѣстами плугъ выскочитъ и проползетъ бокомъ. Въ результатѣ—все поле безобразно изрыто и очень мало похоже на пашню.

За послѣднее время, однако, замѣчается, что киргизы начинаютъ все болѣе и болѣе втягиваться въ хлѣбопашество.

*) Н. И. Каразинъ.

Число запахапныхъ киргизами земель увеличивается съ каждымъ годомъ. Скотоводство не можетъ болѣе кормить ихъ, такъ какъ лучшія земли запяты теперь русскими.

Занятіе земледѣліемъ требуетъ осѣдлаго образа жизни, а осѣдлость въ свою очередь способствуетъ дальнѣйшему развитію народности, потому нельзя не радоваться превращенію киргизовъ изъ кочевниковъ-скотоводовъ въ земледѣльцевъ.

Киргизъ земледѣлецъ.

Тѣмъ грустнѣе то обстоятельство, что иногда только что зарождающееся земледѣліе подвергается такимъ страшнымъ бѣдствіямъ, какъ напр. то, которое постигло данную мѣстность лѣтъ черезъ десять послѣ посѣщенія Сѣверцова. Думаемъ, что читатель не посѣтуетъ на небольшое отступленіе отъ разсказа, если мы остановимся на этомъ бѣдствіи нѣсколько подробнѣе. Мы говоримъ о нашествіяхъ пѣшей и конной саранчи, которымъ мѣстность подвергалась два раза.

Въ половинѣ іюня въ тотъ злосчастный годъ, подъ вечеръ, въ Казалинскъ прискакалъ киргизъ со страшной вѣстью: «саранча идетъ!» Это была медленно подвигающаяся пѣшая, т. е. ползущая саранча. Первая линія этой враждебной арміи была еще далеко, и въ Казалинскѣ успѣли принять необходимыя мѣры. Мѣстность благопріятствовала защитѣ. Между полчищами саранчи и Казалою была широкая и быстрая рѣка Сыръ-Дарья, черезъ которую, казалось, невозможно будетъ перебраться этимъ прожорливымъ массамъ. На всякій случай на берегъ выведенъ былъ цѣлый баталіонъ солдатъ, вывезены

даже орудія и вокругъ всей береговой линіи огородовъ сложены кучи горючаго матеріала, готовыя по данному сигналу вспыхнуть цѣпью костровъ и отгородить поля этимъ огненнымъ барьеромъ.

Всѣ жители отъ мала до велика собрались и заняли берегъ. Все это было вооружено чѣмъ попало; преимущественно— орудіями, производящими шумъ.

Къ утру прискакалъ еще киргизъ. «Земли, говоритъ, не видно подъ сарапчею. Глазомъ не окинуть, гдѣ начинается и гдѣ кончается».

Всѣ ждали, затаивъ дыханіе, и не безъ тревоги посматривали на противоположный берегъ, на эту сѣро-желтую полосу, въ которой, пока, еще ничего не было замѣтно подозрительнаго.

Мало-по-малу сѣрожелтый цвѣтъ сталъ дѣлаться все темнѣе и темнѣе; зеленыя мѣста покрылись какъ будто ржавчиною. Вода у береговъ окрасилась въ красноватобурый цвѣтъ и вдоль этой ленты заклубилась бѣлая пѣна, будто теченіе рѣки встрѣтило какое-то плавучее препятствіе. Это начали спускаться въ воду миріады насѣкомыхъ. Вся эта масса обладала однимъ только инстинктомъ — стремленіемъ впередъ. Гонимые этимъ инстинктомъ, передовые ряды насѣкомыхъ спустились въ воду. Ихъ не успѣло еще подхватить теченіемъ, какъ уже новые ряды навалились сверху. Все это не успѣвало топуть и на нихъ, какъ на живомъ плоту, собирались все новыя и новыя массы, образовавъ клубящійся валъ, подвигающійся безостановочно впередъ, медленно сносимый наискось теченіемъ рѣки. Вотъ уже близокъ онъ къ другому берегу. Узкая полоса свободной воды пѣнится и прорывается со страшнымъ шумомъ. Она становится все уже и уже. Скоро живой коверъ перекинулся на эту сторону и поднимается на берегъ... Трудно представить себѣ тому, кто не видалъ самъ

эту оригинально-страшную картину. Выстрѣлы изъ пушекъ и ружей, трескотня барабановъ и разныхъ орудій, вопли и крики тысячи голосовъ, наконецъ громадные костры, вспыхнувшіе по всему берегу, не останавливаютъ нашествія...

Почти мгновенно, съ трескомъ и шипѣніемъ, погасли костры, заваленные тѣлами саранчи. Вся зелень вмигъ была истреблена миріадами прожорливыхъ созданій.

Часа три тянулось это опустошительное шествіе по направленію къ пескамъ Кара-Кумъ, гдѣ саранча положила свои яйца. Зная это послѣднее обстоятельство, казалинцы и на слѣдующій годъ ожидали такого же бѣдствія. Но ранняя и дружная весна не позволила вывестись саранчѣ: яйца ея погибли отъ сырости, которой они не переносятъ.

Два года спустя, новое нашествіе саранчи имѣло, по наружности, еще болѣе ужасающій характеръ. Около обѣда страшный шумъ въ воздухѣ невольно обратилъ на себя общее вниманіе. Этотъ шумъ похожъ былъ на гулъ приближающагося урагана, только съ какимъ-то зловѣщимъ шипѣніемъ. На юго-восточномъ горизонтѣ показалась темная полоса, все болѣе и болѣе расширяющаяся, и скоро захватила собою полнеба. Не смотря на полдень, стало темно какъ въ самые густые сумерки. Эта масса саранчи, шириною около 10 верстъ, длиною до 20 верстъ и толщиною въ нѣсколько саженъ, надвигалась на Казалу. Саранча летѣла такъ низко, что трудно было ходить по улицамъ. По лицу, по головѣ, по чему ни попало непрерывно хлестали летящія насѣкомыя. Миріады садились на землю; миріады снимались и летѣли дальше. И опять все зеленое было объѣдено и истреблено *).

Одного взгляда на Казалу достаточно, чтобы напомнить путешественнику, что онъ уже находится въ Средней Азіи.

*) Н. Н. Каразинъ.

Низкіе дома съ плоскими крышами, почти безъ оконъ и безъ дверей, базаръ съ его рядомъ лѣпящихся другъ къ другу маленькихъ павѣсовъ, изображающихъ изъ себя лавки, гдѣ длиннобородые торговцы въ яркихъ халатахъ величественно возсѣдаютъ посреди своихъ товаровъ, развлекаясь чаепитіемъ и разговорами; ряды навьюченныхъ верблюдовъ, медленно идущихъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, или спокойно лежащихъ на землѣ и меланхолически пережевывающихъ свою жвачку; маленькіе чернобурые ослики, такъ сильно нагруженные всякой всячиной, что изъ подъ груза они сами едва видны; толпа пестро и ярко одѣтаго народа, кричащаго и жестикулирующаго—все это уже напоминаетъ путнику, что онъ вступилъ въ сказочныя страны Востока.

Казалинскъ представляетъ изъ себя одинъ изъ первыхъ пунктовъ, съ котораго начало распространяться русское владычество въ Средней Азіи.

Отсюда до форта Перовскаго, бывшаго кокапскаго города Акъ-Мечети, считается около 350 в. Это разстояніе Сѣверцовъ проѣхалъ не торопясь, часто уклоняясь въ сторону для изученія мѣстной флоры и фауны.

Характеръ мѣстности здѣсь уже вполнѣ среднеазіатскій. Цѣлыми днями тянется вдоль Сыръ-Дарьи унылая глинистая пустыня, лишь кое-гдѣ прикрытая сѣрой, выгорѣвшей за лѣто полынкой. Бурые клубки перекати-поля, шурша, носятся по гладкому глинистому грунту. Черные кузнечики роями вылетаютъ съ сухимъ трескомъ изъ подъ копытъ лошадей и, кромѣ ихъ треска, да заунывнаго голоса характерной птицы пустыни—бульдрюка или какого нибудь перпатаго хищника, высматривающаго суслековъ,—ни звука. Иное дѣло весною. Тогда глинистая степь расцвѣчается пестрымъ ковромъ тюльпановъ. Вешнія воды и въ ней вызываютъ жизнь. Она наполняется движеніемъ и звуками.

Средне-азіатская пустыня.

Еще мертвеннѣе мѣстность, когда дорога приближается къ какому нибудь каменистому хребтику. Здѣсь сѣрая глина смѣняется черными щебнемъ или галькою, тянущеюся вплоть до горизонта. Жизнь совсѣмъ исчезаетъ. Весною еще выбиваются изъ подъ камней приземистыя растеньица, но лѣтомъ, подъ жгучими лучами солнца, раскаляющаго камни, они отмираютъ. При отсутствіи же растеній невозможна и животная жизнь.

Болѣе оживленный пейзажъ находитъ путешественникъ вблизи рѣки, въ окружающихъ ее пескахъ. Здѣсь тянутся ряды бархановъ — холмовъ, наметаемыхъ вѣтромъ, и по нимъ раскидывается оригинальная флора кустарниковъ и полукустарничковъ, торчащихъ изъ, повидимому, сухого песка. Поднимаются темнозеленыя купы гребенщика съ его розовыми султанами цвѣтовъ, лѣпятся по бокамъ бархановъ сѣрые кустики чингила, торчитъ зеленой щетиной изъ земли трава «кызылча» или, какъ ее называютъ ботаники, эфедра *), которой за послѣднее время приписываютъ такъ много цѣлебныхъ свойствъ.

Все это растенія или полусухія, или снабженныя густымъ сѣдымъ войлочкомъ, покрывающимъ ихъ листья и стебли и предохраняющимъ отъ чрезмѣрнаго высыханія. Есть, однако, между ними и кустарнички съ мясистыми, сочными листочками, въ которыхъ они, подобно кактусамъ Африки, накопляютъ влагу. Таковъ, напр., саксаулъ, корявый стволъ котораго часто выглядываетъ изъ почвы между барханами; у него вмѣсто листьевъ лишь зеленые, мясистые пузырьки, которые сидятъ на голыхъ вѣткахъ, торчащихъ во всѣ стороны. Въ зарослях саксаула нѣтъ ни тѣни, ни жизни, одѣ ящерицы скользятъ безшумно между корнями, да невзрачныя, безголосыя пташки перепархиваютъ съ вѣтки на вѣтку. Тѣмъ не

*) Кузьмичева трава.

менѣе саксаулъ является желаннымъ растеніемъ для путника, — онъ доставляетъ ему превосходное топливо, драгоцѣнное въ степяхъ и пустыняхъ Средней Азіи, гдѣ дерево цѣнится чуть не на вѣсъ золота.

Нашему путешественнику все это было ново. Съ большимъ интересомъ наблюдалъ онъ окружающую оригинальную природу, собиралъ животныхъ и растенія, изслѣдовалъ встрѣчающіяся геологическія образованія.

Какъ опытный натуралистъ, онъ вездѣ видѣлъ, какъ условія внѣшней природы, почва и климатъ вліяютъ на органическій міръ, какъ подъ вліяніемъ палящихъ лучей южнаго солнца замираетъ жизнь, а то, что остается живымъ, приспособляется къ неблагопріятнымъ условіямъ всѣмъ своимъ организмомъ.

Здѣсь же пришлось Сѣверцову впервые познакомиться ближе съ коренными обитателями Средней Азіи — киргизами, присмотрѣться къ ихъ быту и характеру, найти и въ ихъ жизни не мало интересныхъ сторонъ.

Встрѣчающіеся въ Туркестанѣ киргизы дѣлятся на киргизъ-кайсаковъ (или киргизъ-казаковъ), жителей степей, лежащихъ въ болѣе сѣверной части страны, и кара-киргизовъ, или дикокаменныхъ, кочующихъ преимущественно вблизи горныхъ хребтовъ Тянь-Шаня. Оба эти племени мало отличаются другъ отъ друга и представляютъ изъ себя давнихъ пришельцевъ съ востока. Ихъ родина, какъ думаютъ ученые ориенталисты *), горы Алтая и Саяна.

Находясь на низкой ступени развитія, киргизы не научились еще подчинять себѣ природу, какъ это дѣлаемъ мы, европейцы; они, напротивъ, сами въ значительной степени подпадаютъ ея непосредственному вліянію. На весь ихъ бытъ, на

*) Т. е. изучающіе исторію и этнографію восточныхъ государствъ.

Барханы и песчаная пустыня.

весь строй ихъ жизни окружающая природа вліяетъ также, какъ на растенія пустыни.

Прежде всего киргизъ типичный кочевникъ; бо́льшую часть года онъ проводитъ, кочуя съ одного мѣста на другое. Почему? Конечно не изъ одной любви къ бродяжничанью и къ постоянной перемѣнѣ мѣстъ! Кочевать его заставляетъ природа, подобно тому, какъ она заставляетъ птицъ совершать огромные перелеты. Наступитъ у насъ зима — и птицы, не выдерживающія холода, должны или летѣть въ теплыя, южныя страны, или погибнуть. Такъ и киргизъ: наступитъ знойное лѣто, начнутъ выгорать и безъ того бѣдныя травой степи и пустыни, и онъ долженъ скорѣе снѣшить откочевывать въ горы, иначе погибнетъ отъ безкормицы, оводовъ и слѣпней весь его скотъ. Въ скотѣ же все благосостояніе киргиза; хлѣбопашеству онъ, какъ мы уже говорили, только что начинаетъ учиться.

Въ горахъ, на высокихъ альпійскихъ лугахъ, на «джейлау», какъ говорятъ киргизы, скотъ за лѣто успѣетъ отъѣсться, да и самъ киргизъ отдохнетъ и запасется припасами на зиму.

Чуть настанетъ осень, — опять киргизу приходится откочевывать: въ горахъ начинаются холода и мятели, выпадаетъ глубокій снѣгъ и существованіе становится невозможнымъ. Въ долинахъ хотя тоже холодно, но снѣгу меньше, онъ позже выпадаетъ и раньше стаиваетъ. Гдѣ нибудь въ защищенномъ отъ вѣтровъ мѣстѣ у каждаго аула *) имѣются свои зимовья «кыстау» — жалкія лачуги, кое-какъ слѣпленныя изъ глины и камыша. Киргизу нѣтъ дѣла до изящества постройки: лишь бы сколько нибудь грѣла. Въ этихъ лачугахъ киргизъ коротаетъ зиму, дожидаясь съ нетерпѣніемъ первыхъ признаковъ весны, чтобы перебраться въ свое излюбленное походное жилище — кибитку или «юрту».

*) Аулъ соотвѣтствуетъ нашей деревнѣ; въ большинствѣ случаевъ ауль составляютъ семейства, принадлежащія къ одному роду.

Едва сбѣгутъ снѣга и появится зелень, — опять потянется каждый аулъ къ своему лѣтнему мѣстопребыванію въ горахъ, отстоящему отъ зимовья часто на нѣсколько сотенъ верстъ. Путь каждый годъ совершается тотъ же, установленный вѣками, и пойти по пути, по которому ходитъ другой аулъ, считается преступленіемъ.

Долго оставаться на одномъ мѣстѣ киргизу нельзя: огромные табуны и стада быстро выѣдаютъ траву кругомъ и волей-неволей приходится двигаться дальше. Отъ такихъ постоянныхъ періодическихъ передвиженій, любовь къ подвижной кочевой жизни вошла въ плоть и кровь киргиза.

— «Зачѣмъ вы постоянно кочуете? неужели это доставляетъ вамъ удовольствіе?» спросилъ какъ-то венгерскій путешественникъ Вамбери у старой киргизки.

— «Мы не такъ лѣнивы, какъ ты, таксыръ (господинъ), отвѣчала она. Намъ не усидѣть по цѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ. Человѣкъ долженъ двигаться, потому что, посуди самъ: солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вода, звѣри, птицы, рыбы — все движется! Только земля и мертвые остаются на мѣстѣ».

Къ передвиженію приспособлено и главное жилище киргиза, и весь его домашній обиходъ. Легкая и вмѣстѣ съ тѣмъ устойчивая юрта требуетъ всего лишь одного—двухъ верблюдовъ для перемѣщенія, быстро разбирается и также быстро выставляется. Вся юрта состоитъ изъ топкихъ деревянныхъ жердей и рѣшетокъ, обтягиваемыхъ толстымъ войлокомъ, почему въ ней тепло и уютно и въ холодные дни. Опять-таки сказывается вліяніе природы: въ горахъ и лѣтомъ прохладно, да и въ степи, какъ ни знойно днемъ, ночью температура падаетъ низко; поневолѣ киргизу приходится заботиться о болѣе тепломъ жилищѣ и не довольствоваться какимъ нибудь шатромъ или палаткой.

По той же причинѣ приходится киргизу одѣваться въ теплое платье даже и лѣтомъ. Странно видѣть при страшномъ, совершенно африканскомъ зноѣ киргиза въ тепломъ ватномъ халатѣ и мѣховомъ малахаѣ (шапкѣ), но стоитъ побывать въ

Молодой киргизъ.

степи, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ это необходимо: и русскому путешественнику приходится лѣтомъ возить съ собой тулупъ на случай ночевки въ степи или необходимости подняться высоко въ горы.

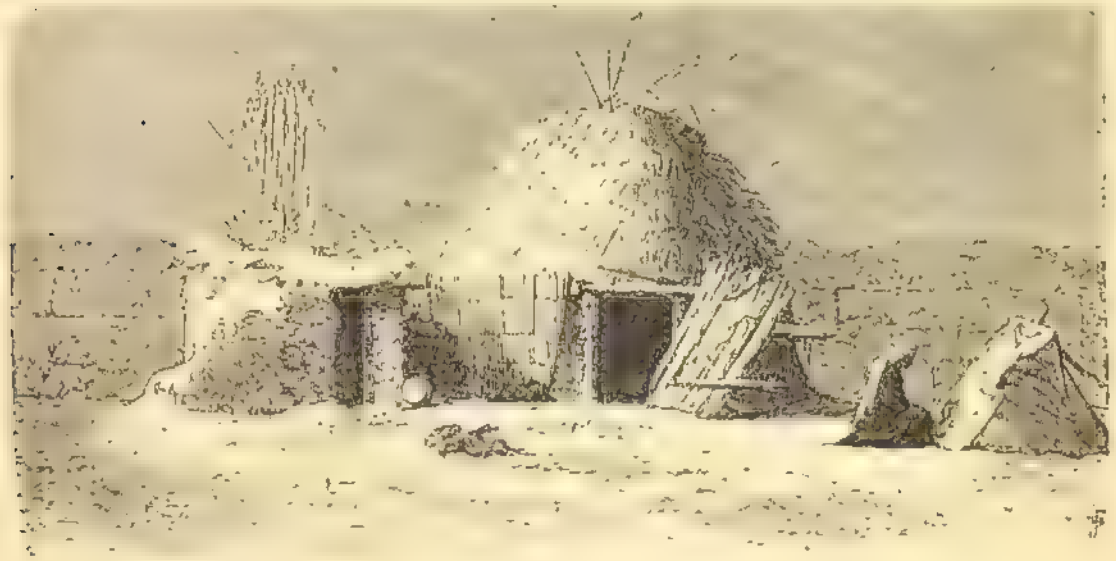
Подвижная жизнь, чистый горный и степной воздухъ, климатъ, закаляющій здоровье, все это вліяетъ, въ свою очередь,

на характеръ киргиза. Бодрый и подвижный, онъ всегда готовъ повеселиться, побалагурить. Лучшее удовольствіе для него пропестись вихремъ на степномъ скакунѣ, погарцовать, показать свою удаль.

Вообще киргизы производятъ впечатлѣніе свѣжей и полной силъ народности, симпатичной по своему характеру и интересной для каждаго, кто любитъ наблюдать и вдумываться въ смыслъ того, что видитъ.

Такое впечатлѣніе вынесъ о нихъ и Сѣверцовъ. Среди наблюденій надъ всѣмъ окружающимъ и составленія зоологическихъ и другихъ коллекцій онъ и не замѣтилъ, какъ добрался до Перовска, куда прибылъ 12 декабря съ богатой научной добычей.

Не довольствуясь добытыми результатами, онъ разсчитывалъ поохотиться въ окрестностяхъ форта Перовскаго и пробраться на почти неизвѣстный хребетъ Кара-Тау, западная оконечность котораго находится отъ ф. Перовскаго всего верстахъ въ 80-ти.



Киргизская зимовка.

II.

Послѣ пораженія, нанесеннаго коканцамъ въ 1853 году, они надолго притихли и избѣгали встрѣчи съ русскими отрядами. Такія обстоятельства казались весьма благопріятными для научныхъ экскурсій. Въ теченіе апрѣля не было случая, чтобы коканцы потревожили какой нибудь русскій отрядъ. Коканскіе наѣздники ограничивались тѣмъ, что грабили киргизскіе аулы и угоняли скотъ; киргизы платили имъ тѣмъ же. Въ концѣ апрѣля (1858 г.) въ фортѣ Перовскомъ получено было извѣстіе, что подвластные Кокану киргизы въ восточной части ханства возмутились, и туда направились всѣ коканскія войска. Кромѣ того, бухарскій эмиръ угрожалъ Кокану. Стѣснепнымъ такимъ образомъ коканцамъ, казалось, нельзя было и думать задѣвать русскихъ. Не смотря на такія благопріятныя условія, Сѣверцовъ вестаки не рѣшился ѣхать безъ конвоя и примкнулъ къ отряду въ 50 казаковъ, посланному вверхъ по Сыръ-Дарьѣ для рубки строеваго лѣса.

Къ сожалѣнію, дѣла задержали Сѣверцова въ фортѣ Перовскомъ, и отрядъ ушелъ впередъ. Три дня спустя Николай Алексѣевичъ съ десятью казаками двинулся ему въ догонку. Въ первый день экспедиція потеряла много времени на поиски верблюдовъ и успѣла пройти очень мало. Въ сумерки завидѣли киргизскій аулъ и направились къ нему. Нѣсколько совершенно голыхъ ребятишекъ, увидя путешественниковъ, попрятались, словно сурки, по норкамъ. Одинъ чуть не сбилъ съ ногъ своей матери, за что и получилъ порядочнаго тумака. Тощія, косматыя собаки съ хриплымъ лаемъ бросались подъ ноги лошадямъ. У входа въ кибитку двѣ женщины въ засаленныхъ халатахъ толкли въ ступѣ просо. Неподалеку, надъ костромъ висѣлъ котелъ, въ которомъ варилась просяная похлебка, распространявшая аппетитный запахъ.

Увидавъ у входа одной изъ переднихъ кибитокъ киргиза, казакъ, знавшій по киргизски, заговорилъ съ нимъ. Тотчасъ же киргизъ подошелъ къ Сѣверцову и подержалъ ему стремя. Это было равносильно приглашенію.

Войдя въ кибитку, Сѣверцовъ увидалъ посрединѣ большой костеръ, ярко освѣщавшій рѣшетчатый остовъ кибитки, обтя-

Киргизская юрта.

нутый снаружи толстымъ сѣрымъ войлокомъ. По стѣнамъ развѣшены были: посуда, разнаго рода домашняя утварь, а также сѣдла, уздечки, сабли и ружье. По всему было видно, что хозяинъ не изъ бѣдныхъ.

У костра сидѣли двѣ молодыя дѣвушки, его дочери. При входѣ путешественника, онѣ, по знаку отца, подошли къ нему и каждая, по-очередно, взявъ его руку, приложила ее къ сердцу, скромно опустивъ глаза. Такимъ образомъ киргизки

привѣтствуютъ своихъ родственниковъ и гостей, которые, по правиламъ восточнаго гостепріимства, для нихъ священны.

Тѣмъ временемъ на циновки, которыми устланъ былъ полъ, положили подушки, на подушки ковры, и путешественникъ, по приглашенію хозяина, съ наслажденіемъ растянулся на нихъ. Поспѣло любимое азіатское кушанье — пилавъ, но чашки, изъ которыхъ ѣли, были такъ неопрятны, что Сѣверцовъ, подъ предлогомъ нездоровья, отказался и попросилъ вскипятить молока. Когда молоко вскипѣло, онъ накрошилъ туда сухарей и предложилъ хозяевамъ попробовать. Они пришли въ восторгъ отъ такого кушанья.

Замѣтивъ на стѣнѣ инструментъ на подобіе балалайки, Николай Алексѣевичъ попросилъ хозяина сыграть что нибудь. Своеобразные мотивы пѣсни, подъ аккомпаниментъ этого инструмента, были бы довольно пріятны, еслибъ не пѣлись гнусавымъ голосомъ съ рѣзкими взвизгиваніями. Присутствующіе, которыхъ набралось не мало, были, повидимому, совсѣмъ довольны. Они сидѣли вокругъ огня и покачивались въ тактъ. Киргизы сидятъ не по турецки съ крестообразно сложенными ногами. Они становятся на колѣни и потомъ опускаются всею тяжестью туловища на пятки. Непривычному человѣку послѣ такого сидѣнья ни за что не встать на ноги.

Переночевавъ въ аулѣ, экспедиція двинулась далѣе и только на третій день догнала отрядъ. Пройдя верстъ 20, экспедиція достигла урочища Кумсуатъ, гдѣ въ 1853 г. была битва русскихъ съ кокандцами. Русскій отрядъ въ 300 человѣкъ столкнулся съ нѣсколькими тысячами кокандцевъ, разбилъ ихъ и завладѣлъ ихъ пушками.

Объ этой молодецкой схваткѣ разсказывалъ Сѣверцову офицеръ, сопровождавшій теперь казаковъ. Онъ очень усиленно отговаривалъ Николая Алексѣевича отъ посѣщенія Кара-Тау, гдѣ, по слухамъ, рыскали кокандцы, преслѣдуя под-

властныхъ имъ киргизовъ, перекочевывавшихъ въ русскія владѣнія. Но ближайшія окрестности этотъ же офицеръ считалъ вполнѣ безопасными. Онъ самъ и другіе ходили выбирать лѣсъ для рубки, очень часто по одиночкѣ, или вдвоемъ.

Въ послѣдніе дни Сѣверцовъ чувствовалъ сильные приступы лихорадки. На охотѣ онъ скоро уставалъ и долженъ былъ ложиться и отдыхать. 26 Апрѣля онъ особенно дурно чувствовалъ себя и провалялся до полудня. Потомъ всталъ и, желая стряхнуть хворость, отправился на охоту. Еслибъ онъ отдался влеченію остаться въ этотъ день въ лагерѣ и понѣжиться, онъ избѣжалъ бы надвигавшейся на него бѣды. Но мысль, что онъ посланъ не пѣжиться, а дѣлать дѣло, заставила его встрепенуться, и послѣ полудня онъ выѣхалъ съ препараторомъ, тремя казаками и двумя вожаками киргизами. Эти семь человѣкъ, съ Сѣверцовымъ включительно, и составляли весь отдѣлившійся отъ главнаго, отрядъ.

Характеръ мѣстности, по которой ѣхалъ въ данную минуту Сѣверцовъ, находился въ полнѣйшей зависимости отъ рѣки Береговая полоса, съ версту шириною, была покрыта джидовымъ *) и тополевымъ лѣсомъ. Далѣе шли низины, заливаемыя весной водою. Здѣсь еще росли кустарники, но уже между ними встрѣчались песчаные валы. Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще появлялись песчаные бугры «барханы»; еще далѣе они перешли въ голые пески — начало голодной степи. Лагерь находился какъ разъ на границѣ между лѣсомъ и кустарникомъ, недалеко отъ Сыръ-Дарьи.

Надежды, возлагаемыя на эту мѣстность въ отношеніи дичи, не замедлили оправдаться. Едва успѣли всадники въѣхать въ низины, какъ спугнули дикую козу, а немного

*) Джида одно изъ самыхъ красивыхъ деревьевъ Средней Азіи, оно имѣетъ темный стволъ, серебристо-бѣлую листву и душистые цвѣты.

дальше, въ кустахъ колючки, нашли пару маленькихъ козлятъ. Желая пріобрѣсти для коллекціи козу, Сѣверцовъ спѣшился, привязалъ козлятъ и засѣлъ въ колючку, чтобы подкараулить ихъ мать, когда она къ нимъ возвратится.

Между тѣмъ киргизы-вожаки съѣздили на бархапъ и вернулись съ извѣстіемъ, что замѣтили конныхъ коканцевъ. Къ несчастію и коканцы ихъ замѣтили. Не выѣзжай киргизы на бархапъ, ничего бы и не случилось. Коканцы помышляли только, какъ бы лучше спрятаться и на выстрѣлы охотниковъ не обращали вниманія. Теперь же, увидавъ себя открытыми, они тоже въѣхали на бархапъ посмотрѣть, что имъ угрожаетъ. Увидавъ небольшую кучку русскихъ, они, конечно, рѣшились напасть на нихъ.

Смекнувъ, что дѣло плохо, киргизы-вожаки поскакали въ лагерь за помощью; оставшіеся казаки растерялись. Но Сѣверцовъ живо пришелъ въ себя и приказалъ казакамъ собрать лошадей и засѣсть въ колючку. Ружья, заряженныя дробью, разряжать было некогда; ихъ зарядили сверхъ дроби пулями и затѣмъ стали ожидать коканцевъ, чтобъ стрѣлять въ нихъ въ упоръ, наверняка.

Будь Сѣверцовъ человѣкъ военный, командуй онъ увѣренно и энергично, его маленькій отрядъ, также какъ и отрядъ Пржевальскаго въ столкновеніи съ егранми, отбилъ-бы, вѣроятно, нападеніе. Но гражданскій чинъ не былъ достаточнымъ авторитетомъ для казаковъ. Они считали себя опытнѣе и прямо заявили, что пяти человѣкамъ не мыслимо сопротивляться сотнѣ, и что единственное средство спасенія— пуститься въ бѣгство. Сѣверцовъ не счелъ себя въ правѣ рисковать чужою жизнью и, такъ какъ казаки были уже на лошадяхъ, то и онъ послѣдовалъ ихъ примѣру.

Невдалекѣ показался бархапъ, который могъ бы служить очень выгодной позиціей. Но занять его не удалось: коканцы,

которыхъ было всего 15 человѣкъ, уже настигали русскихъ. Сѣверцовъ, ѣхавшій рядомъ съ препараторомъ видѣлъ, какъ мимо нихъ мелькнулъ, словно вихрь, кокандецъ и кольнулъ препаратора пикой. Затѣмъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ и за дымомъ ничего нельзя было разсмотрѣть.

Когда дымъ разсѣялся, Сѣверцевъ увидалъ лошадь препаратора, скачущую безъ сѣдока, а его самого лежащаго на дорогѣ и взывающаго о помощи. Крикнувъ ему, чтобы онъ спрятался въ колючку, Сѣверцовъ поскакалъ далѣе. Вскорѣ обогнали его нѣсколько кокандцевъ и одинъ кольнулъ его пикой. Рѣшившись дорого продать свою жизнь, Сѣверцовъ выстрѣлилъ, и кокандецъ упалъ съ прострѣленной головой поперегъ дороги, а лошадь его ускакала. Сѣверцовъ пришпорилъ свою, но она передъ мертвымъ тѣломъ запнулась. Въ это время одинъ изъ опередившихъ его кокандцевъ, обернулся, подскакалъ совсѣмъ близко и пикой сбросилъ его съ сѣдла.

Очутившись на землѣ, Сѣверцовъ выстрѣлилъ въ непріятеля, но пуля, туго вбитая поверхъ дроби, не вылетѣла и ружье разорвало. Разсвирѣпѣвшій кокандецъ ударилъ несчастнаго ученаго нѣсколько разъ шашкой по лицу. Опьяненный видомъ крови, онъ сталъ наносить Сѣверцову ударъ за ударомъ по шеѣ и вѣроятно отрубилъ бы ему голову, еслибъ не подъѣхали въ это время двое другихъ, поймавшихъ лошадь раненаго. Они не дали добить плѣнника.

Сѣверцова подняли и поставили на ноги. Кровь текла съ него ручьями, но сгоряча онъ не чувствовалъ боли. Первымъ его движеніемъ было поднять и надѣть свою мягкую войлочную шляпу; въ это время кокандцы успѣли обобрать его и, связавъ руки, посадить на лошадь. Замѣтивъ, что отъ слабости онъ валится, кокандцы привязали его ноги къ стременамъ, вскочили въ сѣдла и поскакали. Вскорѣ къ нимъ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ. Такъ какъ Сѣвер-

цовъ не могъ держать повода, то его лошадь велъ подъ уздцы киргизъ. Желая его задобрить. Сѣверцовъ отдалъ ему бывшія съ нимъ 10 р., которыхъ грабители не нашли.

Кровь сочилась изъ ранъ и капала на дорогу, но плѣнникъ не чувствовалъ боли. Имъ овладѣла какая-то апатія, вѣроятно, отъ удара, а, можетъ быть, и отъ потери крови. Невыносимая жажда томила его, и онъ поглядывалъ по сторонамъ въ надеждѣ увидать воду. Но дорога шла по песчанымъ барханамъ; о водѣ не было и помину. Нѣсколько разъ пробовалъ Сѣверцовъ заговаривать съ киргизомъ о своемъ освобожденіи; предлагалъ 100 р., 500 и даже 1,000. Но киргизъ не понималъ его, или не хотѣлъ понять.

Вскорѣ къ отряду подскакалъ еще киргизъ и сталъ распоряжаться остальными. Онъ былъ довольно красивъ, но въ выраженіи лица проглядывало что-то фальшивое. Это былъ, какъ оказалось, братъ Дащана, предводителя шайки, полонившей Сѣверцова. Этотъ киргизъ, говорившій по русски, сталъ разспрашивать Сѣверцова о движеніи русскихъ: имѣютъ-ли они враждебныя намѣренія противъ коканцевъ и много-ли у нихъ войска въ Акъ-Мечети.

Сѣверцовъ отвѣчалъ, сообразуясь съ обстоятельствами, что находилъ нужнымъ. Онъ объявилъ, что состоитъ въ отрядѣ генерала Катенина, который идетъ съ мирными цѣлями, желая удостовѣриться хорошо-ли управляется покоренный русскими край. «Нашъ царь желаетъ, чтобы его подданнымъ жилось хорошо, прибавилъ онъ. Ваши киргизы постоянно переходятъ къ намъ, а отъ насъ къ вамъ никто не переходитъ».

Зашла рѣчь и объ убитомъ коканцѣ. Опасаясь, чтобъ коканцы не стали мстить за товарища, Сѣверцовъ сказалъ, что его убилъ казакъ, который и ускакалъ. Численность войска въ Акъ-Мечети Сѣверцовъ умышленно преувеличилъ.

Ѣхали шибко, очевидно, боясь погони. Сѣверцовъ увѣрялъ, что погони быть не можетъ; «пока вернутся казаки въ лагерь. говорилъ онъ, пока соберутъ лошадей, а мы уже 20 верстъ впереди». Но ему не вѣрили.

Мѣстность постоянно мѣняла характеръ. Песчаные барханы чередовались съ низинами, поросшими колючкой; попадались разливы Дарьи. Сѣверцовъ, изнемогавшій отъ жажды, просилъ напиться, и ему позволяли. Вообще съ плѣнникомъ обращались сносно; видно было, что берегли его жизнь.

Въ 1852 году не то было; кокандскіе киргизы, захватившіе трехъ сибирскихъ казаковъ изранили ихъ и три версты волочили на арканахъ.

День склонялся къ вечеру, и хищники стали придерживать лошадей; они уже не боялись погони. А между тѣмъ погоня была, но не въ томъ направленіи. Когда киргизы-вожаки прискакали въ лагерь за помощью, тамъ поднялась тревога. Пока собрались казаки, пока поймали лошадей, прошло не мало времени. Наконецъ пріѣхали на мѣсто стычки и нашли въ колючкѣ слегка раненаго препаратора и казака, отъ Сѣверцова осталось только разорванное окровавленное ружье. Поскакали впередъ, доѣхали до раздвоенія слѣдовъ и взяли невѣрное направленіе. Кровавый слѣдъ плѣнника уже успѣли замести пески пустыни.

III.

Между тѣмъ хищники съ своимъ плѣнникомъ продолжали медленно двигаться впередъ. Хотя тихая ѣзда была большимъ облегченіемъ для раненаго, но все-таки ему было тяжко, и онъ безпрестанно спрашивалъ своихъ мучителей: «джакапъ купамсъ?», т. е. близко ли привалъ, и ему отвѣчали «джакапъ» довольно привѣтливо. Встрѣчая воду, ему позволяли пить; въ

Киргизка-невѣста.

одномъ мѣстѣ спяли даже съ сѣдла и позволили посидѣть у разлива. Переѣзжая въ бродъ одну рѣчушку, Сѣверцовъ безпрестанно черпалъ воду шляпой и мочилъ пылавшую голову.

Было уже совсѣмъ темно, когда Данцанъ догналъ свою пайку, сдѣлавшую привалъ у могилъ Охчу. На киргизской территоріи встрѣчается много могилъ и съ нѣкоторыми изъ

Киргизская могила.

нихъ соединены легенды, которыя передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе и замѣняютъ исторію. Есть также легенды поэтическія. Вотъ одна изъ нихъ:

Жили два султана, извѣстные джигиты. Они были закадычные пріятели, барантовали *) вмѣстѣ и добычу дѣлили пополамъ. Однажды, отправляясь на промыселъ, одинъ изъ нихъ сказалъ другому: «Послушай, другъ. Наша дружба длится уже много лѣтъ, скрѣпимъ ее узами родства. У тебя сынъ, у меня дочь, и хотя они еще и въ колыбели, просватаемъ ихъ». Ударили по рукамъ и призвали въ свидѣтели Аллаха и Магомета, пророка его. Вернувшись съ баранты устроили пиръ на славу. Со всѣхъ волостей съѣхались кунаки (пріятели), поѣли множество барановъ,

*) Разбойничали.

выпили уйму кумыса, и оба султана повторили при нихъ свою клятву. А малютки Баянъ-Сулу и Кызылъ-Курпечъ лежали въ люлькахъ и не подозрѣвали, что ихъ судьбою распоряжаются родители. Ростутъ малютки семьямъ на утѣшеніе: мальчикъ—какъ солнечный лучъ, дѣвочка—какъ утренняя заря. Подросли они до того, что уже бѣгаютъ какъ маленькія козочки, всегда вмѣстѣ, дружныя и веселыя. Самъ Аллахъ покровительствовалъ парѣченымъ, и они такъ любили другъ друга, что одинъ безъ другого жить не могли. И заглядѣнье же была эта парочка. Баянъ-Сулу первый джигитъ въ степи, а Кызылъ-Курпечъ первая красавица не только въ степи, но и въ цѣломъ мірѣ. Настала пора пожепить ихъ, какъ вдругъ явилось неожиданное препятствіе: отецъ Кызылъ-Курпечъ познакомился съ богатымъ старикомъ и пожелалъ выдать за него свою дочь. Молодые люди, узнавъ объ этомъ, рѣшились бѣжать, но ихъ настигли. Баянъ-Сулу былъ проколотъ пиками и упалъ къ погамъ своей невѣсты. Тогда Кызылъ-Курпечъ рѣшилась покончить съ собою. Она умолила отца и его друзей, чтобы они позволили ей поплакать надъ трупомъ жениха. Когда всадники отъѣхали на нѣкоторое разстояніе, дѣвушка со слезами стала просить Аллаха, чтобы онъ воскресилъ ея жениха хоть на минуту. Баянъ-Сулу открылъ глаза, и Кызылъ-Курпечъ закололась. Молодой джигитъ опять смежилъ очи и уже навсегда.

Могилы Охчу замѣчательны тѣмъ, что здѣсь когда-то былъ большой городъ Отрара, разворенный Тамерланомъ. Мѣстность представляетъ лощину, замкнутую глинистымъ обрывомъ, въ которомъ и расположены могилы въ видѣ глинобитныхъ компатокъ съ куполами. Многіе изъ куполовъ уже провалились. Въ разрушенныхъ могилахъ росъ саксаулъ, по толщинѣ котораго можно было заключить, что ему не менѣе трехсотъ лѣтъ.

Въ низкой землянкѣ, у могилъ, жилъ отшельникъ, который и пріютилъ Сѣверцова на ночь. Плѣнника встрѣтила старуха,

засвѣтившая почникъ изъ сала съ тряпкой вмѣсто фитиля. Изпуренный потерею крови, лихорадкою и продолжительной ѣздой, Сѣверцовъ въ изнеможеніи растянулся на полу и приготовился отдаться одолѣвавшему его сну, какъ вдругъ вошелъ Дащанъ съ видимымъ намѣреніемъ побесѣдовать съ нимъ.

Этотъ Дащанъ служилъ когда-то въ Оренбургѣ вожакомъ при русскомъ отрядѣ и отлично зналъ лагерные порядки въ степи. Это былъ одинъ изъ наиболѣе типичныхъ и притомъ послѣднихъ представителей чисто киргизскаго молодечества, и Сѣверцовъ, много слышавшій о немъ, невольно заинтересовался имъ и сталъ наблюдать.

Старая киргизка.

Наружность Дащана была совсѣмъ не такая, какъ у большинства киргизовъ: скуластая и широконосая. При всей молодцоватости своей наружности, киргизы въ своихъ толстыхъ халатахъ производятъ впечатлѣніе неуклюжихъ и мѣшковатыхъ, на Дащанѣ же и халатъ сидѣлъ ловко: его стройный станъ былъ охваченъ ременнымъ поясомъ съ серебряной чеканкой, а лицо, обрамленное небольшой черной бородкой, было скорѣй кавказскаго, чѣмъ монгольскаго типа; только узкіе глаза, прорѣзанные немного косо, выдавали его монгольское происхожденіе, но это не мѣшало имъ метать искры. Самое замѣчательное въ этомъ лицѣ была его подвижность. То проглядывала въ немъ хитрость и жадность, то беззавѣтная удаль и желаніе пожить и потѣшиться на бѣломъ свѣтѣ, то появлялась на немъ самая добродушная улыбка, совершенно сглаживавшая обычное хищническое выраженіе. Между своими собратьями Дащанъ слылъ лихимъ батыремъ (богатыремъ) и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Опъ и заслу-

жилъ вполнѣ это уваженіе своими храбрыми до дерзости грабежами и нападеніями на дружественныхъ русскимъ киргизъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что по киргизскимъ понятіямъ грабежъ, а особенно угонъ скота («баранта») и теперь не считаются предосудительными. — киргизы смотрятъ на эти вещи до нѣкоторой степени какъ на молодечество; въ тѣ же военныя времена грабежи были въ ихъ глазахъ вполнѣ законными.

Данканъ для своихъ подвиговъ обладалъ еще кромѣ храбрости и замѣчательной ловкостью и способностью выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ положеній, — качества особенно цѣнимыя киргизами. Киргизы и въ битвѣ съ русскими часто прибѣгали къ уловкамъ и хитростямъ, а при баратѣ ихъ изворотливость доходитъ до виртуозности.

Незадолго до прибытія Сѣверцова въ фортъ Перовскій тамъ разсказывали о ловкой продѣлкѣ трехъ киргизовъ. Эти молодцы угнали лошадь туркестанскаго датхи (губернатора изъ цитадели, охраняемой шестью стами человѣкъ гарнизона, и не получили ни одной царапины.

Случается и по настоящее время, что киргизы угоняютъ скотъ и лошадей у русскихъ крестьянъ, разобравъ ночью крышу стойла или конюшни, что легче сдѣлать, чѣмъ сломать ворота.

Грабежами своими Данканъ славился въ окрестныхъ мѣстностяхъ: онъ нападалъ на аулы, забиралъ все что хотѣлъ и жестоко расправлялся съ сопротивляющимися. Случалось, что имъ же ограбленныхъ хозяевъ онъ заставлялъ гнать отнятый у нихъ скотъ и никто не смѣлъ ослушаться батыря, которому ни почемъ было согнуть подкову. Стенъ онъ зналъ какъ свои пять пальцевъ и кочевья киргизовъ точно также.

Данканъ щедро дѣлился своей добычей съ тѣми, кто былъ ему нуженъ, не скупился на угощеніе и потому въ друзьяхъ-

укрывателяхъ у него недостатка не было. Не для наживы и корыстолюбія разбойничалъ Дащанъ, а ради молодечества и щегольства. Одѣвался онъ нарядне всѣхъ, сбруя у него была съ богатою насѣчкою и нравился онъ всѣмъ, кому хотѣлъ нравиться.

Но если много было друзей у Дащана, то не мало было и враговъ. Враги слѣдили за нимъ, ловили его, но не могли поймать. Бывало появится слухъ, что онъ убитъ, а онъ неожиданно выкинетъ какой нибудь новый удалой фокусъ. Однажды поймали его русскіе киргизы, имѣвшіе противъ него зубъ. Поймали и представили властямъ. Разбойника судили и сослали въ Сибирь, на каторгу, однако по дорогѣ онъ бѣжалъ и нашелъ себѣ убѣжище въ коканскомъ ханствѣ.

Скоро онъ принялся за прежнее ремесло, за набѣги на наши владѣнія съ прежнимъ успѣхомъ и съ прежней дерзостью, которая довела его до того, что онъ снова былъ пойманъ и закованъ въ кандалы. Сначала онъ прикинулся смирнымъ. Но въ одну прекрасную ночь разбилъ кандалы, схватилъ офицерскую лошадь и ускакалъ на ней. Подняли тревогу, погнались за бѣглецомъ, но онъ уже исчезъ въ темнотѣ ночи.

Укрывшись у коканцевъ, Дащанъ, чтобы обезопасить себя, поступилъ къ нимъ на службу и въ 1859 г. начальствовалъ надъ какимъ то отрядомъ въ Яны-Курганѣ, коканскомъ укрѣпленіи на Сыръ-Дарьѣ. Отсюда онъ затѣялъ набѣгъ на русскія границы съ цѣлью угнать табунъ. Тутъ-то и попался Сѣверцову ему въ руки.

Подсѣвъ къ плѣнному, Дащанъ рекомендовался вкрадчивымъ голосомъ на чистомъ русскомъ языкѣ и, по киргизскому обычаю, подалъ руку. Сѣверцовъ сказалъ ему, что много слышалъ объ его удали. Начались разспросы о положеніи и численности русскаго войска, но Сѣверцовъ, чувствуя сильную усталость, едва могъ отвѣчать. Старуха при-

несла въ деревянной чашкѣ кислаго молока, по мѣстному «айрянъ», но Сѣверцовъ, котораго сильно томила жажда, попросилъ развести айрянъ водой. Слабость плѣнника была такъ значительна, что онъ не способенъ былъ ни о чемъ думать и ничего соображать. Лечь и расправить усталые члены было его единственнымъ желаніемъ.

Но оказалось, что хищники вовсе и не думали здѣсь останавливаться на долго. Подкрѣпившись айряномъ и напоивъ лошадей, они двинулись далѣе. Сѣверцова подъ руки вывели изъ землянки, посадили на лошадь и привязали ноги къ стременамъ. Проѣхавъ верстъ десять, остановились въ травянистой котловинѣ и расположились почевать. Замѣтивъ, что плѣнникъ лежитъ, подперевъ голову локтемъ, Дащанъ велѣлъ дать ему подушку съ сѣдломъ и къ другой сторонѣ ея прислонился самъ. Но отдыхъ былъ непродолжителенъ. Подремавъ часа три, путники встали и поѣхали дальше.

Сначала ѣхали густыми саксауловыми зарослями. Потомъ пошелъ мелкій саксаульникъ въ перемежку съ глинистыми площадками, такъ называемыми «такырами», до того гладкими, что казалось—онѣ утрамбованы нарочно.

Начала заниматься заря. Дащанъ, ѣхавшій рядомъ съ плѣнникомъ, предложилъ ему слѣзть съ лошади и покурить. Сѣверцову развязали ноги, и онъ, спѣшившись, сѣлъ на траву рядомъ съ Дащаномъ и попробовалъ курить, но не могъ. Когда снова сѣли на лошадей, Дащанъ спросилъ плѣнника, не предпочитаетъ ли онъ ѣхать съ развязанными ногами. Не желая просить милости у разбойника, Сѣверцовъ отвѣчалъ, что ему все равно. Однако же, ноги ему не привязали и позволили самому править лошадью. Замѣтивъ, что у плѣнника виситъ ухо, Дащанъ посовѣтовалъ запрятать его подъ шляпу, увѣряя, что оно срастется. Оно и точно срослось впослѣдствіи, но не вполнѣ.

Во время пути Дашанъ осаждалъ Сѣверцова вопросами, на которые слѣдовало отвѣчать очень осмотрительно: одно утаивать, другое измѣнять. Кромѣ того, надо было помнить свои отвѣты, такъ какъ Дашанъ, послѣ нѣкоторыхъ промежутковъ, повторялъ вопросы, очевидно, съ цѣлью провѣрки показаній. По счастью, голова Сѣверцова была совсѣмъ свѣжа, и онъ не путался, иначе утратилось бы довѣріе, что могло послужить ему во вредъ. Словно мимоходомъ Сѣверцовъ сказалъ Дашану, что взятіе его въ плѣнъ неминуемо навлечетъ на кокандцевъ гнѣвъ русскихъ, что выразится враждебными дѣйствіями.

Сверхъ ожиданія, эти угрозы подѣйствовали. Подозвавъ брата и отставъ немного, Дашанъ сталъ съ нимъ совѣщаться и потомъ, нагнавъ плѣнника, спросилъ, какой правительство дастъ за него выкупъ.

«Не дастъ ни гроша» отвѣчалъ Сѣверцовъ,— а потребуетъ безусловнаго моего освобожденія и поддержитъ свое требованіе военной силой. Лучше вамъ не дожидаться этого, а войти въ сдѣлку со мною лично. Пошлите гонца съ письмомъ, и онъ привезетъ задатокъ; а остальное я выплачу тому, кто доставитъ меня въ фортъ Перовскій».

Онъ предложилъ за себя 200 р. золотомъ и Дашанъ согласился, выговоривъ только небольшую прибавку въ пользу ялы-курганскаго бека, безъ котораго онъ не могъ рѣшить дѣла окончательно.

IV.

Зная коварный нравъ азіатовъ, Николай Алексѣевичъ не смѣлъ радоваться, но и не терялъ надежды на освобожденіе, что поддерживало въ немъ бодрость духа. Во всякомъ

случаѣ можно было предположить, что изъ страха, или расчета съ нимъ будутъ обращаться по человѣчески.

До Яны-Кургана было недалеко и изнуренный ранами плѣнникъ съ нетерпѣніемъ ждалъ отдохновенія. Крѣпость Яны-Курганъ, подобно всѣмъ кокапскимъ крѣпостямъ, обнесена глинобитною стѣною, ко внутренней сторонѣ которой прислонены глиняныя жилища. Дапганъ, желая похвастать плѣнникомъ далеко не заурядпымъ, завидя крѣпость, оста-

Ворота среднеазіатской крѣпости.

повился и собралъ свою партію. Плѣнника пересадили съ кокапскаго пноходца на его собственную лошадь и приказали ѣхать рядомъ съ Дапганомъ, который съ гордой осанкой и съ самодовольнымъ выраженіемъ лица гарцовалъ на своемъ прекраспомъ гнѣдомъ скакупѣ. Этотъ дивный конь, проѣхавши въ двое сутокъ 340 верстъ впроголодь, былъ еще въ тѣлѣ, бодро раздувалъ поздри, храпѣлъ и игралъ подъ удалымъ сѣдокомъ, то и дѣло приподнимаясь немного на дыбы, когда тотъ пришпоривалъ его и укорачивалъ поводья, чтобъ насладиться огнемъ своего неутомимаго скакуна.

И всадникъ не уступалъ коню: стройный, съ правильными выразительными чертами лица и огненнымъ взглядомъ, онъ производилъ впечатлѣніе храбраго воина, возвращающагося послѣ побѣды.

Какимъ жалкимъ на ряду съ этимъ красавцемъ выглядѣлъ плѣнникъ, оборванный, грязный, весь покрытый запекшеюся кровью. Онъ сидѣлъ на жесткомъ сѣдлѣ безъ подушки, которую присвоилъ себѣ и ни за что не хотѣлъ отдать захватившій его коканецъ.

По пріѣздѣ въ Яны-Курганъ плѣнника тотчасъ же представили коменданту, который сидѣлъ поджавши ноги на кошмѣ въ своей пріемной, т. е. подъ навѣсомъ, поддержимъ столбиками. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, малорослый, худой, съ выдающимися скулами, жиденькой черной бородкой и чрезвычайно непріятнымъ выраженіемъ глазъ. Плѣнника пригласили сѣсть, но замѣтивъ, что ему сидѣть трудно, предложили прилечь и подъ локоть подсунули подушку. Потомъ подали чай съ изюмомъ вмѣсто сахара и въ это время комендантъ предлагалъ ему вопросы почти тѣже, что и Дащанъ. Послѣ этого коканцы стали бесѣдовать между собою, а Сѣверцовъ заснулъ глубокимъ сномъ, что было вполнѣ естественно послѣ всѣхъ треволненій, потери крови и 170 верстнаго пути въ одни сутки.

Въ сумерки его разбудили и отвели въ назначенную ему кибитку внутри крѣпости, гдѣ была приготовлена постель въ видѣ кошмы и сѣдельной подушки. На кошмѣ лежала лепешка и чашка айряну. Подкрѣпившись пищею, плѣнникъ легъ и тотчасъ-же погрузился въ благодѣтельный сонъ, избавившій его на время отъ грустной дѣйствительности.

На слѣдующій день 28 Апрѣля, Дащанъ объявилъ Сѣверцову, что съѣздитъ дня на два въ свой аулъ, а ему оставитъ для

услугъ младшаго брата. Иными словами, онъ поручалъ брату надзоръ за плѣнникомъ; такъ послѣдній и понялъ.

Этотъ братъ оказался добрымъ малымъ, но плохимъ слугой. Онъ не догадался даже обмыть раны плѣнника, который такъ и остались безъ всякаго попеченія. За то онъ досталъ ему табакъ очень хорошаго качества. Карауллть плѣнника было бы лишнимъ: онъ былъ такъ слабъ, что о побѣгѣ не могло быть и рѣчи.

Черезъ день вернулся Дащанъ и повелъ Сѣверцова къ коменданту для переговоровъ о выкупѣ. Порѣшили на 500 золотыхъ. Посланный долженъ былъ поѣхать въ фортъ Перовскій за задаткомъ, а остальное Сѣверцову предоставлялось выплатить по освобожденіи. Онъ написалъ одно письмо начальнику Сыръ-Дарьинской линіи, а другое—своему семейству. Но впослѣдствіи оказалось, что ни одно изъ нихъ не было отправлено.

По окончаніи переговоровъ Дащанъ объявилъ плѣнному, что беретъ его въ свой аулъ, гдѣ онъ и будетъ жить до освобожденія.

Въ тотъ же день, часа въ два, и выѣхали. Вдали, надъ хребтомъ Кара-Тау, собирались тяжелыя тучи, и видны уже были полосы дождя, которыя скоро скрыли хребетъ изъ виду. Поѣздъ состоялъ изъ Дащана, его братьевъ, старика киргиза и одной женщины — жены Дащана. Сѣверцовъ часто отставалъ; съ нимъ отставалъ и старикъ—киргизъ, которому,очевидно, поручено было карауллть его. Къ нимъ иногда подъѣзжала жена Дащана, говорила что то по киргизски, но, къ сожалѣнію, Сѣверцовъ не понималъ ни слова и только по выраженію лица могъ догадываться, что она говорила ему любезности.

Эта особа, бѣлая, румяная, съ черными быстрыми глазами, правильными чертами и овальнымъ окладомъ лица, могла бы и по европейскимъ понятіямъ назваться красивою. На ней былъ халатъ и шаровары какъ у мужчинъ, только на головѣ женскій уборъ, т. е. бѣлое полотенце, намотанное въ видѣ вы-

сокаго цилиндра, изъ подъ котораго спускались на плечи черныя, блестящія, старательно причесанныя косы. Верхомъ киргизская аристократка ѣздила очень ловко, хотя и по-мужски, иногда—рядомъ съ мужемъ, иногда отставала, чтобъ погарцовать на своемъ скакунѣ.

Все это могло быть интересно для наблюдателя здороваго, но бѣдный Сѣверцовъ едва сидѣлъ на лошади, до того болѣли у него всѣ члены. Къ тому же пошелъ дождь, промочилъ его до костей, и онъ продрогъ. Наконецъ, послѣ 5-ти часовой ѣзды, показались безпорядочно разбросанныя кибитки аула. Было уже довольно темно. Изъ одной кибитки выскочила женщина вся въ лохмотьяхъ и, увидавъ путниковъ, не узнала ихъ и страшно перепугалась; схвативъ маленькаго совершенно голаго ребенка подъ мышку, она другого прихватила за шиворотъ и, бросившись опрометью въ сторону, спряталась въ канавѣ, откуда выглядывала какъ звѣрекъ изъ норы.

Киргизка.

Кибитка Дащана была, по мѣстнымъ понятіямъ, убрана роскошно: стѣны увѣшаны коврами, а вдоль стѣнъ стояли пестрые сундуки россійской фабрикаціи. Дащанъ велъ себя относительно Сѣверцова какъ гостепріимный хозяинъ: усадилъ его на ковры и съ нимъ вмѣстѣ пилъ чай, который разливала его жена, усердно подчуя гостя. Замѣтивъ, что дождь сослужилъ плѣннику хорошую службу, обмывъ его раны, Дащанъ рекомендовалъ ему почаще мыться въ рѣчкѣ, протекавшей мимо аула, говоря, что купанье всего лучше содѣйствуетъ заживленію ранъ и укрѣпленію силъ.

Ночевать Сѣверцова повели въ кибитку старшаго Дащанова брата, гдѣ за повѣшеннымъ ковромъ приготовлена ему

была постель. По киргизскому обычаю, старшій братъ долженъ быть, послѣ смерти отца, главою семьи; но подвиги Дащана доставили ему такой почетъ у братьевъ, что они единогласно признали за нимъ старшинство, хотя онъ былъ третьимъ изъ четырехъ.

Добравшись до хорошей постели, Сѣверцовъ разсчитывалъ хорошенько выспаться, но не тутъ-то было. На зарѣ, Дащанъ разбудилъ его, сказавъ, что нужно ѣхать къ туркестанскому датхѣ, т. е. губернатору.

— «Какже ты говорилъ мнѣ, что до возвращенія посланнаго изъ форта Перовскаго я буду жить у тебя въ аулѣ», сказалъ Сѣверцовъ.

— «Я самъ такъ думалъ, отвѣчалъ Дащанъ, но датха прислалъ нарочнаго съ приказомъ представить тебя, и я не смѣю ослушаться».

— «Кто-же успѣлъ дать знать въ Туркестанъ обо мнѣ?»

— «Ягы-Курганскій комендантъ. Вѣдь до Туркестана недалеко, всего верстъ 50. Впрочемъ, ты не безпокойся; мы вернемся опять въ аулъ».

Все это показалось Сѣверцову подозрительнымъ; но дѣлать было нечего. Плѣнникъ долженъ былъ повиноваться. Онъ спросилъ свое пальто, но его не оказалось, и Дащанъ сказалъ, что искать некогда и что, по возвращеніи, оно, конечно, найдется. Сѣли на лошадей. Сѣверцовъ объявилъ, что очень дурно чувствуетъ себя и попросилъ подушку.

Было еще совсѣмъ темно, когда двинулись въ путь. Ѣхали травянистою степью, пересѣкаемою горными ручьями и рѣчками. На разсвѣтѣ проѣхали мимо большого аула. Нѣсколько десятковъ войлочныхъ кибитокъ было разбросано у подножія небольшого холма. Ночные костры догорали и чуть дымились; все живое спало глубокимъ сномъ. Спали люди въ кибиткахъ и просто подъ открытымъ небомъ на разостланныхъ войло-

Киргизскій .ауль ночью.

кахъ. Спали верблюды, машинально пережевывая жвачку. Спали лошади, сбившись въ косяки. Спали, тѣсно скучившись, стада овецъ. Лѣниво развѣсивъ уши, спали собаки, но почуявъ чужихъ, мгновенно проснулись и съ визгливымъ лаемъ бросились подъ ноги лошадямъ.

Разстояніе до Туркестана оказалось не въ 50, а въ 150 верстъ, и для раненаго, не успѣвшаго отдохнуть, путь этотъ былъ очень тяжелъ. Лишь наблюденія окружающей природы отвлекали нѣсколько вниманіе естествоиспытателя отъ неприглядной дѣйствительности. Особенно заинтересовали его какіе-то сѣрые кулики, никогда не виданные имъ ранѣе, масса степныхъ жаворонковъ и черепахи, встрѣчавшіяся по дорогѣ во множествѣ и безсмысленно таращившія свои глаза, вытянувъ изъ подъ щитковъ длинныя шеи.

По мѣрѣ приближенія къ хребту Кара-Тау мѣстность стала холмистѣе; но деревьевъ ни въ степи, ни въ горахъ не было видно. На берегу одной рѣчки встрѣтился одичавшій, сильно разросшійся садъ; жилья по близости не было.

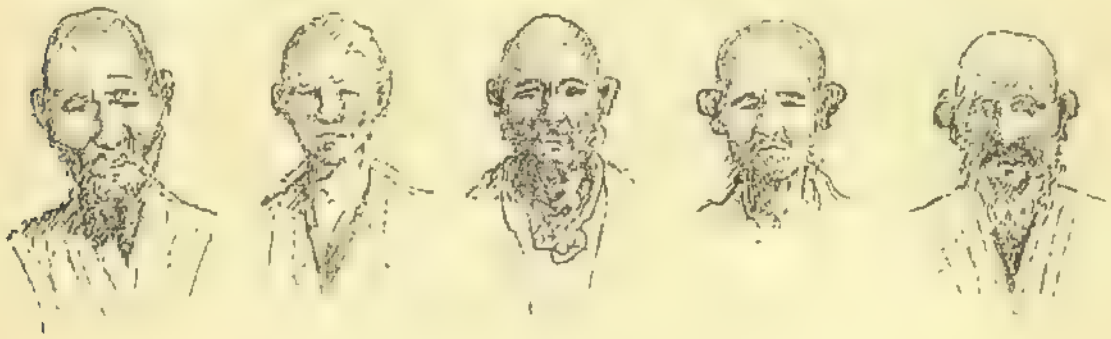
Въ попутныхъ аулахъ путешественники встрѣчали радушіе и гостепріимство. Сѣверцовъ, чувствуя себя дурно, постоянно долженъ былъ отставать, что позволялось ему не иначе, какъ подъ охраною какого-нибудь кочевника. На привалѣ его встрѣчали пріѣхавшіе раньше, и онъ уже находилъ готовую пищу и постель. Аппетитъ у него былъ плохой, но жажда томила его постоянно и, добравшись до постели, онъ тотчасъ же засыпалъ. Можно себѣ представить, каково было больному и раненому сдѣлать 150 в. верхомъ. Притомъ, отъ непривычки къ коканскому сѣдлу, онъ натеръ себѣ ноги, отчего образовалась сплошная рана, не заживавшая до конца іюня.

Въ такомъ жалкомъ видѣ подъѣзжалъ Сѣверцовъ со своей партіей къ Туркестану. Въѣхавъ на увалъ верстъ за 10 отъ города, путники увидали его въ долинѣ на берегу рѣчки Ка-

рачанъ. Городъ предсталъ въ видѣ темнозеленой полосы, увѣнчанной огромнымъ куполомъ мечети Азреть-султана. Вода изъ рѣчекъ, раздробленная на многія канавки — «арыки», весело журчала и сверкала на солнцѣ стальными нитями между луговъ и полей. Оросивъ поля и сады, канавки эти, ниже города, сливались опять въ одно общее русло.

V.

Городъ Туркестанъ находился въ XVI в. подъ властью киргизъ-кайсаковъ. Въ 1723 году его заняли джунгары.



Узбеки.

Позднѣе этотъ городъ входилъ въ составъ Бухарскаго ханства, а съ 1814 по 1863 г., т. е. до занятія его русскими, онъ находился подъ властью кокандскаго хана.

Городъ Туркестанъ, также какъ и вся мѣстность, занятая кокандскимъ ханствомъ, населенъ, кромѣ заѣзжающихъ порою изъ степи киргизовъ, узбеками, таджиками и сартами. Узбекъ — въ переводѣ значитъ «свободный человѣкъ». Узбеки народность тюркскаго происхожденія, таджики происхожденія арійскаго (индо-европейскаго) и родственны персамъ.

По своей внѣшности, равно какъ и по характеру, объ народности значительно отличаются другъ отъ друга. Медлительный и простоватый узбекъ по наружности коренастье и

плотнѣе сложенъ, чѣмъ худощавый, подвижный таджикъ. Узбекъ—превосходный работникъ, таджикъ—торгашъ и зачастую хозяинъ узбека. Бо́льшая грація и быстрота движеній, умный проницательный взоръ — все выдастъ въ таджикѣ высшую расу. Самое слово «таджикъ» обозначаетъ «вѣчашный», что указываетъ на выдающуюся роль, которую играла нѣкогда эта народность въ исторіи страны. Таджики составляютъ умственную аристократію края; изъ нихъ выходятъ, главнымъ образомъ, и представители магометанскаго духовенства — муллы, поучающіе народъ въ мечетяхъ и медрессе (школахъ).

Лучшую параллель проводитъ между обоими народностями слѣдующая мѣстная легенда.

Однажды узбекъ и таджикъ просили руки дочери одного султана. «Я выйду за того изъ васъ, сказала она, кто проведетъ арыкъ чрезъ Голодную степь» *). Узбекъ тотчасъ-же ревностно принялся за дѣло; онъ работалъ день и ночь и обливался потомъ подъ жгучими лучами солнца. Несмотря на всѣ его старанія, однако, къ назначенному сроку не поспѣла и десятая часть арыка. Таджикъ и не подумалъ взяться за заступъ. Онъ за день до срока разостлалъ въ степи бѣлыя, блестящія камышевыя цыновки. Дочь султана взошла на слѣдующій день на башню и увидѣла вдали ярко блестящую на солнцѣ свѣтлую полосу. — Это я провелъ арыкъ!» сказалъ таджикъ. Она повѣрила ему и исполнила свое обѣщаніе, узбекъ же въ отчаяніи бросилъ вверхъ свой заступъ, и заступъ, падая на землю, убилъ его.

Слово сартъ обозначаетъ въ Туркестанѣ не столько какую нибудь народность опредѣленнаго происхожденія, сколько вообще осѣдлаго жителя-горожанина. Сартами зовутъ и узбе-

*) Голодная степь или Бекъ-накъ-дала лежитъ на сѣверо-западъ отъ Балхаша.

ковъ, и таджиковъ, и даже киргизовъ и цыганъ (которыхъ тоже довольно въ Туркестанѣ), ставшихъ осѣдлыми. Сарты даже говорятъ на различныхъ языкахъ — въ Ташкентѣ, напр., въ Ферганѣ, въ Кульджѣ на тюркскомъ нарѣчіи, а въ Самар-

Узбекъ и таджикъ.

кандѣ и Ходжентѣ — на персидскомъ Главное занятіе сартовъ — торговля и промышленность, и потому они составляютъ очень важный элементъ населенія края *).

Издали городъ Туркестанъ имѣлъ видъ роскошнаго оазиса, по чѣмъ ближе подъѣзжали путники къ нему, тѣмъ менѣе казался онъ привлекательнымъ. Въ самомъ городѣ было еще хуже: неровныя, немощеныя узкія улицы тянулись какъ корридоры между стѣнами въ ростъ верхового. Окопъ на улицу не полагалось, а домики внутри дворовъ были такъ низки, что

*) Костенко. Туркестанскій край.

Сартянка.

изъ за стѣнъ ихъ совсѣмъ не было видно. Нигдѣ ни деревца: ни внутри, ни внѣ дворовъ; поясъ садовъ находился за городомъ. «Меня тѣснили эти слѣпыя и глухія стѣны, пишетъ Сѣверцовъ; этотъ окаменѣлый образъ неволи, плѣна. Я его едва чувствовалъ на просторѣ степи или въ киргизской кибиткѣ. Тамъ я чувствовалъ усталость, ломоту, боль отъ ранъ, грусть отъ разлуки со своими; но самый плѣнъ былъ разсудочной идеей. Здѣсь я ощутилъ его какъ непосредственное впечатлѣніе, больнѣе и ранъ, и усталости. Даже теперь, когда вспомню эти ощущенія, меня дрожь беретъ».

Проѣхавъ нѣсколько переулковъ и не встрѣтивъ почти ни души, путники стали подъѣзжать къ базару. Здѣсь сразу сдѣлалось людно. Самая разнопестрая толпа окружила всадниковъ и смотрѣла на нихъ съ любопытствомъ. Мальчишки бѣжали сзади и кричали: урусъ, урусъ! Туземныя женщины въ безобразныхъ синихъ халатахъ, накинутыхъ на голову, съ длинными спитыми вмѣстѣ и болтающимися позади рукавами, съ черными волосяными сѣтками, спущенными на лицо, походили на огородныя пугала. Онѣ пугливо жались къ стѣнамъ, сторонясь отъ каждаго проѣзжающаго. А мущины, разодѣтые въ яркіе, съ большими цвѣтами и птицами, халаты, а не то въ полушелковые муаре и капаусовые, весело балагурили между собою. Вотъ изъ толпы выдѣляется тучный сартъ съ лоснящеюся физіономіей и огромнымъ бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ. Погода довольно теплая и потому на немъ только три халата. Самый нарядный верхній, съ роскошнымъ букетомъ на спинѣ, съ букетомъ на лѣвой рукѣ, очевидно спитъ изъ обойнаго ситца. Шуршитъ и шумитъ накрахмаленная матерія, доволенъ и веселъ щеголь; съ завистью косятся зеленые и розовые халаты на туземнаго франта, безпрестанно отворачивающаго полы, чтобы показать яркую подкладку. Зимой туземцы носятъ до восьми хала-

товъ и даже температуру опредѣляютъ числомъ халатовъ. «Холодно ли сегодня?» спрашиваетъ одинъ.— «Халатовъ на шесть», отвѣчаетъ другой.

За базаромъ пошли опять узкія улицы-коридоры и, наконецъ, путники въѣхали въ крѣпость, гдѣ жилъ датха и помѣщался его гарнизонъ. Прежде чѣмъ узрѣть свѣтлый ликъ азіатскаго сановника, простой смертный обязанъ пройти нѣсколько мытарствъ въ видѣ дворовъ и коридоровъ. Первый коридоръ или крытый проходъ шелъ отъ самыхъ воротъ шаговъ на 20. Къ стѣнамъ прислонены были ружья, а возлѣ нихъ стояли солдаты въ чалмахъ и халатахъ, съ привѣшенными къ поясу саблями. За проходомъ находился дворъ, гдѣ можно было полюбоваться на чудныхъ, въ богатой сбруѣ, аргамаковъ, у которыхъ кожа такъ тонка, что всѣ жилки видны. Хозяева этихъ аргамаковъ пріѣхали къ датхѣ въ гости, такъ какъ это было 2-е мая, какой то магометанскій праздникъ. Проѣхавъ еще нѣсколько дворовъ, путники очутились наконецъ на главномъ дворѣ, служившемъ также чѣмъ-то вродѣ пріемной. Здѣсь разостланы были кошмы и ковры, и коканскіе гости, въ парадныхъ халатахъ, возсѣдали на нихъ. Самые почетные гости сидѣли вмѣстѣ съ датхой подъ навѣсомъ въ глубинѣ двора.

Молодой сартъ.

Когда пріѣзжіе спѣшились, ихъ пригласили сѣсть и подали обычный пловъ и пряную къ нему приправу.

— «Зачѣмъ оренбургскій генералъ-губернаторъ ѣдетъ въ степь?» спросилъ датха черезъ переводчика.

— «Затѣмъ, чтобъ посмотрѣть, хорошо ли живется подвластнымъ намъ киргизамъ», отвѣчалъ Сѣверцовъ.

— «Точно ли у генералъ-губернатора мирныя намѣренія?»

— «Пока самыя мирныя. Если вы освободите меня, то вамъ нечего безпокоиться; если же нѣтъ, то генералъ измѣнитъ свои мирныя намѣренія. На Сыръ-Дарьѣ у насъ столько войска, что его хватитъ для разгрома всего ханства».

Послѣ допроса, датхѣ принесли шелковый халатъ. Онъ надѣлъ его, потомъ снялъ и подалъ Дащапу. Это значило, что онъ жалуетъ его за удачный набѣгъ со своего плеча. Кромѣ того Дащапъ получилъ повышеніе въ чинѣ.

Когда аудіенція кончилась, Сѣверцовъ вышелъ съ Дащапомъ, его братомъ и переводчикомъ и хотѣлъ сѣсть на лошадь, но Дащапъ съ смущеннымъ видомъ объявилъ ему, что онъ долженъ слѣдовать за переводчикомъ.

— «Какже такъ? возразилъ удивленный Сѣверцовъ. Вѣдь между нами условлено было, что я поѣду въ Туркестанъ только за тѣмъ, чтобъ представиться датхѣ, и потомъ возвращусь въ твой ауль, гдѣ и дождусь гонца, посланнаго въ фортъ Перовскій».

— «Что же дѣлать? датха измѣнилъ наши условія», проговорилъ Дащапъ и стремительно убѣжалъ.

Тяжело стало на сердцѣ плѣнника. Онъ понялъ, что его обманули и послѣ этого могъ ожидать самаго худшаго. Поникнувъ головою, онъ пошелъ за переводчикомъ, который, миновавъ нѣсколько дворовъ, ввелъ его черезъ низенькую дверь въ маленькую конурку съ глиняными стѣнами и съ дырой подъ потолкомъ вмѣсто окна. Дождавшись, когда коканецъ

принесъ кошму и чашку съ водою, переводчикъ вышелъ и заперъ за собою дверь. Сѣверцовъ очутился въ форменной тюрьмѣ.

При такихъ условіяхъ можно было придти въ отчаяніе, что, вѣроятно, и случилось бы, еслибъ изпуренный ранами и болѣзнью организмъ способенъ былъ къ сильнымъ ощущеніямъ. Въ данномъ случаѣ самочувствіе было слабо, и голова работала смутно, что значительно облегчало тяжелое положеніе плѣнника. Большую часть времени онъ находился въ забытьѣ, а можетъ быть и въ обморокѣ. Когда сознаніе проснулось, пробуждалась и надежда. Къ сожалѣнію, эту надежду словно умышленно разрушалъ одинъ человѣкъ, приходившій навѣщать Сѣверцова. Вѣроятно его подослали затѣмъ, чтобъ урезонить плѣнника. Это былъ русскій, убившій кого-то и бѣжавшій отъ правосудія. Онъ принялъ мусульманство, перемѣнилъ христіанское имя на мусульманское — Мамаджана и сдѣлался кокандскимъ подданнымъ. Къ этому онъ побуждалъ и Сѣверцова. «Вѣдь мнѣ живется хорошо, говорилъ онъ; я доволенъ судьбой и Кокандомъ. Здѣсь русскіе въ ходу, надо только принять мусульманство. Я земляку добра желаю, затѣмъ и пришелъ».

«А если я не приму мусульманства и кокандскаго подданства, что мнѣ будетъ?» спросилъ Сѣверцовъ.

— «Тяжелый плѣнъ, а пожалуй и смерть. Держать надоѣстъ, такъ и убьютъ».

Смерть не страшила Сѣверцова; но ему стали мерещиться мучительныя азіатскія казни, особенно колъ. Онъ слышалъ, что люди, посаженные на колъ, мучаются по цѣлымъ суткамъ. Мысль о подобной казни приводила его въ ужасъ, и онъ сталъ, на всякій случай, разспрашивать Мамаджана о способѣ перехода въ мусульманство.

— «О, это сущіе пустяки, отвѣчалъ тотъ. Придетъ мулла, прочитаетъ молитву, и ты будешь признанъ мусульманиномъ и

свободнымъ коканцемъ. А тамъ, въ душѣ, исповѣдуй религію какую хочешь, никому до этого дѣла нѣтъ".

Переводчикъ Абселямъ, которому порученъ былъ надзоръ за плѣнникомъ, тоже оказался русскимъ отщепенцемъ. Этотъ Абселямъ доложилъ датхѣ, что плѣнникъ очень слабъ, нуждается въ свѣжемъ воздухѣ, и добился разрѣшенія поселить его въ маленькомъ домикѣ, возлѣ своего дома. Въ этомъ домикѣ, состоявшемъ всего изъ одной комнаты и сѣней, Сѣверцовъ проводилъ только ночи; а днемъ Абселямъ, который былъ въ то же время и артиллерійскимъ солдатомъ, уводилъ его на крѣпостной валъ, гдѣ Сѣверцовъ и лежалъ обыкновенно до вечера на кошмѣ, у пушки. Питался онъ солдатскимъ пловомъ и молокомъ, достать которое не всегда было легко. По вечерамъ ему давали немного пшеничнаго хлѣба и воды, на которую Абселямъ былъ очень скупъ, считая ее вредною. Отъ Абселяма Сѣверцовъ узналъ, что Даніанъ уѣхалъ, и что о выкупѣ датха и слышать не хочетъ. Развѣ соблазнится на 2,000 золотыхъ, да и то едва-ли.

Извѣстно, что большинство отщепенцевъ ярые фанатики, потому и Абселямъ, подобно Мамаджану, сталъ усердно совращать Сѣверцова въ мусульманство. Но у Абселяма была задняя мысль политическаго свойства: если бы Сѣверцовъ перешелъ въ магометанство, его соплеменники отвернулись бы отъ него и не стали бы мстить коканцамъ. Не сообразивъ, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ просвѣщеннымъ, Абселямъ сталъ увѣрять, что коканцы чтутъ и Спасителя, и Богородицу, и Николая Чудотворца, и всѣхъ нашихъ святыхъ, да еще своихъ въ придачу; что коканская вѣра лучше, такъ какъ святыхъ больше. Сѣверцовъ отвѣчалъ, что уважаетъ мусульманскую религію, какъ соотвѣтствующую вкусамъ многихъ племенъ, но не сочувствуетъ ей потому, что она повелѣваетъ любить только правовѣрныхъ. Христіанинъ же обязанъ любить

всѣхъ людей и даже враговъ. Что же касается перемѣны религіи, то онъ допускаетъ такую перемѣну только вслѣдствіе убѣжденій, а не изъ-за матеріальныхъ выгодъ.

Вскорѣ явилось предложеніе отъ самого датхи принять мусульманство, причемъ обѣщана была свобода и разрѣшеніе съѣздить домой, чтобы устроить дѣла и вернуться въ Кокань уже навсегда. Сѣверцовъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе. «Не сдоброваль тебѣ», говорили окружающіе.— «На все воля Божія!» отвѣчалъ плѣнникъ.

Тѣмъ и кончились попытки къ его обращенію. Отказъ не только не навлекъ на плѣнника гнѣва властей, но какъ будто усилилъ ихъ уваженіе къ нему.

Но подобный результатъ могъ обозначиться только постепенно. Вначалѣ же Сѣверцовъ былъ почти увѣренъ, что ему жестоко отомстятъ. Перспектива была ужасная: или смерть на колѣ или, въ случаѣ уступки, безотрадная жизнь среди дикарей, вѣчная разлука съ семействомъ и со всѣми, кто былъ ему дорогъ. Одно стоило другого и, пожалуй, первое было предпочтительнѣе.

Угнетенное состояніе духа поддерживалось еще праздностью, на которую Сѣверцовъ былъ обреченъ болѣзнью. Онъ радъ былъ бы самой тяжелой работѣ, лишь бы избавиться отъ тревожныхъ мыслей, разстраивавшихъ его нервы. Нравственныя страданія несчастнаго плѣнника были такъ сильны, что онъ обрадовался, когда начавшія было заживать раны снова открылись и стали портиться. Особенно тяжела была рана на лицѣ, гдѣ въ расколотой скуловой кости образовалась костоѣда. При этомъ слабость больного была такъ велика, что онъ могъ ходить только опираясь о стѣну или о чью нибудь руку. «Тутъ только я позналь силу молитвы, шепетъ Сѣверцовъ. Безъ нея я упалъ бы духомъ и. Богъ знаетъ, до какой крайности могъ бы дойти. Послѣ первой же искренней усердной молитвы во мнѣ

пробудилась надежда на освобожденіе. И не смотря на то, что въ этотъ же день мнѣ подтвердили, что датха и слышать не хочетъ о выкупѣ, что онъ и не думалъ посылать въ фортъ Перовскій, во мнѣ все-таки жило упорное, ни на чемъ не основанное убѣжденіе, что я буду освобожденъ, и скоро».

Впослѣдствіи Сверцовъ узналъ, что въ то самое время, когда онъ усердно молился, генералъ Данзасъ приступилъ къ успѣшнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, прекратившимъ его плѣнъ. «Какъ не подумать, продолжаетъ онъ, что этотъ крутой поворотъ моей мысли, эта безпричинная, вопреки здравому смыслу, увѣренность въ освобожденіи была ничто иное, какъ отвѣтъ свыше на мою молитву. Сто лѣтъ проживу и всегда буду помнить то свѣтлое, глубоко отрадное чувство, которое, въ ту минуту, замѣнило снѣдавшую меня тоску. И въ слѣдующіе затѣмъ дни, хотя увѣренность въ близкомъ освобожденіи порой и колебалась, но прежняго отчаянія уже не было».

Въ тотъ же вечеръ, увидѣвшись съ Абселямомъ, Сверцовъ изъявилъ желаніе лечиться. Раны были промыты и къ нимъ приложена парная баранина. Больному каждое утро давался большой запасъ ея, чтобы чаще мѣнять; а къ ночи раны присыпались порошкомъ изъ черепашьихъ яицъ и еще какихъ-то травъ, названія которыхъ Абселямъ не сказалъ. Это, чисто кокандское леченіе, оказалось очень успѣшнымъ.

VI.

Во время болѣзни Сверцова, лишавшей его свободы движенія, онъ много передумалъ, перечувствовалъ и пришелъ къ убѣжденію, что онъ долженъ благословлять свой плѣнъ, а не жаловаться. Среди водоворота обыденной жизни, ему некогда было вдумываться и анализировать себя. Здѣсь, вырванный изъ

среды, которая засасывала его, онъ могъ отнестись къ себѣ безпристрастно, какъ къ постороннему человѣку, и тутъ-то совѣсть, не стѣсняемая условностями и предразсудками, заговорила и осудила многое, что до тѣхъ поръ казалось незначительнымъ, не стоящимъ вниманія. Многіе проступки, казавшіеся прежде ничтожными, представлялись теперь передъ судомъ совѣсти такими возмутительными, что и самый плѣнъ являлся какъ бы должнымъ искупленіемъ за совершенное зло.

Улица въ Туркестанѣ.

Желая ускорить излеченіе ранъ, Сѣверцовъ пересталъ ходить на крѣпостной валъ и оставался въ своей мазанкѣ одинъ одинехонекъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ научился молиться и размышлять, онъ не скучалъ. Вѣра въ освобожденіе росла и росла, хотя извѣстія получались постоянно неутѣшительныя. Наконецъ звѣзда освобожденія засіяла на горизонтѣ.

Въ ночь съ 10 на 11 мая Сѣверцовъ былъ разбуженъ цѣлой толпой кокандцевъ, которые, ломившись въ мазанку, окружили его и что-то громко говорили. Онѣломленный плѣнникъ продолжалъ лежать, закрывъ глаза, не понимая, чего хотятъ отъ него эти люди. Они толкали его, кричали, а онъ про-

должалъ притворяться спящимъ. На шумъ пришелъ Абселямъ, выбранилъ своихъ пріятелей за то, что они тревожатъ спящаго больного, и выгналъ ихъ вонъ. Оказалось, что датха получилъ отъ Осмоловскаго письмо съ требованіемъ освободить плѣнника, и коканцы пришли порадовать его этимъ извѣстіемъ.

Впослѣдствіи Сѣверцовъ узналъ, что хотя письмо его изъ Яны-Кургана и не было послано въ фортъ Перовскій, но комендантъ, напуганный его угрозами, отъ себя написалъ русскимъ властямъ донесеніе, въ которомъ выставлялъ отрядъ, рубившій лѣсъ, какъ разбойниковъ, а Сѣверцова, какъ ихъ атамана. По его словамъ кокапскій отрядъ подвергнулся со стороны русскихъ разбойниковъ жестокому нападенію и, выдержавъ съ честью бой, захватилъ атамана, котораго долженъ былъ доставить своему непосредственному начальнику, датхѣ. Письмо кончалось обычными увѣреніями въ дружбѣ и надеждой на справедливое удовлетвореніе, т. е. на выкупъ.

Комендантъ отлично зналъ, что никого не обманетъ своею баснею, но ему не представлялось иного выхода изъ затруднительнаго положенія. Унизительно было бы писать повинную и признать, что коканцы сами поступили какъ разбойники; это было бы даже и опасно, въ виду вѣроятнаго возмездія. Понятно, что письмо Сѣверцова, излагавшее истинные факты, не могло быть послано комендантомъ.

Получивъ донесеніе, генералъ Данзасъ задержалъ гонца до изготовленія отвѣта, а въ это время снарядилъ трехсотенный отрядъ съ двумя пушками и послалъ его къ Джулеку. Тогда былъ отпущенъ и гонецъ, который видѣлъ выступленіе отряда и могъ сообщить объ этомъ своему начальнику съ неизбѣжными для азіата преувеличеніями.

Осмоловскій писалъ къ туркестанскому датхѣ, обвиняя яны-курганскаго коменданта во лжи и требуя безусловнаго освобожденія плѣнника, который не только не атаманъ, но

и не военный, а мирный путешественникъ, изучающій птицъ и звѣрей.

Волей-неволей датхѣ пришлось уступить. Уже съ 6-го мая Туркестанъ былъ осажденъ возмутившимися киргизами и появленіе русскаго отряда, при подобныхъ условіяхъ, могло быть гибельно для города.

Причиною возстанія кокапскихъ киргизовъ были чрезмѣрные поборы ташкентскаго бека. Возмутились сперва горцы, кочующіе между Ташкентомъ и рѣкою Чу, а затѣмъ возстаніе охватило и другія области. Киргизы обложили Туркестанъ, а за нимъ и Ипы-Кургашъ. Но, такъ какъ въ военномъ искусствѣ азіаты совершенныя дѣти, то осада города долгое время не приводила ни къ какимъ результатамъ. Киргизы пригнали для своего продовольствія скотъ, а кокапцевъ хотѣли заморить голодомъ; но сами же киргизы ходили на туркестанскій базаръ и вымѣнивали барановъ на хлѣбъ и халаты. Въ наивности своей они думали, что одинъ, другой человѣкъ ничего не значитъ, а между тѣмъ такихъ набиралось множество.

Кончилось это тѣмъ, что датха, узнавъ о посѣщеніи киргизами базара, велѣлъ задержать ихъ. Тогда осажденные послали парламентеровъ, которымъ удалось возвратить товарищей, но подъ условіемъ снятія осады. Съ своей стороны датха обѣщалъ не притѣснять ихъ и облегчить подати. Еслибы киргизы увидали отрядъ генерала Данзаса, то ихъ сговорчивость могла бы смѣниться упорствомъ, а потому датха счелъ за лучшее согласиться на требованіе Осмоловскаго.

13-го мая Сѣверцовъ получилъ новый халатъ и приглашеніе явиться къ датхѣ. Около полудня онъ отправился съ Абселямомъ и засталъ датху одного въ его пріемной, т.-е. подъ навѣсомъ, выходившимъ на дворъ. Полъ, приподнятый аршина на полтора, былъ устланъ коврами, стѣны были

оштукатурены, потолокъ подпертъ рѣзными колонками. Потолокъ состоялъ изъ накатника, выкрашеннаго въ разные цвѣта. Все вмѣстѣ имѣло оригинальный и щеголеватый видъ.

Замѣтивъ, что плѣнному трудно сидѣть, скрестивъ больныя ноги, датха предложилъ ему прилечь и велѣлъ дать подъ локоть подушку. Затѣмъ Абселямъ передалъ Сѣверцову желаніе датхи прекратить недоразумѣнія съ русскими и жить какъ подобаетъ добрымъ сосѣдямъ, на что тотъ отвѣчалъ, что русскія пограничныя власти будутъ очень этому рады. Датха предложилъ Сѣверцову написать начальнику Сыръ-Дарьинской линіи, что для возстановленія добрыхъ отношеній русскіе должны возвратить Акъ-Мечеть (ф. Перовскій). На это предложеніе Сѣверцовъ разсмѣялся; да и самъ датха заявилъ эту претензію повидимому, только такъ себѣ, чтобъ не уронить своего достоинства. Это видно было уже изъ того, что по лицу его скользнула едва замѣтная улыбка. Затѣмъ начались разговоры о границахъ, о передавшихся русскимъ киргизахъ, о возвратѣ ихъ и о воспрещеніи имъ впередъ принимать русское подданство. Сѣверцовъ отвѣчалъ, что ни пяди земли не можетъ быть уступлено безъ согласія Бѣлаго Царя, и что ни одинъ изъ его подданныхъ не можетъ самовольно отказаться отъ этого подданства. Что же касается до перехода киргизовъ въ будущемъ, то у русскихъ не въ обычаѣ отказывать тѣмъ, кто проситъ ихъ защиты. Тогда датха, черезъ Абселяма, попросилъ написать хоть то, что онъ желаетъ мира и проситъ русскихъ прекратить набѣги подвластныхъ имъ киргизовъ, взамѣнъ чего обѣщалъ и самъ воспретить враждебныя дѣйствія кокандцамъ. Съ этимъ предложеніемъ Сѣверцовъ согласился и написалъ тутъ же, прибавивъ, согласно просьбѣ датхи, пунктъ о своемъ освобожденіи.

На другой день Абселямъ, съ согласія датхи, перевелъ Сѣверцова въ свой домикъ въ цитадели, гдѣ ему было

гораздо удобнѣе. Два гонца, ѣхавшіе съ письмомъ къ генералу Данзасу, пришли къ Сѣверцову съ просьбою дать имъ пропускной листъ, чтобы ихъ не приняли за шпіоновъ, что онъ и исполнилъ съ удовольствіемъ.

Абселямъ сдѣлался чрезвычайно любезенъ съ плѣнникомъ и свободное отъ службы время занималъ его разговорами. Родомъ изъ сибирскихъ казаковъ, онъ былъ захваченъ въ плѣнъ киргизскимъ султаномъ Кенисарой Кассимовымъ, который и уступилъ его кокапскому хану. Объ этомъ Кенисарѣ Кассимовѣ Сѣверцовъ слыхалъ раньше какъ о звѣрски жестокомъ человѣкѣ. Абселямъ, знавшій его лично, сообщилъ много интересныхъ подробностей. Задумавъ покорить дикокаменныхъ киргизовъ, обитавшихъ въ горахъ Ала-тау, Кенисара двинулся на нихъ со своею ордою. Киргизы защищались какъ львы, и это до того раздражило Кенисару, что онъ рѣшился покончить съ этимъ народомъ самымъ жестокимъ образомъ. Послѣ занятія какого нибудь непріятельскаго аула, Кенисара приказывалъ зажигать костры, и ставить на нихъ котлы съ водою. Какъ только вода начинала закипать, къ нему приводили плѣнныхъ съ женами и дѣтьми и живьемъ по одиночкѣ бросали въ кипятокъ, гдѣ они варились на глазахъ своихъ близкихъ, ожидавшихъ и себѣ той же участи. Дикокаменные киргизы, доведенные этими жестокостями до изступленія, сплотились во едино и выслѣдивъ своего врага, заперли его вмѣстѣ съ отрядомъ въ ущельѣ и убили. Голову Кенисары Кассимова, вздѣтую на пику, возили по всѣмъ ауламъ, чтобы успокоить жителей.

Абселямъ попалъ къ кокапскому хану какъ разъ въ то время, когда этотъ ханъ всякими правдами и неправдами добывалъ себѣ русскихъ солдатъ плѣнныхъ или бѣглыхъ для обученія своего войска. Цѣлые 4 года жилъ Абселямъ постоянно подъ страхомъ смерти. Потерявъ наконецъ всякую

надежду на освобожденіе, онъ перешелъ въ мусульманство и женился на кокандской дѣвушкѣ.

Сдѣлавшись мусульманиномъ, Абселямъ въ тоже время сталъ и гражданиномъ ханства. Онъ служилъ въ военной службѣ и дослужился до чина юзъ-баши, равносильнаго нашему чину капитана. Но служба его была очень трудная. Кромѣ артиллеріи онъ завѣдывалъ всѣми городскими караулами и иногда долженъ былъ для сбора податей дѣлать экскурсіи, далеко не безопасныя. Всѣ эти обязанности возлагались на него какъ на человѣка способнаго и расторопнаго и, не смотря на это, онъ постоянно находился подъ надзоромъ, потому что былъ перекрещенецъ. Въ экскурсіяхъ его постоянно сопровождалъ кокандскій офицеръ, а въ крѣпости слѣдилъ за нимъ Маніазъ, тотъ самый, съ которымъ познакомился Сѣверцовъ въ тюрьмѣ. Эти надзиратели, возлагая на Абселяма самую трудную часть службы, львиную долю барышей оставляли себѣ. Туркестанскій датха, впрочемъ, оказывалъ много вниманія Абселяму, но отъ этого вниманія ему не было никакой существенной пользы. Начальство на глазахъ его богатѣло, а онъ оставался бѣднякомъ. Единственная роскошь, которую онъ позволялъ себѣ, это были лошади, сѣдла и оружіе—слабость присущая казакамъ и кокандцамъ.

О религіи было у Абселяма крайне своеобразное понятіе. Пророка онъ не признавалъ, а чтилъ только тѣхъ святыхъ, которые ему нравились. Особенно благоговѣлъ онъ передъ памятью Азретъ-Султана, о чудесахъ котораго разсказывалъ слѣдующую легенду:

Давнымъ-давно, когда еще киргизовъ тутъ не было, правилъ Туркестаномъ святой султанъ Азретъ. Задумалъ онъ построить такую мечеть, чтобы въ ней со всѣмъ войскомъ можно было жить и все время проводить въ молитвѣ. Понравилась эта мысль Аллаху, и онъ послалъ чудеснаго вер-

блюда, который по ночамъ невидимо бѣгалъ въ Царьградъ и приносилъ оттуда камни. Строителями же были ангелы. Въ этой мечети поселился со своимъ праведнымъ войскомъ Азретъ; въ ней же онъ и похороненъ. До сихъ поръ на его могилѣ совершаются чудотворныя исцѣленія. Эту мечеть видѣлъ Сѣверцовъ и свидѣтельствуетъ, что это дѣйствительно

Мечеть Азрета въ г. Туркестанѣ и часть городской стѣны.

дивное созданіе рукъ человѣческихъ. Какъ велико было искусство тогдашнихъ мастеровъ можно судить по тому, что мечеть эта, построенная около 500 лѣтъ тому назадъ, могла бы и теперь служить образцомъ.

Мечеть находится за городскимъ валомъ на особомъ дворѣ, окруженномъ высокою глиняною стѣною, по угламъ которой устроены изъ жженаго кирпича бастіоны, вооруженные крѣпостными орудіями. Наружный видъ мечети слѣдующій: по угламъ минареты, по срединѣ между ними—порталъ и входная дверь. Надъ всѣмъ зданіемъ возвышаются два величественныхъ купола. Какъ куполы, такъ и вся мечеть покрыта прекрасной изразцовой мозаикой; карнизъ изъ синихъ изразцевъ съ бѣлой арабской надписью.

Внутри мечеть раздѣляется на три отдѣленія: огромную залу въ 16 саженъ, по бокамъ которой идутъ четыре комнаты съ гробницами. Впереди дверь въ соборную мечеть, составляющую второе отдѣленіе. Здѣсь находится гробница Азрета и его семейства, а по бокамъ корридоры тоже съ гробницами. Изъ корридоровъ входъ въ третье отдѣленіе, продолговатую комнату, гдѣ устроенъ колодезь. На дворѣ мечети есть небольшое круглое зданіе съ куполомъ, покрытое изразцовой мозаикой. Говорятъ, будто Тамерланъ намѣренъ былъ перенести сюда тѣло своей любимой внучки, красавицы Робига-Бигемь, но не успѣлъ этого сдѣлать.

Посрединѣ большой залы, на пьедесталѣ стоитъ котелъ, вмѣщающій до 60 ведеръ воды. Надпись на котлѣ гласитъ: «кто напоитъ странника, тотъ угодитъ Богу».

Масса богомольцевъ стекается въ мечеть Азрета. Эмиры, ханы и другія владѣтельныя особы пріѣзжаютъ поклониться святому. На даянія богомольцевъ содержится духовенство и медрессе (духовное училище). Иные жертвуютъ барановъ, которыхъ тутъ-же рѣжутъ и раздаютъ бѣднымъ и странникамъ, пришедшимъ на богомолье.

При штурмѣ Туркестана, мечеть Азрета, находящаяся на возвышеніи, пострадала очень сильно. Она была бы совсѣмъ разрушена, еслибъ главный мулла, пренебрегая опасностью, не поспѣшилъ взойти на минаретъ и поднять бѣлый флагъ.

VII.

Осада города все еще продолжалась, словно и не было договора между датхою и киргизами о снятіи осады. Киргизы мѣшали коканцамъ косить траву за валомъ, но до рукопашнаго боя не доходило. Коканцы стрѣляли вяло, жалѣя снарядовъ, и ихъ пушки палили по большей части тогда, когда

киргизы успѣвали уже отбѣжать. Ворваться въ городъ киргизамъ было трудно, такъ какъ ворота оставались всегда запертыми. Киргизы по прежнему ходили на базаръ, но уже безъ оружія и запретить имъ это было трудно, такъ какъ безъ ихъ барановъ горожане давно уже терпѣли бы голодъ. Наконецъ это надоѣло датхѣ, и онъ сталъ дѣйствовать энергичнѣе. Послѣ боя, довольно чувствительнаго для киргизовъ, осада была снята, и обѣ стороны пришли ко взаимному соглашенію.

Между тѣмъ генералъ Данзасъ шелъ уже на Джулекъ *), но это отъ Сѣверцова тщательно скрывали. По его расчету онъ могъ быть освобожденъ недѣли черезъ 2—3, считая отъ 13 мая. Каково же было его удивленіе, когда на другой день по снятіи штурма, именно 19 мая посланные вернулись изъ ф. Перовскаго и пришли ему сказать, что онъ свободенъ и можетъ выѣхать, когда пожелаетъ. Съ посланными прибылъ переводчикъ Балыкбай съ деньгами для Сѣверцова, но не для выкупа: освобожденіе было безусловное.

Оказалось, что посланные датхи встрѣтились съ генераломъ Данзасомъ у Джулека, и Данзасъ, узнавъ, что плѣнника съ ними нѣтъ, не пожелалъ вести переговоровъ и не принялъ письма. Тутъ датха опять поступилъ двоедушно: онъ не послалъ письма Сѣверцова, а самъ написалъ все то, о чемъ Сѣверцовъ не согласился писать. Увидѣвъ, что съ Данзасомъ ничего не подѣлаешь, послы отправились къ Осмоловскому, но и тамъ потерпѣли пораженіе. Оба генерала требовали безусловнаго, немедленнаго освобожденія плѣнника. Главный посолъ, Аркабай, желая выгородить своего начальника, объявилъ, что плѣнникъ давно уже свободенъ, но болѣзнь задерживаетъ его въ Туркестанѣ. При этомъ онъ просилъ при-

*) Кокандская крѣпость.

нять во вниманіе уступчивость датхи и не идти на Туркестанъ, что ему и было обѣщано тѣмъ болѣе, что подобный походъ имѣлся въ виду только какъ побудительная мѣра на случай упорства датхи.

Болѣзнь дѣйствительно мѣшала Сѣверцову тотчасъ-же воспользоваться свободою. Заживленіе ранъ шло успѣшно, но раньше недѣли нельзя было и думать двинуться въ путь. Какъ-же испугался Аркабай, увидѣвъ, что его показанія оправдались. Онъ началъ умолять Сѣверцова ѣхать, клялся, что довезетъ его бережно, даже на рукахъ снесетъ. Иначе придутъ русскіе подъ Туркестанъ и ему не сдобровать. Но Абселямъ съ авторитетомъ доктора объявилъ, что въ настоящую минуту больной не доѣдетъ до мѣстоназначенія живымъ, что будетъ равносильно убійству, и Аркабай покорился.

Труднѣе всего заживлялись раны на ногахъ, а потому о поѣздкѣ верхомъ не могло быть и рѣчи. Сѣверцовъ слышалъ, что какимъ-то русскимъ купцомъ оставлена въ Туркестанѣ телѣга и просилъ Абселяма розыскать ее и исправить.

Докучливыя раны мѣшали также ходить по городу, на что бывшій плѣнникъ имѣлъ теперь полное право. Какое наслажденіе было бы прогуливаться свободнымъ человѣкомъ тамъ, гдѣ его тащили связаннаго!

«Первый день свободы, пишетъ Сѣверцовъ, я блаженствовалъ такъ, что даже Туркестанъ мнѣ нравился. Я уже пересталъ разсчитывать на свободу, и вдругъ получилъ ее. Никогда я не забуду этого отраднаго впечатлѣнія!»

Въ тотъ-же день вечеромъ былъ у Сѣверцова очень оригинальный посѣтитель: древній старичекъ, отецъ того кокандца, который его изувѣчилъ. «И за сына не признаю его, говорилъ старикъ,—какъ онъ смѣлъ изувѣчить русскаго вельможу! Поѣдешь черезъ Яны-Курганъ, отыщи его и убей, какъ собаку». На это Сѣверцовъ отвѣчалъ, что нисколько не сер-

дится; что коканецъ изранилъ его въ бою, что и онъ легко могъ убить коканца, еслибъ не разорвало ружья. Во всякомъ случаѣ, тутъ дѣло военное и ни съ чьей стороны преступленія нѣтъ. Выслушавъ отвѣтъ, старикъ взялъ руку Сѣверцова и приложилъ ее къ сердцу. Онъ ушелъ вполнѣ увѣренный, что русскій на его сына жаловаться не будетъ.

Старикъ сартъ.

Потомъ пришелъ Аркабай и принесъ въ подарокъ четыре куска узкой шелковой матеріи, стоимостью рублей въ 15. За это Сѣверцовъ отдарилъ его въ фортѣ Перовскомъ.

На другой день пришлось идти откланиваться датхѣ. Раны на ногахъ такъ еще болѣли, что Сѣверцовъ не могъ идти иначе, какъ опираясь на двухъ своихъ спутниковъ. Датха показался ему на этотъ разъ толще обыкновеннаго. Вскорѣ обнаружилось, что на немъ надѣто было два лишнихъ халата: одинъ для Сѣверцова, другой для Абселима въ награду за леченіе плѣнника. Этикетъ требовалъ, чтобы датха дарилъ халаты со своего плеча. По этикету-же полагались и цвѣта. Сѣверцовъ получилъ бирюзовый съ краснымъ узоромъ; Абселимъ — красный съ черными полосками. Несмотря на сильный зной, халаты были на полушелковой подкладкѣ, подбитые ватой.

Прощаясь съ бывшимъ плѣнникомъ, датха далъ ему письмо къ генералу Катенину, въ которомъ заключались самыя напыщенныя похвалы Дапзасу и Осмоловскому и завѣренія въ пензмѣнной дружбѣ и миролюбіи. Тѣмъ аудіенція и кончилась.

Вернувшись домой, Сѣверцовъ прилегъ и принялся мечтать о возвращеніи на родину. Желаніе вырваться отсюда было такъ сильно, что онъ готовъ былъ позабыть о благоразуміи и рискнуть пуститься въ путь, какъ вдругъ, неожиданно, послѣ полудня, датха прислалъ за нимъ. Сильно встревоженный, опираясь на плечи своихъ пестуновъ, Сѣверцовъ потащился къ датхѣ. Тревоги оказались излишними. Датхѣ просто хотѣлось еще разъ задобрить бывшаго плѣнника. Онъ разсыпался въ изыскапныхъ любезностяхъ, говорилъ, что для него такое наслажденіе бесѣдовать съ великимъ ученымъ, благодаря которому онъ научился любить и уважать русскихъ. Онъ умолялъ его еще разъ посѣтить Туркестанъ и осчастливить его, датху, лицезрѣніемъ такого свѣтила. Во время бесѣды подавали щербетъ и сахарную воду, самое роскошное угощенье въ Кокапѣ въ виду дороговизны сахара.

Возвращаясь домой, Сѣверцовъ увидалъ телѣгу, которая должна была увезти его изъ плѣна.

Какъ радостно забилось его сердце!

Наконецъ насталъ желанный день, и Сѣверцовъ съ Абселямомъ, которому позволено было сопровождать его до Ины-Кургана, двинулся въ путь. Солнце жгло невыносимо, а между тѣмъ его почти не было видно; какой-то мутный паръ сквозилъ сквозь мглистый туманъ. Знойный раскаленный воздухъ дрожалъ и колебался, сгущаясь на горизонтѣ и опоясывая его колеблющеюся линіею призрачныхъ горъ и замковъ съ зубчатыми стѣнами. Тяжело было дышать; организмомъ

овладѣвала какая-то апатія. Не смотря на то, что въ телѣгѣ устроена была для Сѣверцова постель, ему было очень мучительно ѣхать въ этомъ неудобномъ экипажѣ по скверными кокапскимъ дорогамъ. Нерѣдко приходилось переѣзжать рѣчки, которыя хотя и были мелки, но текли въ крутыхъ берегахъ, а спуски и подъемы были часто опасны и всегда мучительны.

При подобныхъ условіяхъ путники двигались медленно и только на третій день пріѣхали въ Яны-Курганъ. Отсюда на встрѣчу Сѣверцову выѣхалъ Дащанъ, съ которымъ за это время случилось не мало приключеній. Онъ попался въ плѣнъ къ возставшимъ киргизамъ, но успѣлъ убѣжать, захвативъ, по обыкновенію, лучшую лошадь. Своего скакуна онъ оставилъ дома, почему и попался. Съ Дащаномъ ѣхалъ киргизъ, по имени Шодырь, котораго и представили Сѣверцову, какъ знаменитаго батыря.

Этотъ батырь былъ совсѣмъ другого типа. Насколько Дащанъ былъ ловокъ и щеголеватъ, настолько Шодырь толстъ и неуклюжъ. Онъ обладалъ необыкновенной силой и чрезвычайно ею гордился. Для пущей важности онъ пыжился, говорилъ сиплымъ голосомъ и задиралъ носъ кверху, напоминая индюка, когда онъ гогочетъ. Своей силой Шодырь, какъ говорятъ, былъ обязанъ необычайному аппетиту; онъ могъ заразъ съѣдать бараній курдюкъ фунтовъ въ двадцать. Вообще это была личность, производящая довольно отталкивающее впечатлѣніе.

Въ Яны-Кургапѣ Сѣверцову пришлось сдѣлать визитъ коменданту Джабекъ-Бію. Теперь его всюду принимали какъ дорогого гостя съ угощеніемъ, комплиментами и халатомъ въ придачу. Узнавъ, что притокъ Бирь-Казань между Джулекомъ и ф. Перовскимъ сильно разлился и бродъ не безопасенъ, Сѣверцовъ послалъ въ ф. Перовскій гонца съ просьбою прислать шлюпку. Абселямъ долженъ былъ ѣхать обратно въ Туркестанъ,

а вмѣсто него комендантъ назначилъ состоять при путешественникѣ двухъ киргизовъ.

Отъѣхавъ верстъ 17, путешественники наткнулись на неожиданное препятствіе. Возставшіе киргизы никого не пропускали далѣе. Пришлось вернуться въ Яны-Курганъ и ѣхать другой дорогою подъ конвоемъ Дащана и цѣлаго отряда киргизовъ въ 50 человѣкъ. Такая заботливость о бывшемъ плѣнникѣ наглядно показывала, насколько кокандцы боялись русскихъ.

Обходный путь былъ длиненъ, неудобенъ, и Аркабай предложилъ съѣздить къ киргизамъ, чтобы уладить дѣло. Такое предпріятіе не лишено было риска, но Аркабай вѣрилъ въ свои дипломатическія способности и не боялся. Отпустивъ Аркабая, Сѣверцовъ сталъ раздумывать, не лучше ли ему ѣхать самому. Киргизамъ не было разсчета ссориться съ русскими, и онъ имѣлъ основаніе надѣяться, что они его пропустятъ. Онъ догналъ Аркабая и засталъ его въ переговорахъ со старшиною киргизовъ. Только что переговоры начали принимать благопріятный оборотъ, какъ прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что отрядъ конвоя подъ предводительствомъ Дащапа, вмѣсто того чтобъ служить только прикрытіемъ, какъ ему было приказано, напалъ на киргизовъ, количествомъ болѣе 500 человѣкъ, разсѣялъ ихъ, угналъ скотъ и, считая, что совершилъ молодецкое дѣло, послалъ сказать Сѣверцову, что путь свободенъ.

Такой оборотъ дѣла могъ быть гибеленъ для Сѣверцова, но ему удалось убѣдить старшину, что это не больше какъ недоразумѣніе, и что во всякомъ случаѣ киргизы будутъ удовлетворены. Дѣйствительно, угнанный Дащапомъ скотъ былъ возвращенъ киргизамъ, а имъ пришлось только дать небольшую взятку Яны-курганскому коменданту и Дащану и угостить солдатъ, которые надъ ними же учинили беззаконіе. Но подобное положеніе вещей настолько въ обычаяхъ азіатовъ, что въ концѣ концевъ и та, и другая сторона остались другъ другомъ довольны.

Двинулись далѣе и наконецъ добрались до могилъ Охчу. Путешествіе такъ утомило Сѣверцова, что съ нимъ сдѣлался обморокъ и кровь пошла изъ ранъ. По просьбѣ Аркабая отшельникъ, живущій у могилъ, помолился за путешественника и когда обморокъ прошелъ, киргизы приписали это силѣ молитвы святого. Аркабай, страшно боявшійся за жизнь Сѣверцова, одарилъ

Киргизское кладбище.

святого, а самъ Николай Алексѣевичъ отдалъ ему туркестанскій халатъ.

Прошлое этого отшельника очень темно. Онъ сдѣлался пустынникомъ изъ разсчета и, благодаря подаяніямъ вѣрующихъ, жилъ себѣ припѣваючи. Какъ отрѣшившійся отъ міра сего, онъ принималъ и вѣрныхъ, и невѣрныхъ, лишь бы ихъ рука не оскудѣвала.

На русской границѣ первыми привѣтствовали Сѣверцова тучи слѣпней и комаровъ, страшнымъ образомъ нигдѣ въ кокапскомъ ханствѣ не встрѣчавшихся, даже въ Яны-Курганскихъ болотахъ.

Наконецъ 27 мая, ровно черезъ 31 день послѣ своего плѣненія, Сѣверцовъ очутился въ фортѣ Перовскомъ, среди своихъ русскихъ собратьевъ, которые едва узнали его, такъ

сильно онъ измѣнился. Въ тотъ же день, еще одѣтый въ халатъ, подаренный датхой, онъ представился Осмоловскому и благодарилъ его за освобожденіе.

Такъ кончилось печальное приключеніе, случившееся съ нашимъ путешественникомъ. Оно на нѣкоторое время прервало его научныя изслѣдованія и въ значительной степени было виною тому, что путешествіе это не принесло ожидаемыхъ и важныхъ для науки результатовъ.

Это первое путешествіе по Средней Азіи имѣло однако большое значеніе для самого путешественника. Оно познакомило его съ общимъ характеромъ природы страны и бытомъ народностей, населяющихъ ее, навело на многія мысли и соображенія и помогло выработать планъ и опредѣлить задачи послѣдующихъ изслѣдованій нашихъ средне-азіатскихъ владѣній.

Помимо того Сѣверцову удалось сдѣлать и нѣсколько цѣнныхъ наблюденій. Такъ онъ впервые далъ точныя указанія относительно усыханія Аральскаго моря. Явленіе это очень интересно въ томъ отношеніи, что усыханіе водоемовъ наблюдается во всей Средней Азіи и указываетъ на постепенное превращеніе ея климата въ климатъ еще болѣе сухой, съ еще болѣе рѣзкими крайностями, однимъ словомъ въ климатъ болѣе континентальный.

Оправившись послѣ плѣна, Сѣверцовъ сдѣлалъ интересную экскурсію на сѣверъ отъ Сыръ-Дарьи, въ Голодную степь. Здѣсь онъ нашелъ очевидные слѣды бывшаго нѣкогда соединенія Аральскаго моря съ озеромъ Балхашомъ: для него стало ясно, что оба водоема представляютъ изъ себя ничто иное, какъ остатки древняго моря, простиравшагося здѣсь нѣкогда и сообщавшагося вѣроятно съ морями Каспійскимъ и Чернымъ.

Не мало любопытныхъ наблюденій сдѣлалъ Сѣверцовъ надъ животными степей и пустынь. Наблюденія эти положили основаніе его капитальной работѣ о фаунѣ Туркестана.

Ботаникъ Борщовъ, командированный Академіей вмѣстѣ съ Сѣверцовымъ, изучилъ подробно флору приаральскихъ степей и такимъ образомъ дополнилъ трудъ нашего путешественника.

Возвратившись въ Россію, Сѣверцовъ занялся обработкой собранныхъ коллекцій и приведеніемъ въ порядокъ своихъ замѣтокъ и наблюденій. Онъ съѣздилъ даже за границу, чтобы посовѣтоваться съ иностранными учеными спеціалистами и сравнить свои коллекціи съ коллекціями заграничныхъ музеевъ.

Работая надъ своими коллекціями, онъ невольно замѣчалъ ихъ неполноту и отрывочность. Собранныя лишь въ небольшомъ уголкѣ Туркестана, онѣ не могли послужить для выводовъ относительно распредѣленія животныхъ во всей странѣ; также и наблюденія надъ геологическимъ строеніемъ горныхъ хребтовъ и долинъ были слишкомъ незначительны и не полны.

Сѣверцовъ жаждалъ расширить свои наблюденія, рвался душой въ ту завѣтную страну, въ которой онъ видѣлъ такъ много интереснаго для натуралиста. Онъ искалъ случая попасть снова въ Туркестанъ и такой случай скоро представился.

Изслѣдованіе страны между рѣками Чу и Сыръ-Дарьей.

Въ 1864 г. была снаряжена военная экспедиція противъ кокандцевъ, тревожившихъ наши границы; начальникомъ этой экспедиціи, имѣвшей цѣлью занятіе мѣстностей въ долинахъ рѣкъ Чу и Сыръ-Дарьи, былъ назначенъ генералъ Черняевъ.

Сѣверцовъ воспользовался удобнымъ случаемъ, выхлопоталъ себѣ командировку отъ военнаго министерства и Географическаго Общества и получилъ позволеніе примкнуть къ отряду генерала Черняева, чтобы производить свои изслѣдованія подъ прикрытіемъ этого отряда.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ былъ уже, не смотря на распутицу и бездорожье, въ г. Вѣрномъ, гдѣ собрался отрядъ.

Городъ Вѣрный — прежнее укрѣпленіе «Вѣрное» — былъ основанъ на рѣчкѣ Алматинкѣ въ 1855 году.

Въ тѣ времена Вѣрный представлялъ изъ себя еще маленькій городокъ съ 3-4 тысячами жителей изъ казаковъ, крестьянъ, русскихъ и ташкентскихъ купцовъ. Теперь онъ разросся въ большой областной городъ съ 22,000 жителей и сдѣлался важнымъ торговымъ и административнымъ центромъ.

По своему мѣстоположенію городъ чрезвычайно привлекателенъ. Онъ раскинулся у подошвы высокаго хребта Заилійскаго Алатау, — одной изъ первыхъ грядъ обширнаго Тянь-Шаня. Надъ самымъ городомъ поднимаются исполины-горы. Ихъ темныя громады мѣстами еще темнѣе отъ островковъ хвойнаго лѣса, разбросаннаго по склонамъ. Въ просвѣтѣ

ущелья, изъ котораго бѣшено вырывается рѣчка Алматинка, виднѣются снѣжныя вершины. Рядъ такихъ же вершинъ, выглядывающихъ изъ-за предгорій, вьется и далѣе, по бокамъ ущелья. Часто вершины окутаны облаками, иногда облака спускаются и ниже и ползутъ змѣями по темнымъ склонамъ, извиваясь и принимая самыя причудливыя формы. Надъ всѣми вершинами поднимается массивный конусъ Алматинскаго пика, по высотѣ почти достигающій вышины Монблана *).

Генералъ М. Г. Черняевъ.

Въ окрестностяхъ Вѣрнаго у подножія горъ разрослись чудныя яблоневыя рощи. Весною, когда яблоки цвѣтутъ, эти рощи превращаются въ розовое, благоуханное море. Самъ городъ тонетъ въ садахъ: подъѣзжая къ нему, не знаешь, гдѣ же собственно городъ? Видишь передъ собой густой зеленый лѣсъ, изъ котораго издали не выдается ни одной крыши, ни одной колокольни или башни, — все задрапировано зеленью. Въѣзжаешь въ самый городъ, ѣдешь по его главнымъ улицамъ—и все-же города не видишь: дома прячутся за густыя аллеи высокихъ пирамидальныхъ тополей, тянущихся

*) По приблизительнымъ измѣреніямъ высота его около 14,000 футъ, высота Монблана около 15,000 футъ.

Главная улица города Верного («Аллея Колпаковского») и часовня на память землетрясения 1887 г.; направо Гостиный Двор.

въ 4 ряда вдоль улицъ. Между тополями звонко журчатъ ручейки-арыки, отведенные отъ Алматинки.

Почва въ Вѣрномъ благодатная: посѣвы и деревья разрастаются на ней такъ, что земледѣльцу остается только радоваться. Но какъ часто наружность бываетъ обманчива! Та самая почва, которая доставляетъ здѣсь человѣку возможность къ существованію, служитъ иногда прямой причиной его гибели. Окрестности Вѣрнаго, также какъ и многія (если не всѣ) мѣстности Тянь-Шаня, сильно подвержены землетрясеніямъ. Слабыя колебанія почвы случаются здѣсь очень часто, а время отъ времени они разражаются страшными, разрушительными катастрофами, вродѣ той, которой подвергся г. Вѣрный въ 1887 г. Нѣсколькими сильными подземными ударами весь цвѣтущій городъ, только что начавшій обстраиваться, былъ разрушенъ до основанія. Не осталось ни одного цѣльнаго каменнаго зданія. Каменная церковь, мечеть, превосходный дворецъ губернатора—все было обращено въ нѣсколько минутъ въ безобразную груду развалинъ. Подъ обвалившимися стѣнами и потолками зданій погибло болѣе 150 человѣкъ, не считая тяжело раненыхъ.

До сихъ поръ Вѣрный не можетъ еще оправиться послѣ пережитаго бѣдствія и страшныя минуты до настоящаго времени свѣжи еще въ памяти его обитателей.

Въ Вѣрномъ Сѣверцовъ пробылъ не долго. Снарядившись, онъ отправился оттуда вслѣдъ за отрядомъ Черняева на западъ отъ Вѣрнаго, черезъ перевалъ Кастэкъ.

Въ настоящее время черезъ этотъ перевалъ ведетъ довольно удобный колесный путь, тогда же трудно было пробраться черезъ него и караванымъ путемъ, т. е. верхами и съ верблюдами.

Горная рѣчка бѣшено несется въ узкой щели, ворочая камни и разбрасывая снопы брызгъ. Скалы по бокамъ ея

сходятся близко и оставляютъ лишь узенькую дорожку для проѣзда. Склоны скалъ почти лишены растительности, темны и мрачны. Въ ущельѣ не уютно; хочется выбраться поскорѣе наверхъ, на свободный воздухъ.

Дорожка все круче и круче поднимается наверхъ. Щеки ущелья расходятся и наконецъ путешественникъ на вершинѣ перевала. Здѣсь флора богаче и разнообразнѣе.

Желтые тюльпаны сѣвернаго склона смѣняются здѣсь красными, оранжевыми и пестрыми, самые цвѣты крупнѣе. Видъ, открывающійся съ вершины перевала, поражаетъ своимъ величіемъ. Слѣва поднимаются гряда за грядой два параллельныхъ хребта, и южный словно расколотъ Буамскимъ ущельемъ, въ которомъ течетъ рѣка Чу. Вправо Чу, освобождаясь отъ сковывающихъ ее горъ, раздробляется сѣтью серебристыхъ протоковъ и уходитъ въ безграничную степь. Впереди встаетъ громадной стѣной Киргизскій-Алатау или Александровскій хребетъ, какъ его теперь чаще называютъ, съ вершинами, закутанными въ густыя тучи. Простымъ глазомъ видно, какъ съ боковъ горы сползаютъ облака. На огромномъ пространствѣ эти горы голы и скалисты, только кое-гдѣ по скатамъ ущелій зеленѣетъ ельникъ.

Съ жадностью смотрѣлъ Сѣверцовъ на завѣтныя горы, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда онѣ сбросятъ съ себя облачную завѣсу. Но прошла недѣля, а горы по-прежнему оставались скрытыми отъ глазъ изслѣдователя. За то онъ познакомился въ эту недѣлю съ каракиргизами изъ рода сарыбагишей, правители которыхъ выѣхали на встрѣчу отряду съ музыкой и флейтами.

Нѣкто Фредериксъ, посѣтившій сарыбагишей, разсказываетъ, что они прирожденные музыканты. На деревянномъ инструментѣ вродѣ свирѣли съ мѣдною раструбою они выдѣлываютъ съ большой ловкостью затѣйливые пассажи, не ли-

шенные блеска и пріятности. Переливы, повторяемые эхомъ, напоминаютъ швейцарскій рожокъ, а окружающія горы довершаютъ иллюзію. Путешественнику казалось, что онъ, по мановенію волшебнаго жезла, перенесенъ въ швейцарскія Альпы.

Есть еще у сарыбагишей трехструнная гитара вродѣ балалайки, подъ акомпанименть которой они поютъ. Пѣсни киргизовъ просты и безъискусственны: киргизъ поетъ, о чемъ онъ въ данную минуту думаетъ. Сложенныхъ и передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе пѣсенъ мало, и тѣ, которыя имѣются, представляютъ изъ себя по большей части народныя легенды. Онѣ поются пѣвцами-спеціалистами, пользующимися нѣкоторымъ почетомъ и уваженіемъ за свое искусство.

16-го мая спала, наконецъ, облачная завѣса съ Киргизскаго-Алатау и забѣлѣли на ярко-синемъ небѣ зубчатыя снѣговыя вершины. Туда и направился Сѣверцовъ черезъ долину рѣки Чу, въ которой, также какъ и въ прилежащихъ къ ней предгоріяхъ, много каракиргизскихъ ауловъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль Сѣверцовъ успѣлъ довольно подробно обслѣдовать Киргизскій-Алатау (Александровскій хребетъ). Онъ прошелъ вдоль его сѣвернаго подножья, часто поднимаясь по ущельямъ горныхъ рѣчекъ и переваливая на южный склонъ, причемъ ему удавалось дѣлать такъ называемые геологическіе разрѣзы, т. е. наблюдать и наносить на карту, въ какой послѣдовательности лежатъ въ хребтѣ пласты различныхъ горныхъ породъ. Затѣмъ Сѣверцовъ обслѣдовалъ и часть южнаго склона хребта, долину рѣки Таласъ.

Хребетъ представляетъ изъ себя пустынныя и мрачныя горы; на нихъ поднимаются лишь кочевники, осѣдлая же жизнь возможна только у ихъ подошвы.

Ущелья и лощины поражаютъ своей дикостью. Лѣсу сравнительно мало, скалы оголены, и лишь на большихъ высотахъ можно найти роскошные альпійскіе луга.

Снѣга на большихъ высотахъ глубокіе. Много снѣгу накапливается за зиму и ниже, въ лощинахъ и на отлогихъ скатахъ. Случается, что снѣгъ этотъ, начиная таять, сползаетъ въ ущелья и ложится на прежніе слои. Отъ таянія слои сливаются, укрѣпляются морозомъ и образуютъ такую плотную массу, что падающіе новые слои не могутъ сокрушить ее. Подобныя снѣговыя сооруженія висятъ иногда надъ рѣкою—аркою и имѣютъ видъ настоящаго моста. Такихъ мостовъ въ Киргизскомъ-Алатау Сѣверцовъ встрѣтилъ не мало.

Послѣдній замѣченный имъ снѣговой мостъ висѣлъ надъ потокомъ Кара-Кыспакъ, который водопадомъ низвергается въ долину рѣки Чаткала. Эта долина поражаетъ путника своей оригинальной красотой. Ярко-зеленая, съ разбросанными по ней рощами и быстрой рѣкой, она окружена высокими снѣговыми горами, около которыхъ вьются тучи, то сходясь, то разбѣгаясь. Надъ самою же долиною разстилается, словно куполъ, ярко-синее небо.

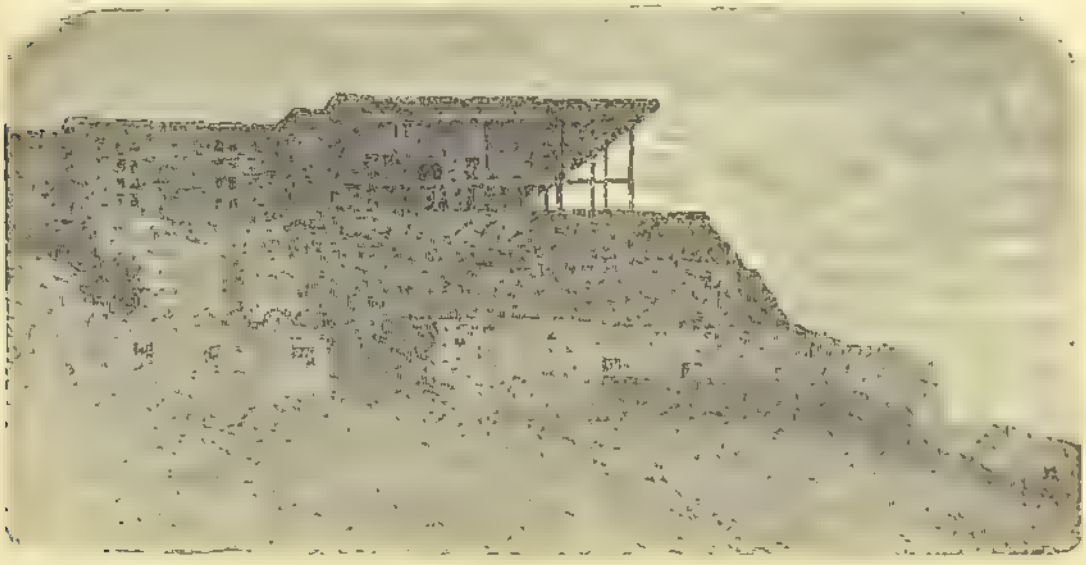
Отсюда Сѣверцовъ повернулъ на коканскіе городки Ауліе-Ата и Чимкентъ *), отклоняясь въ сторону для научныхъ изслѣдованій. Встрѣтившіяся долины, исключая долины рѣки Асы, оказались очень плодородными вездѣ, гдѣ можно было провести воду. Изъ культурныхъ растеній Сѣверцовъ видѣлъ: люцерну, пшеницу, кукурузу, купакъ, джугару и хлопокъ. Джугара—это родъ сахарнаго тростника, стебли котораго не особенно, впрочемъ, сладки. Зерно идетъ на крупу, листья—на кормъ скоту. Купакъ представляетъ изъ себя злакъ, похожій на просо; изъ сѣмянъ его коканцы и киргизы приготовляютъ крупу вродѣ манной.

Ближе къ Ташкенту разводятся кое-гдѣ растенія, имѣющія примѣненіе въ промышленности. Такъ, здѣсь Сѣвер-

*) Нынѣ уѣздные города Сыръ-Дарьинской области.

цовъ встрѣтилъ поля, засѣянныя цицварнымъ сѣменемъ, употребляемымъ въ медицинѣ, кунжутомъ, изъ котораго жмутъ масло, и марены, употреблявшейся прежде въ большомъ количествѣ для окраски тканей въ красный цвѣтъ.

Ташкентъ построенъ въ долинѣ рѣки Чирчика и издали, подобно Вѣрному, кажется большимъ лѣсомъ отъ множе-



Крѣпость города Чимкента.

ства садовъ, въ которыхъ утопаютъ его невзрачные домишки. Онъ былъ когда-то столицею небольшого самостоятельнаго ханства, состоявшаго изъ трехъ участковъ: Ташкента, Чимкента и Туркестана. Въ 1810 г. это крошечное ханство было покорено кокандцами.

Вернувшись въ Чимкентъ, вскорѣ послѣ взятія этого города русскими, Сѣверцовъ поселился въ туземномъ глинобитномъ домикѣ, гдѣ и пробылъ два мѣсяца, занимаясь собираніемъ зоологическихъ коллекцій и помогая генералу Черняеву въ составленіи проекта устройства только что покоренной имъ страны.

Первое время Сѣверцова сильно одолѣвало любопытство туземцевъ, лица которыхъ то и дѣло высовывались въ двери.

Бывали нахалы, которые прямо влѣзали, садились, и ихъ съ трудомъ можно было выжить. Только по пятницамъ туземцы оставляли въ покоѣ путешественника.

Мулла на молитвѣ.

Кокандскіе мусульмане—ревностные исполнители обрядовъ своей религіи. Въ четергъ вечеромъ и въ пятницу утромъ всѣ мечети наполнены молящимися. Духовенство играетъ здѣсь важную роль, и въ его рукахъ сосредоточено воспи-

Улица въ азіатскомъ кварталѣ города Ташкента.

таніе юношества. Мусульманскія школы дѣлятся на два разряда: мактабъ—низшія и медрессе—высшія. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ владѣютъ большою собственностью. Учителя низшихъ школъ получаютъ отъ родителей учениковъ небольшую плату и два раза въ годъ халатъ. Учитель медрессе вознаграждается изъ доходовъ съ угодій, принадлежащихъ медрессе.

Мальчики начинаютъ учиться 5 — 6 лѣтъ, и не смотря на то, что ихъ курсъ въ мактабѣ длится 7 лѣтъ, они едва выучиваются читать и писать, до того несовершенны педагогическіе пріемы туземцевъ. Учатся обыкновенно всѣ заразъ, выкрикивая заучиваемое и пока всѣ до одного не будутъ знать пройденнаго, учитель не пойдетъ дальше. Естественно, что при такихъ порядкахъ слабые задерживаютъ классъ.

Мактабъ представляетъ такой видъ: учитель съ огромными очками на носу сидитъ на полу; возлѣ него лежитъ кипа книгъ. Отъ него кругомъ сидятъ ученики; передъ каждымъ лежитъ книга. Всѣ эти книги духовнаго содержанія и написаны языкомъ такимъ витіеватымъ, что ученики въ нихъ ничего не понимаютъ, да это и не требуется. Разсужденія о религіи со стороны простыхъ смертныхъ считаются вольнодумствомъ. Это доступно только муллѣ, или ходжѣ, т. е. человѣку, совершившему путешествіе ко святымъ мѣстамъ, слѣдовательно просвѣтленному. Ученіе начинается съ восходомъ солнца и продолжается до пяти часовъ съ небольшими перерывами для отдыха и ѣды.

Когда ученикъ начинаетъ читать коранъ, его отецъ долженъ подарить учителю платье.

По окончаніи курса въ мактабѣ, мальчикъ переходитъ въ медрессе, гдѣ курсъ продолжается 15 лѣтъ, но его кончаютъ немногіе. Такіе мудрецы удостоиваются званія имамовъ, муллъ и другихъ высшихъ степеней.

Экзаменъ учениковъ медрессе очень своеобразенъ. Профессоръ читаетъ какой нибудь текстъ и обсуждаетъ его. Ученики сосредоточенно слушаютъ, по временамъ громко вздыхая и кивая головой. Когда профессоръ кончитъ, они начинаютъ разсуждать и спорить; споры бываютъ горячіе и часто о пустякахъ, не стоящихъ вниманія. Посторонніе зри-

Ученики мактаба.

тели также могутъ принимать участіе въ этихъ ученыхъ спорахъ.

Есть школы и для дѣвочекъ. Въ нихъ курсъ 4-лѣтній и въ него входитъ обученіе шитью.

Юридическія учрежденія до водворенія русскихъ были очень просты. Осѣдлое населеніе судили кади—судьи, кочевое—біи. При отсутствіи писанныхъ законовъ весь судъ основывался на совѣсти. Понятно, что при такихъ условіяхъ судьи должны были заслужить безграничное довѣріе населенія, для чего требовалось не мало ума и смѣтливости. Послѣднее качество особенно уважается азіатами. Люди обладающіе такимъ качествомъ могутъ пользоваться большимъ вліяніемъ, хотя бы они и не были мусульманами. Въ

Туркестанской области разсказываютъ объ одномъ русскомъ казакѣ, приходившемъ на озеро Иссыкъ-куль ловить рыбу. Познакомившись съ киргизами, онъ пріобрѣлъ у нихъ репутацію такого мудраго судьи, что они избрали его своимъ біемъ и стали ему платить за приговоры. Многія дѣла оставлялись безъ разрѣшенія, пока не приходилъ казакъ.

Изъ мусульманскихъ праздниковъ самый главный Байрамъ, наступающій послѣ поста — уразы. Конецъ уразы и начало Байрама происходитъ не въ какой нибудь опредѣленный день, а послѣ наступленія новолунія. Появленіе новой луны наблюдается однако не на небѣ, а на отраженіи его въ водной поверхности.

Опредѣлить наступленіе новолунія — дѣло муллъ и старѣйшинъ. Они сядятъ по долгу передъ какимъ нибудь прудкомъ и ожидаютъ появленія молодого серпа мѣсяца. Какъ только онъ замѣченъ, постъ прекращается и начинаются праздничныя увеселенія. Не всѣ города, однакоже, бываютъ въ этомъ отношеніи одинаково счастливы. Въ Коканѣ, напримѣръ, увидали въ первый разъ луну и начали праздновать въ пятницу, а въ Маргеланѣ, въ пятницу продолжается еще ураза и праздникъ начинается въ субботу, когда прибудетъ изъ Кокана гонецъ съ радостной вѣстью объ открытіи луны.

Въ послѣднее время туземцы начинаютъ пользоваться благами цивилизаціи, предоставляемыми имъ русскими: вѣсть о появленіи новой луны передается теперь изъ города въ городъ по телеграфу.

Празднованіе новаго года начинается большой процессіею. Впереди идутъ календеры (особый видъ дервишей) поютъ и скачутъ. За ними слѣдуютъ ахуны (духовныя лица) въ бѣлыхъ чалмахъ, потомъ вооруженные тѣлохранители. Вся эта процессія направляется въ мечеть. По окончаніи службы начинается «томаша», т. е. праздникъ.

Есть еще осенній праздникъ, напоминающій западноевропейское «vendanges», собираніе винограда. Туркестанцы собираютъ ягоды шелковицы и квасятъ изъ нихъ вино. Собираніе ягодъ сопровождается попойками, пѣніемъ и плясками. Здѣсь принимаютъ участіе и женщины. Чтобъ улучшить вкусъ вина — къ шелковицѣ прибавляютъ спѣлыхъ персиковъ.

Праздникъ поминовенія мертвыхъ обставленъ оригинальными обычаями: горюющіе всячески увѣчатъ себя. Прорѣзаютъ кожу около кадыка и растравляютъ рану, прорѣзаютъ дыры въ ушахъ. Многіе являются на могилы окровавленными. Такая кровавая жертва въ память усопшаго называется «ошуръ». Черезъ десять дней послѣ праздника мертвыхъ, мужчины и женщины, старые и молодые, одѣваются въ лучшія платья и собравшись за городомъ на какой нибудь возвышенности поютъ, пляшутъ и веселятся.

Всѣ болѣзни, по мнѣнію туркестанцевъ, происходятъ отъ шайтана (дьявола) и албасты — домового. Но и съ нечистой силой мѣстный знахарь умѣетъ бороться. Отыщетъ лошадь съ бѣлыми глазами, филина, беркута, сороку, либо кустарникъ-колючку; всего этого нечистая сила не переноситъ. Крикъ филина распугиваетъ цѣлую стаю чертей; перышко его на шапкѣ, или гдѣ нибудь на платьѣ, а не то и въ гривѣ лошади прекрасное средство, чтобъ отогнать діавола. Набросавъ на голое тѣло больного ворохъ колючки, можно исколоть и чорта. Воткнутая въ землю остріемъ вверхъ сабля служитъ грознымъ сторожемъ.

Можно и предотвратить болѣзнь, надѣвъ на шею тумаръ — талисманъ. Это заговоренный камешекъ «ада-ташъ», находимый въ желудкѣ коровъ и лошадей. Тумары вѣшаютъ также на шею скоту. Если нуженъ дождь, стоитъ только привязать ада-ташъ къ прутику и поставить прутикъ въ воду. Для

вёдра—привязать къ хвосту лошади; для прохлады—заткнуть за поясъ. Въ большомъ ходу также заклинательныя молитвы. Нарѣзанную въ узкія полосы и склеенную бумагу мулла мелко исписываетъ за хорошую плату. Тутъ поименованы всякія болѣзни, всякія бѣдствія и даже оружіе, которое можетъ вредить человѣку. Такая хартія, скатанная въ трубочку и повѣшенная на шею, предохраняетъ владѣльца отъ насильственной смерти. Эта молитва служитъ не только какъ наружное, но и какъ внутреннее средство. Стоитъ только пожевать кусочекъ и проглотить, и святыя слова исцѣлятъ какую угодно болѣзнь.

Молитвы эти пишутся особыми чернилами, которыя приготовляются слѣдующимъ образомъ: зажигаютъ въ небольшой чашкѣ льняное масло и держатъ надъ пламенемъ другую чашку, на которую осаждается копоть. Сажу эту смѣшиваютъ съ рисомъ и водою, развариваютъ въ клейстеръ, а потомъ этотъ клейстеръ сушатъ и передъ употребленіемъ размачиваютъ.

— «Ну чтоже, помогло?» спросилъ однажды европеецъ туземца, проглотившаго такую штуку.

— «Да я мало съѣлъ, денегъ не хватило, а то бы совсѣмъ былъ здоровъ», отвѣчалъ тотъ.

Мѣстные знахари хвастаютъ, что они по глазамъ распознаютъ болѣзнь, а потому туземцы, попавъ къ нашимъ докторамъ, ихъ разспросы принимаютъ за незнаніе и подсмѣиваются надъ ними.

«Эхъ, тюрл (господинъ), коли я тебѣ скажу, что у меня болитъ, какой же ты будешь лекарь. А ты самъ узнай».

Довольно распространена здѣсь ужасная болѣзнь проказа, по мѣстному «махао». Въ трехъ верстахъ отъ Ташкента есть кишлакъ, куда лѣтъ 50 тому назадъ были выселены всѣ прокаженные, удаленные такимъ образомъ отъ осталь-

пого общества и лишенные почти всѣхъ гражданскихъ правъ. Кишлакъ *) этотъ напоминаетъ скитъ. Онъ окруженъ высокими стѣнами, изъ за которыхъ ничего не видно. Видъ этого поселка до того ужасенъ, что ни одного туземца добромъ туда не заманишь.

Лихорадки господствуютъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ воздѣлывается рисъ. Рисъ требуетъ столько воды, что поля на цѣлые четыре мѣсяца превращаются въ болота. Въ Италіи напр. закономъ запрещено воздѣлывать рисъ ближе 15 верстъ отъ города, но въ Средней Азіи до этой мѣры еще не додумались. Мѣстные знахари лечатъ лихорадки отваромъ травы и сывороткой. Если-жъ этого мало, то убиваютъ лошадь и въ теплую шкуру завертываютъ больного. Шкуру мѣняютъ какъ можно чаще. Если-жъ и это не помогаетъ, то по древнему обычаю предлагаютъ Богу взамѣнъ человѣка бѣлаго барана. Обведутъ его три раза вокругъ больного и затѣмъ зарѣжутъ, приговаривая: «вотъ тебѣ душа за душу, оставь больного жить» **).

Есть еще оригинальная болѣзнь «ришта». Болѣзнь эта производится особымъ длиннымъ и тонкимъ червемъ, водящимся также въ Индіи и въ Африкѣ ***). Червь биткомъ набитъ зародышами, изъ которыхъ, въ случаѣ, если они попадутъ въ воду, арыковъ или колодцевъ, развиваются микроскопически мелкія

*) Деревня.

**) Терентьевъ.

***) По своему внѣшнему виду червь этотъ, называемый зоологами Filaria, очень похожъ на «волосатика», водящагося въ нашихъ прѣсныхъ водахъ. Про волосатика также разсказываютъ, будто онъ проникаетъ подъ кожу человѣка и животныхъ, но это совершенно несправедливо: волосатикъ вполнѣ безвредное животное: его личинка живетъ въ прѣсноводныхъ личинкахъ насѣкомыхъ и въ кишечномъ каналѣ рыбъ, а взрослое животное не только не можетъ проникать подъ кожу человѣка, но даже и не питается, такъ какъ у него нѣтъ кишечника. Оно только откладываетъ яйца.

личинки. Личинки эти дѣлаются паразитами маленькихъ, едва замѣтныхъ невооруженнымъ глазомъ, рачковъ, которыхъ зоологи называютъ «циклопами», такъ какъ у нихъ только одинъ глазъ. Если человѣкъ напьется воды съ такими рачками, то въ полости его тѣла развиваются черви, которые прободаютъ внутренности и располагаются подъ кожею, вызывая нагноеніе.

Обыкновенно нагноеніе образуется возлѣ сустава, на щиколкѣ, на колѣнѣ, на локтѣ. Это мѣсто распухаетъ, воспаляется и изъ образовавшагося нарывчика показывается черная головка червя. Прижимая осторожно окружность ранки, его выдавливаютъ настолько, чтобы намотать на тонкую палочку и такимъ образомъ потягиваютъ ежедневно, пока не выйдетъ весь, на что требуется иногда до шести дней. Сохрани Боже, оборвать червя; тогда ранка начинаетъ гноиться и дѣло нерѣдко кончается гангреною. Есть между туземными лекарями искусники, которые вытягиваютъ червя въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, поколачивая окружность раны серебрянымъ молоточкомъ; но эта операція дорога и доступна лишь богатымъ людямъ.

Пребываніе Сѣверцова въ Чимкентѣ было бы не особенно пріятно, еслибъ не живой интересъ къ окружающей природѣ. Домъ, въ которомъ онъ помѣстился, былъ, какъ и всѣ туземные дома, крайне неудобенъ для европейца. Вмѣсто стеколъ въ окна вставлена была масляная бумага, отчего въ комнатѣ господствовалъ всегда полумракъ; вмѣсто печи чувалъ (т. е. четыреугольная труба, съ отверстіемъ внизу, гдѣ и раскладывается огонь), который дымитъ при малѣйшемъ вѣтрѣ.

Нынѣшніе путешественники по Туркестану и понятія не имѣютъ о томъ, какъ жили первые поселенцы. Теперь Ташкентъ, напр., настоящій европейскій городъ, ничего общаго не имѣющій съ тѣмъ, который видѣлъ Сѣверцовъ. Онъ за-

строенъ прекрасными зданіями, обсаженъ аллеями, превосходно тосспрованъ. Дворецъ генералъ-губернатора окруженъ огромнымъ тѣнистымъ садомъ съ холмами, гротами, фонтанами и т. п. затѣями. Здѣсь три раза въ недѣлю играетъ

Городъ Ошъ.

военный оркестръ, и садъ открывается для публики. Собираются русскіе и зажиточные туземцы, особенно сарты, которые очень любятъ музыку.

Другіе кокапскіе города также приняли болѣе или менѣе европейскій видъ. Новый городъ окружилъ старый, словно поясомъ, либо прилѣпился къ нему сбоку, либо раскинулся на нѣкоторомъ разстояніи. Такія измѣненія произошли въ Чимкентѣ, Ходжентѣ, Коканѣ, Ауліэ-Ата и даже въ маленькомъ, лежащемъ на окраинѣ, Ошѣ.

Туркестанская ученая экспедиція 1865—1868 годовъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ Сѣверцовъ, по порученію генерала Черняева, уѣхалъ съ его проектомъ въ Петербургъ, а въ слѣдующемъ 1865 году опять вернулся въ качествѣ начальника экспедиціи, посланной по Высочайшему повелѣнію для изученія естественныхъ богатствъ вновь присоединеннаго края. На этотъ разъ Сѣверцову сопутствовала его жена, помогавшая ему въ составленіи ботаническихъ и энтомологическихъ коллекцій. Вся экспедиція состояла изъ 17 человѣкъ.

Въ то время нельзя было отправляться въ Туркестанскій край налегкѣ. Нужно было обзавестись въ Оренбургѣ множествомъ необходимыхъ вещей и экспедиціонная кладь вышла весьма значительной. Кладь отправлена была на верблюдахъ, а Сѣверцовъ съ женой отправился въ тарантасѣ, захвативъ съ собою только то, что было необходимо для работъ въ ожиданіи прибытія транспорта.

Тогдашняя ѣзда по киргизской степи стоитъ того, чтобы ее описать. Пріѣзжаетъ путешественникъ на станцію, т. е. къ стоящей уединенно въ степи киргизской кибиткѣ. «Есть лошади?» — «Нѣтъ», слѣдуетъ непзмѣнный отвѣтъ. Лошади пасутся въ степи. Отправляются за ними. Путешественникъ ждетъ, изнывая отъ тоски и стужи зимою, или отъ зноя и пыли — лѣтомъ. Наконецъ привели лошадей и заложили коренника. Наступаетъ самая трудная часть процедуры. Привязываютъ къ тарантасу, куда только можно, не запутывая

колесъ, веревки. Сдѣлавъ мертвую петлю, закидываютъ ее на шею пристяжныхъ, которыхъ держатъ крѣпко, закусивъ имъ въ то же время ухо. Послѣдняя мѣра считается радикальною для усмиренія животнаго. Кругомъ тарантаса становятся верховые киргизы. Когда все готово и путешественники усѣлись, держащіе лошадей разбѣгаются въ стороны, гикаютъ

Тройка въ степи.

и тарантасъ мчится стрѣлой. Сзади гонятъ цѣлый табунъ. Проскакавъ, сломя голову, верстъ пять, лошади останавливаются какъ вкопанныя, ихъ отпрягаютъ и замѣняютъ другими.

Прибывъ въ Чимкентъ, Сѣверцовъ занялся зоологическимъ сборомъ, но предпринимать дальнихъ экскурсій не могъ, потому что по окрестностямъ бродили шайки враждебныхъ намъ бухарцевъ; волновались и горные кара-киргизы. Военнаго конвоя генералъ Черняевъ дать не могъ, такъ какъ желалъ сосредоточить войска, чтобъ нанести бухарскому эмиру рѣшительный ударъ, что и удалось выполнить генералу Романовскому.

По усмиреніи бухарцевъ Сѣверцовъ получилъ конвой и, выступивъ 5 мая изъ Чимкента, направился къ хребту Каратау для изслѣдованія его строенія. Тутъ онъ нашелъ залежи

желѣза, свинцовой руды и каменнаго угля, а у рѣчки Куркуреу золотыя розсыпи.

Были сдѣланы и интересныя ботаническія находки. Такъ, на рѣчкѣ Бугуни Сѣверцовъ встрѣтилъ дикій виноградъ, не попадавшійся ему ранѣе въ Туркестанѣ; на ней же ему пришлось видѣть въ горномъ ущельѣ интересный лѣсъ, состоящій

Горы Каратау.

изъ ясени и высокоствольнаго боярышника. Послѣднее растеніе у насъ обыкновенно встрѣчается лишь въ видѣ кустарника, тамъ же стволы боярышника достигали высоты трехъ сажень. Еще интереснѣе была находка на плоскихъ возвышенностяхъ Боролдай: здѣсь были найдены цѣлыя поля дикой ржи, роскошно растущей и дающей колосъ, по тяжести мало уступающій домашней ржи. Она цвѣтетъ здѣсь въ маѣ и созрѣваетъ въ іюнѣ, потому, какъ думаетъ Сѣверцовъ, и домашняя рожь могла бы съ удобствомъ воздѣлываться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Туркестана. До сихъ поръ, однако, ржи воздѣлывается въ этой странѣ крайне мало; переселенцы и туземцы предпочитаютъ сѣять пшеницу.

Покончивъ съ Каратау, Сѣверцовъ предпринялъ экскурсію къ верховьямъ Келеса и Чирчика, съ цѣлью отыскать тамъ каменный уголь. Въ долинѣ рѣки Уйгумы, впадающей въ Чирчикъ, онъ напалъ на цѣлый лѣсъ фруктовыхъ деревьевъ: яблоней, грецкаго орѣха, урюка (дикій абрикосъ), не считая деревьевъ не фруктовыхъ. Такая роскошная древесная растительность, въ дикомъ видѣ большая рѣдкость въ Средней Азіи и производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Каменный уголь въ данной мѣстности однако найденъ не былъ, но за то коллекціи обогатились многими цѣнными пріобрѣтеніями и удалось выяснить въ общихъ чертахъ геологическое строеніе западныхъ предгорій Тянь-Шаня.

Въ концѣ лѣта того же 1866 года Сѣверцовъ принужденъ былъ уѣхать по дѣламъ въ Петербургъ и оставилъ другихъ участниковъ экспедиціи горнаго инженера Никольскаго и препаратора Скорпякова докапчивать начатыя изслѣдованія.

Результатомъ обѣихъ описанныхъ экспедицій (1864—1866 гг.) было довольно подробное ознакомленіе съ бо́льшей частью нынѣшней Сыръ-Дарьинской области, до тѣхъ поръ совершенно неизслѣдованной.

Было изучено геологическое строеніе хребтовъ, примыкающихъ къ Тянь-Шаню съ запада, опредѣлена ихъ рудоносность и возможность воспользоваться скрытыми въ нихъ богатствами.

Были собраны огромныя коллекціи животныхъ и растеній, давшія возможность выяснить составъ и характеръ фауны и флоры страны.

Наконецъ, были выяснены и нѣкоторые вопросы, имѣющіе большое практическое значеніе. Такъ было доказано суще-

ствованіе золота въ Туркестанѣ и возможность его разработки; собирались свѣдѣнія о положеніи шелководства въ краѣ и о возможности его улучшенія; были намѣчены мѣстности, пригодныя для устройства русскихъ поселеній.

Обще-географическія свѣдѣнія о странѣ подвинулись значительно впередъ: выяснилось строеніе рельефа страны, направленіе хребтовъ и рѣкъ, пересѣкающихъ ее, общій характеръ мѣстности и отчасти характеръ туземнаго населенія.

Путешествіе на рѣки Нарынъ и Аксай и изслѣдованіе высокихъ Сыртовъ Тянь-Шаньской системы.

Обѣ предъидущія экспедиціи дали гораздо болѣе важные результаты, чѣмъ первое путешествіе Сѣверцова, однако все-же онѣ не удовлетворили его ненасытной жажды изслѣдованія.

На западѣ оставалась неизслѣдованной обширная, загадочная горная страна Тянь-Шань, куда только не задолго передъ тѣмъ (въ 1856 г.) проникъ первый русскій ученый изслѣдователь П. П. Семеновъ. Ему удалось однако познакомиться лишь съ болѣе сѣверною частью этой страны и то бѣгло, въ самыхъ общихъ чертахъ. Южная часть—истоки Сыръ-Дарьи, которая въ своихъ верховьяхъ называется рѣкою Нарыномъ, долины рѣкъ Атбаши и Аксая и высокія горныя плато на югъ отъ озера Иссыкъ-куля, носящія названіе «Сыртовъ» оставались почти совсѣмъ неизслѣдованными.

Въ эту то таинственную страну, увѣнчанную снѣжными вершинами и влекло Сѣверцова желаніе довершить начатое дѣло изслѣдованія сѣверной части Туркестана.

Благодаря пріобрѣтенной уже Сѣверцовымъ солидной репутаціи ученаго изслѣдователя, ему удалось безъ особыхъ затрудненій организовать въ слѣдующемъ же 1867 г. новую экспедицію на Тянь-Шань.

Едва оправившись отъ тяжелой болѣзни, которую онъ схватилъ по дорогѣ изъ Петербурга въ Туркестанъ, Сѣверцовъ прибылъ осенью въ Вѣрное и 14 сентября выступилъ уже изъ него въ сопровожденіи небольшого отряда изъ семи человѣкъ.

I. Отъ Вѣрнаго до Аксу.

Путь Николая Алексѣевича лежалъ теперь, однако, уже не на западъ, какъ во второе путешествіе, а на востокъ отъ Вѣрнаго вдоль хребта заилійскаго Алатау, у подножія котораго простирается обширная долина рѣки Или.

Погода стояла отвратительная. Шли постоянные дожди, а на высотахъ снѣгъ. Едва проѣхали путешественники нѣсколько верстъ, какъ уже промокли до костей. Слѣдующее утро было ясное, но тучи покрывали линію хвойнаго лѣса въ горахъ и спускались даже въ поясъ яблочныхъ и абрикосовыхъ деревьевъ, мѣстами сползая до самой подошвы горъ. Путешественники ѣхали вдоль самой подошвы горъ, поднимающихся изъ совершенно ровной степи. По дорогѣ встрѣчались казачьи поселенія, обитатели которыхъ, судя по всему, благоденствовали, несмотря на свою нескончую казачью лѣнь. Развитію земледѣлія, кромѣ мѣстнаго приволья и плодородія почвы, не мало способствовало возстаніе дунганъ (китайскихъ магометанъ) въ сосѣднихъ китайскихъ предѣлахъ. Во время этихъ возстаній, направленныхъ противъ китайскаго правительства, китайцы и китайскіе калмыки зачастую массами бѣжали въ наши владѣнія и, лишенные средствъ къ существованію, шли въ работники къ казакамъ. Послѣдніе получали такимъ образомъ дешевыя, почти даровыя рабочія руки.

Въ устройствѣ своихъ жилищъ казаки остались вѣрными родинѣ. Просторныя, сложенныя изъ толстыхъ еловыхъ бревенъ избы выглядѣли домовито. Но въ одеждѣ казаки нѣсколько позаимствовались у азіатовъ: нѣкоторые изъ нихъ носили халаты и бешметы изъ верблюжьяго сукна. Хлѣба у нихъ было вдоволь, мяса тоже; земли и всякихъ угодьевъ — сколько угодно.

Миновавъ станицу Иссыкъ, экспедиція надолго простилась съ русскими поселеніями и углубилась въ горы. Лѣса по рѣкѣ

Тургени оказались очень богатыми животною жизнью: втеченіе нѣсколькихъ часовъ охоты коллекціи экспедиціи обогатились множествомъ цѣнныхъ экземпляровъ птицъ и мелкихъ звѣрей.

Подвигаться впередъ приходилось медленно. Охота и геологическія наблюденія, а еще больше тяжелая поклажа экспедиціи, навьюченная на лошадей, не позволяли дѣлать быстрыхъ переходовъ.

Черезъ два дня Сѣверцовъ со своими спутниками прошли долину р. Асы и достигли перевала Карагай-Булакъ, ведущаго черезъ хребетъ Заилійскій Алатау.

Погода все еще стояла неблагопріятная. Небо было покрыто тучами, дулъ юго-западный вѣтеръ. Любопытно было смотрѣть, какъ облака проходили между елями, росшими на гребнѣ, разрывались ими и выходили изъ лѣса сѣро-бѣловатыми клочьями. Конецъ подъема былъ крутъ и снѣженъ. Приходилось идти по узкому карнизу вдоль отвѣсныхъ скалъ и идти наобумъ, довѣряя свою жизнь чутью лошади, такъ какъ за густотою тумана, впереди ничего не было видно. Иногда вдругъ выступали изъ прорывовъ тумана торчащія скалы гребня, проходило нѣсколько моментовъ—и онѣ снова исчезали, кутаясь въ густую сѣрую пелену. На спускѣ, такомъ же тяжеломъ какъ и подъемъ, путники по временамъ выходили изъ линіи тумана и любовались темно-синимъ небомъ, разстилавшимся надъ ними. Солнце заходило, и лучи его, озарял облака, пробѣгали по нимъ огненною золотистою волною. Потомъ все снова погружалось въ туманъ, словно проваливаясь въ бездну.

Здѣсь путешественники встрѣтили огромнаго орла-бородача съ бѣлымъ брюхомъ и ярко-оранжевою грудью. Онъ мелькалъ между волнующимися облаками, безпрестанно скрываясь въ нихъ, и вдругъ неожиданно появлялся совсѣмъ близко. Подлеталъ онъ такъ стремительно, что, казалось, собирался

напасть на путниковъ, проходящихъ надъ пропастью по опасной тропинкѣ.

Дѣйствительно, существуютъ разсказы, будто онъ нападаетъ на людей, но разсказы эти заслуживаютъ мало довѣрія. Въ данномъ случаѣ, путешественники были внѣ всякой опасности: хищникъ держался отъ нихъ далеко и не приближался даже на выстрѣлъ, такъ что подстрѣлить его не удалось.

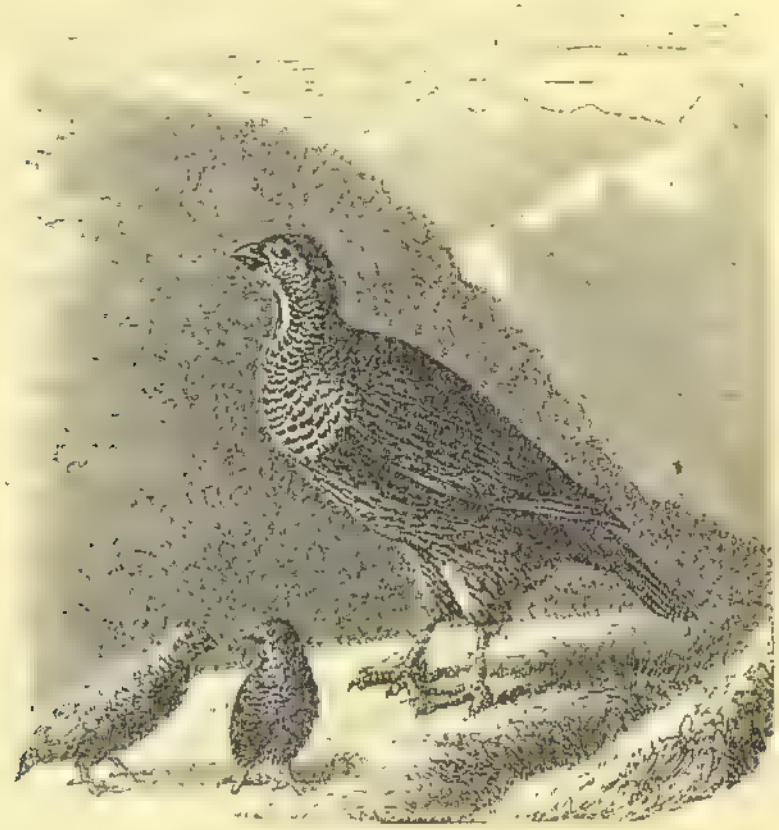
Маралъ (Cervus maral).

Спустившись въ долину, путники остановились на ночлегъ и зажгли большой костеръ, чтобы казаки, уклонившіеся въ сторону отъ пути для охоты, могли найти ихъ. Совсѣмъ уже стемнѣло, когда подъѣхали охотники съ богатой добычей.

Въ ельникахъ, у рѣки Асы, убитъ былъ великолѣпный маралъ (сибирскій олень) величиною съ добрую лошадь. Казакъ подкрался къ нему съ подвѣтренной стороны въ то время, когда онъ, лежа послѣ утренней покормки, пережевывалъ жвачку. Такъ, обыкновенно, и охотятся на этихъ звѣрей. Мясо марала въ сентябрѣ не вкусно, а потому, спрятавъ шкуру и голову для коллекціи, мясо выбросили для приманки бородачей, которые все еще кружились надъ головами путешественниковъ. Сѣверцову очень хотѣлось добыть хоть одного бородача для коллекціи. По нимъ стрѣляли крупною дробью,

слышенъ былъ ударъ дроби о перья, но въ тѣло животнаго дробь, повидимому, не проникала, отскакивая отъ гладкихъ перьевъ.

Парили высоко подъ облаками и еще болѣе крупные хищники — «куман», особый видъ грифовъ, но они были такъ



Улларъ (Megaloperdix Nigellii).

осторожны и держались такъ далеко отъ охотниковъ, что нечего было и думать достать ихъ пулею.

На слѣдующій день охота была удачнѣе. Въ ущельѣ Джапышке удалось убить беркута и уллара.

Улларъ — колоссальная горная куропатка, мясо которой такъ нѣжно и вкусно, что предпочитается даже фазаньему. Птица эта живетъ исключительно на большихъ высотахъ, по травянистымъ горнымъ скатамъ, выше предѣла хвойнаго лѣса, и охота за нею очень опасна. Приходится лазить по

крутизнамъ, по каменистымъ осыпямъ и напавъ на стадо, гоняться за нимъ, такъ какъ уллары, обыкновенно, не улетаютъ отъ опасности, а бѣгутъ, и бѣгутъ очень быстро *).

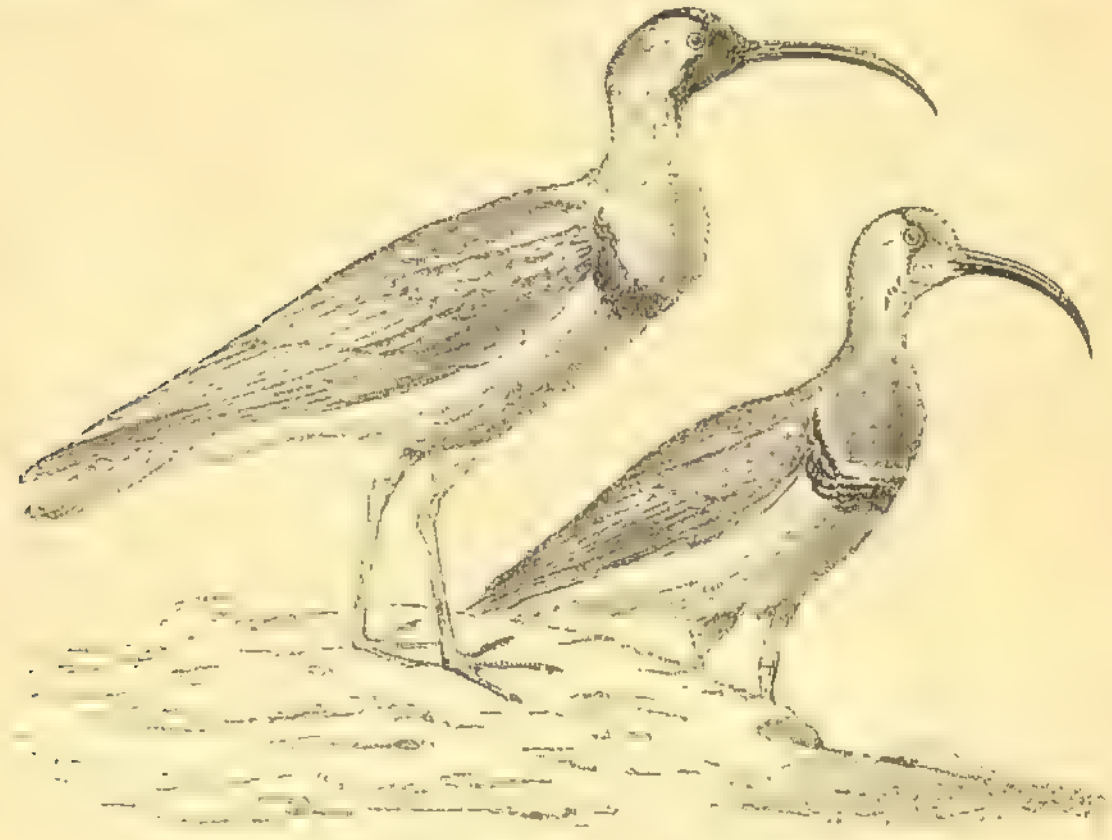
Въ долинѣ Джаныпике путешественники почевали въ аулѣ старшины Атамкула, оказавшаго имъ чисто восточное гостепріимство. Нарочно для нихъ поставлена была кибитка изъ бѣлаго войлока, зарѣзаны два барана и доставленъ большой турсукъ кумыса. Такое угощеніе послѣ утомительнаго перехода было очень пріятно.

Атамкулъ, зажиточный, уважаемый всѣми бій, выглядѣлъ очень бодрымъ, не смотря на свои 70 лѣтъ. Сѣверцовъ подарилъ ему ситцевый халатъ, плису на шаровары и голову сахару. Онъ очень жалѣлъ, что не запасся шелковымъ халатомъ, или по крайней мѣрѣ суконнымъ; но въ данномъ случаѣ и ситцевый оказался очень кстати. Атамкулъ, не смотря на свою зажиточность, явился къ гостю въ старомъ засаленномъ халатѣ.

Подъемъ съ почлега 20-го сентября замедлился охотою на большихъ сѣрыхъ куликовъ изъ породы морскихъ сорокъ, оказавшихся совершенно неизвѣстнымъ до сихъ поръ видомъ и названныхъ Сѣверцовымъ «серпоклювками Кауфмана», въ честь генерала Кауфмана, содѣйствовавшаго снаряженію экспедиціи. Клювъ у этихъ куликовъ длиненъ, тонокъ и загнутъ книзу дугой, что даетъ возможность птицѣ отыскивать насѣкомыхъ и червяковъ, между прибрежными мелкими камнями. Увлекшись охотою, Сѣверцовъ отсталъ отъ транспорта и догналъ его только на привалѣ. Ночь была темная, безлунная, а между тѣмъ приходилось идти дальше и переправляться черезъ быструю горную рѣчку

*) Описаніе охоты на уллара можно найти въ книгѣ «Путешествія Пржевальскаго», Ляпиной, изд. Девріена.

Чиликъ. Для этого надо было подняться версты на двѣ къ тому мѣсту, гдѣ Чиликъ, при выходѣ изъ горъ, разбивается на три рукава. Тутъ его можно было перейти въ бродъ, хотя эти броды далеко не безопасны: они состоятъ изъ множества мелей, по которымъ приходится сновать взадъ и впе-



Серпоклювки Кауфмана (Falcirostra Kaufmanni Sev.).

редъ, отыскивая удобное мѣсто для переправы. Далѣе. Чиликъ сливается въ общее русло и становится уже совершенно непроходимымъ.

Всякому понятно, что такая переправа ночью, на обумъ, не могла быть особенно пріятна. За то съ какою радостью путники привѣтствовали луну, такъ кстати появившуюся изъ облаковъ. Переправа совершилась благополучно, и на другомъ берегу путешественники разбили свой лагерь.

21-го числа экспедиція поднялась на плоскогорье Учь-Мерке, т. е. «три Мерке», названное такъ потому, что его

пересѣкаютъ три рѣчки, послѣдія это имя; на одномъ изъ скалистыхъ выступовъ путники остановились, пораженные чуднымъ ландшафтомъ, раскинувшимся передъ ними. Они находились на обрывѣ, а саженъ на двѣсти подъ нимъ разстилалась долина, на днѣ которой видѣлся киргизскій аулъ. Кибитки походили на карточные домики, а рѣка, шириною въ 5—6 саженъ, казалась не болѣе какъ узкой струйкой воды.

Спустившись въ долину, поросшую барбарисомъ и облѣпихой, путешественники добрались до рѣчекъ Мерке.

Обѣ Мерке текутъ въ ущельяхъ замыкаемыхъ скалистою стѣною, въ трещину которой онѣ и вливаются. Передъ этой преградою ущелье все болѣе и болѣе съуживается, скалы нависаютъ надъ рѣкою и почти закрываютъ небо. Рѣка, прежде бурливная по каменьямъ, здѣсь затихаетъ; вода кажется черною. Въ ущельѣ темно и сыро. Страшно заглянуть въ эту бездну, она производитъ впечатлѣніе входа въ преисподнюю.

По выходѣ изъ ущелья, слившіяся Мерке носятъ уже названіе Чарына.

Перспектива переправы черезъ быструю рѣку, съ полнымъ вѣроятіемъ вымокнуть, не особенно улыбалась Сѣверцову, а потому онъ очень обрадовался, узнавъ отъ одного изъ киргизскихъ проводниковъ, что новыше есть мостъ, по которому можно проѣхать верхомъ. Но Боже, что это былъ за мостъ! Надъ бурнымъ потокомъ были набросаны переплетенныя между собою вѣтви, а на нихъ положенъ дернъ. Но, какъ ни опасенъ казался этотъ мостъ, однако же онъ выдержалъ маленькій караванъ Сѣверцова, хотя и качался, какъ пружинный матрацъ. Такіе мосты устраиваются киргизами для прогона барановъ. Въ половодье они сносятся водою и потомъ устраиваются вновь.

На слѣдующій день транспортъ направленъ былъ на перевалъ Санташъ, ведущій въ долину озера Иссыкъ-куля, а Сѣверцовъ съ казаками отклонился въ сторону для охоты.

Въ долинѣ р. Кегени встрѣтились кочковатыя болотца, называемыя «сазами». Тамъ, по словамъ казаковъ, водились какіе то особые гуси. Но ни гусей, ни другихъ птицъ Сѣверцовъ не встрѣтилъ, а въ болотѣ увязъ, вымокъ и въ концѣ концовъ заблудился. Проплутавъ весь день, онъ только къ вечеру напалъ на свой транспортъ.

Препараторъ Скорняковъ, уѣхавшій въ другую сторону, еще не вернулся и его прождали всю ночь и весь слѣдующій день. Этимъ временемъ Сѣверцовъ снова пытался убить бородача или кумая, примапливая ихъ на падаль: но птицы были осторожны и не дались въ руки.

Бородачи и кумаи сильно досаждаютъ охотникамъ за крупнымъ звѣремъ. Они слѣдятъ за охотниками, чтобы поживиться. Если охотнику удастся убить звѣря такъ, что крылатые разбойники не видятъ, онъ обыкновенно прячетъ его подъ хворостомъ, пока не пріѣдетъ за нимъ на лошади. Если только хищники замѣтятъ добычу, то охотникъ навѣрно останется ни съ чѣмъ: они разроютъ хворостъ и оставятъ одпѣ кости. Охотники разсказываютъ, что птицамъ помогаетъ ихъ вѣрная прислужница сорока. Она подсматриваетъ за охотникомъ и крикомъ указываетъ хищникамъ, гдѣ спрятана добыча.

Отправивъ часть людей отыскивать Скорнякова, Сѣверцовъ направился съ остальными по дорогѣ къ укрѣпленію Аксу. У перевала Санташъ онъ видѣлъ въ ущельѣ огромную груду камней, очевидно навалепныхъ руками человѣка. О камняхъ этихъ сохранилось у мѣстныхъ жителей слѣдующая легенда:

Тамерланъ, отправляясь изъ Центральной Азіи во главѣ громаднаго войска походомъ на Европу, проходилъ по этому

ущелью. Ему пришла въ голову мысль, посмотрѣть, какъ велико его войско. Онъ велѣлъ каждому солдату взять камень и положить въ намѣченное мѣсто. Навалепные камни образовали цѣлый холмъ. Когда онъ, возвращаясь домой съ сильно порѣдѣвшимъ войскомъ, проходилъ опять черезъ тоже ущелье, то велѣлъ каждому изъ солдатъ унести съ холма по камню. Оставшіеся камни обозначаютъ, слѣдовательно, число воиновъ убитыхъ въ походѣ.

Этой легендой объясняется и киргизское названіе этой груды камней и всего ущелья «Санташъ», что значитъ «счетный камень».

За Санташемъ шель перевалъ черезъ хребетъ Кызылъ-Кія, съ котораго открывается великолѣпный видъ на одинъ изъ главныхъ тянь-шаньскихъ хребтовъ Терскей-тау и рѣку Джиргаланъ.

Переправившись черезъ безчисленное множество мелководныхъ рукавовъ Джиргалана, отрядъ направился вдоль подошвы предгорій и поздно вечеромъ, въ совершенной темнотѣ, прибылъ въ укрѣпленіе Аксу.

Аксуйскій постъ былъ учрежденъ въ 1865 году, во время возстанія дунганъ противъ китайцевъ, когда нашу границу тревожили безпокойные кочевники.

Сѣверцовъ нашелъ постъ уже порядочно обстроеннымъ. Дунгане, бѣжавшіе въ окрестности Иссыкъ-куля отъ преслѣдованія китайцевъ, приняли въ 70-хъ годахъ русское подданство, основались въ Иссыкъ-кульскомъ уѣздѣ и въ настоящее время живутъ здѣсь припѣваючи. Они отличаются трудолюбіемъ, трезвостью и образцовой честностью. Самая симпатичная черта дунганъ — это ихъ сильно развитая общественность: всѣ за одного и одинъ за всѣхъ. Благодаря такой взаимной помощи среди дунганъ почти нѣтъ нищихъ *).

*) «Туркестанскія Вѣдомости» 1893 г., май.

Въ Аксу Сѣверцова уже ждали. Ему была приготовлена въ опрятномъ домикѣ въ три комнаты довольно сносная квартира. Здѣсь, къ великому удовольствію своему, онъ засталъ препаратора Скорнякова, который, проплутавъ двое сутокъ, благополучно добрался до Аксу.

Дунгане.

26-го пришелъ транспортъ и привезъ богатую добычу. На Санташѣ убита была горная коза съ рогами, раздвоенными на концѣ и великолѣпный маралъ. Звѣрь былъ такъ великъ, что лучшій въ транспортѣ верблюдъ едва могъ свезти его. Вожаку надо было поддерживать свѣсившіяся ноги и голову животнаго и подгонять верблюда. Вообще, пройденный путь оказался богатъ зоологическимъ сборомъ.

Аксуйскій постъ, который въ настоящее время превратился въ Аксуйскую казачью станицу, лежитъ уже въ долинѣ озера Иссыкъ-куль, въ 25 верстахъ отъ озера. Надъ самымъ селеніемъ поднимаются высокіе отроги хребта Терскей-тау. Здѣсь неподалеку въ ущельи находятся два теплыхъ ключа, почитавшихся киргизами священными. Въ настоящее время на одномъ изъ нихъ устроена водолечебница, во времена же Сѣверцова здѣсь

Теплые ключи Алма-арассанъ.

были еще развѣшаны подлѣ ключа рога оленей и барановъ, обрывки яркихъ, цвѣтныхъ матерій, побрякушки — приношенія суевѣрныхъ киргизовъ духу водъ.

Всѣ окрестности Иссыкъ-куля богаты звѣрями, которые составляютъ весьма выгодный промыселъ киргизовъ и семирѣченскихъ казаковъ. Въ числѣ звѣрей встрѣчается особой породы красный горный волкъ, который по длинному хвосту и невысокимъ ногамъ походитъ на лисицу. Этотъ волкъ любитъ лакомиться стадами киргизовъ, но при томъ такъ осторожепъ, что почти никогда не попадается. Водятся также кабаны и заходятъ изрѣдка тигры.

Воды Иссыкъ-куля кишатъ рыбою. Сазаны въ маѣ мѣсяцѣ идутъ въ такомъ количествѣ, что ихъ съ берега зацѣпляютъ баграми. Виды рыбъ немногочисленны — крупныхъ всего четыре. Водится, между прочимъ, совершенно своеобразная рыба, называемая маринкой. Она нѣсколько похожа на форель, но икра ея ядовита и производитъ рвоту. Водится здѣсь въ быстрыхъ рѣчкахъ и еще одна интересная рыба, которую мѣстныя жители окрестили османомъ. Она бѣлая, съ крупными черными пятнами и ловитъ се чрезвычайно легко: казаки умудряются вылавливать ее прямо руками. Иногда она поднимается по арыкамъ и попадаетъ въ мелкія канавки на пашняхъ. Тутъ ее приходится уже не ловить, а прямо подбирать на супѣ.

Вообще, весь Семирѣченскій край можетъ считаться охотничьимъ раемъ. Для штуцерной охоты тутъ есть тигръ. барсъ, медвѣдь, аркаръ, маралъ, дикія козы. Для ружейной: фазаны, уллары, зайцы, перелетная водяная и болотная дичь. Звѣри и птицы еще не пугаются и потому охота эта очень легка. Самолюбивому охотнику эта легкость наживы можетъ, пожалуй, даже и не понравиться: нѣтъ случая пощеголять своимъ искусствомъ. Ненужны и дрессированныя собаки: заряжай и бей; вотъ все, что требуется.

Семирѣченскіе казаки не нахвалятся окрестностями Иссыкъ-куля: воды, лѣса, дичи, звѣрей и рыбы — всего здѣсь вдоволь. Хороши также пастбища и сѣнокосы. Луга у подножья горъ богатѣйшіе. Лѣтомъ они покрываются роскошнымъ ковромъ цвѣтовъ. Потому и пчеловодство, начавшееся здѣсь съ приходомъ русскихъ, прекрасно привилось, сдѣлалось любимымъ занятіемъ жителей и приноситъ имъ довольно большія выгоды.

II. Отъ Аксу до перевала Барскоунъ.

Въ Аксу Сѣверцовъ получилъ конвой изъ 40 казаковъ и 40 пѣхотныхъ стрѣлковъ на случай враждебной встрѣчи съ укрывавшимися на Нарынѣ киргизскими бунтовщиками. Пѣхоту предполагалось посадить на лошадей, которыхъ взялись доставить въ барскоунское ущелье кара-киргизскіе старшины изъ рода Богу: Арзаматъ и Атабекъ. Они и сами шли въ походъ затѣмъ, чтобъ осмотрѣть свои кочевья на нарынскомъ Сыргу, откуда они были вытѣснены сары-багишами.

Выступленіе назначено было на 29 сентября; но передъ этимъ шелъ втеченіе нѣсколькихъ дней дождь, который въ горахъ превращался въ снѣгъ, что можно было видѣть простымъ глазомъ. Сѣверцова пугали невозможностью проникнуть на Нарынъ въ позднюю осень, ярко разрисовывали опасности, сопряженныя съ этимъ путешествіемъ. Но для сильныхъ натуръ препятствія тоже, что масло для огня: они разжигаютъ. Сѣверцовъ сказалъ, что пойдетъ, и пошелъ.

Экспедиція двинулась на юго-западъ по направленію къ Иссыкъ-кулю. На югѣ высился хребетъ Терскей-Алатау, скрывавшій за собою ту неизвѣданную страну, куда стремился Сѣверцовъ.

Озеро Иссыкъ-куль близъ города Пржевальска.

Съ каждымъ шагомъ лошадей хребетъ вырисовывался яснѣе и яснѣе. Въ эту сторону горы спускались обрывами, исполосованными горизонтальными линіями. Казалось, какъ будто воды какого-то доисторическаго моря достигали почти вершины этого кряжа и, понижаясь мало по малу, промыли эти параллельныя полосы. Лучи солнца, падавшіе на обрывъ, рѣзко обозначали на немъ темносинія тѣни поперечныхъ трещинъ. Сверкали серебристыя полосы снѣговъ въ ложбинкахъ, и особенно ярко выступали на темномъ фонѣ охристые, темно-желтые пласты каменныхъ породъ.

Съ другой стороны появилась вдали обширная водная поверхность Иссыкъ-куля. Былъ пасмурный осенній день, моросилъ дождикъ, и озеро имѣло стально-сѣрый цвѣтъ; противоположный же, гористый берегъ его былъ сплошь укутанъ тучами, вверху и густымъ туманомъ, внизу.

Не таковъ Иссыкъ-куль въ ясную, лѣтнюю погоду. Тогда онъ представляетъ изъ себя дивное зрѣлище, которое никогда не изгладится изъ памяти того, кто его хоть разъ видѣлъ.

Особенно красивый ландшафтъ развертывается въ восточной оконечности озера, съ окрестностей того мѣста, гдѣ похороненъ нынѣ нашъ великій путешественникъ по Центральной Азіи Н. М. Пржевальскій.

Здѣсь съ высоты крутого обрыва, спускающагося къ озеру, все озеро видно какъ на ладони. Оно уходитъ въ безграничную даль и сливается на горизонтѣ съ небосклономъ.

Неудивительно, что конца озера не видно: оно простирается на 180 верстъ,—не даромъ окрестные жители зовутъ его моремъ.

Вода озера чуднаго бирюзоваго или ультрамаринноваго цвѣта, и по яркости и свѣжести окраски соперничаетъ съ раскидывающимся надъ нею темно-синимъ южнымъ небомъ.

Но красивѣе всего берега озера. По сѣверному берегу тянется непрерывная цѣпь массивныхъ горныхъ вершинъ хребта

Кунгей-Алатау, увѣнчанныхъ снѣгами. Онѣ какъ бы смотрятся въ зеркальныя воды озера и подобно водной поверхности его исчезаютъ вдали, подергиваясь легкой, голубоватой дымкой. Такая же, но еще болѣе массивная, еще болѣе богатая снѣгами цѣпь тянется и по лѣвому берегу озера. Это

Н. М. Пржевальскій.

Терскей-Алатау, что значитъ „отвернувшіяся горы“ — такъ его назвали киргизы потому, что склонъ его, обращенный на сѣверъ, какъ бы отвернулся отъ солнца.

Снѣжныя вершины Терскея блещутъ менѣе ослѣпительно, самъ хребетъ кажется темнѣе и мрачнѣе, онъ чаще закутанъ въ тучи и водамъ озера, отражающимъ его, даетъ болѣе темный оттѣнокъ.

Дивный контрастъ съ лазурной поверхностью озера и величественными цѣпями горъ, окружающихъ его, представляетъ

берегъ озера у подножія обрыва. Здѣсь раскинулось у самой воды нѣсколько домиковъ, тонущихъ въ садахъ. Ихъ крыши привѣтливо выглядываютъ изъ темной зелени и напоминаютъ о присутствіи человѣка и на этой далекой окраинѣ.

Сѣверцову удалось видѣть озеро во всей его красѣ лишь нѣсколько позже, теперь же оно было мрачно и печально.

Пройдя отъ Аксу верстъ 25, экспедиція остановилась на берегу рѣки Караколъ *) и разбила 10 кошей для ночлега.

Погода и на слѣдующій день не измѣнилась къ лучшему: дулъ сильный вѣтеръ и накрапывалъ дождь.

Климатъ въ долинѣ Иссыкъ-куля вообще влаженъ, вслѣдствіе большой высоты долины и близости горъ. Въ то же время онъ гораздо болѣе умѣренъ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Туркестана.

Зима начинается въ концѣ ноября и морозы свыше 20° очень рѣдки. Озеро никогда не замерзаетъ, почему и называется Иссыкъ-куль — «теплое озеро». Монгольское его названіе: Темурту-норъ — «желѣзное озеро», — отъ желѣзной руды, находимой въ устьяхъ рѣчекъ въ видѣ скопленія чернаго шлиха т. е. желѣзнаго блеска.

Немножко дальше, на рѣчкѣ Заукѣ, Сѣверцовъ встрѣтилъ перваго русскаго піонера, крестьянскаго парня, который пришелъ по порученію своихъ односельчанъ изъ одной изъ внутреннихъ губерній высмотрѣть землю для поселенія. Парень походилъ по Семирѣчью и остановился на Иссыкъ-кулѣ, гдѣ жилъ второй годъ, наживая деньгу. Придя безъ гроша, онъ работалъ сначала на Аксуйскомъ посту; потомъ, скопивъ деньгу, устроилъ мельницу, сталъ скупать зерно и продавать муку, что доставило ему возможность обстроиться. Затѣмъ онъ сталъ

*) На этой рѣчкѣ возникъ впослѣдствіи уѣздный городъ Караколъ, который недавно былъ переименованъ въ Пржевальскъ, въ память скончавшагося въ немъ Н. М. Пржевальскаго.

арендовать киргизскія пашни за извѣстную долю урожая и зажилъ припѣваючи.

Съ легкой руки этого парня, край сталъ быстро заселяться русскими. Въ 1867 г. генералъ Кауфманъ встрѣтилъ въ Вѣрномъ сотни двѣ русскихъ мужиковъ, желавшихъ поселиться на Иссыкъ-кулѣ, а въ слѣдующемъ году ихъ было уже нѣсколько сотъ и начинали устраиваться поселенія.

Въ настоящее время мы находимъ на восточной окопечности озера уже четыре большія и богатыя села и нѣсколько болѣе мелкихъ поселеній.

Крестьяне живутъ домовито. Земли у нихъ вдоволь, урожаи хорошіе, скотъ дешевъ и разводить его прибыльно. Пришлось, правда, привыкать къ новому способу хозяйства — къ орошенію полей арыками и къ другимъ мѣстнымъ пріемамъ, но русскій крестьянинъ вообще легко примѣняется къ разнымъ обстоятельствамъ, примѣнился онъ и къ условіямъ жизни на Иссыкъ-кулѣ. Учителями его были туземные хлѣбопашцы — тарапчи и дунгане. Отъ нихъ онъ многому попаучился.

По берегамъ рѣчки Зауки, сбѣгающей съ Терскей-Алатау и прорывшей себѣ въ немъ глубокое ущелье, путешественники нашли камышевыя заросли, въ которыхъ водилось много фазановъ и кабановъ. Фазаны выбѣгали кормиться ягодами облѣпихи, но едва охотникъ успѣвалъ поднять ружье, какъ они уже прятались въ камышахъ и упорно не показывались. Однако все же удалось убить ихъ съ десятокъ. Птицы были очень красивы: красно-золотистыя, съ черными бархатными поперечными полосами, зелеными и пурпуровыми переливами цвѣта на спинѣ, съ бѣлымъ ошейникомъ и бѣловатыми крыльями.

Съ Зауки отрядъ выступилъ 1 октября и въ тотъ же день почевалъ на берегу рѣки Барскоуна, а на слѣдующій день сталъ подниматься къ устьямъ притоковъ этой рѣки—рѣчекъ Денгереме и Керегетаса.

Подъемъ былъ очень живописенъ. Шли по узкому ущелью между стѣнами сѣраго, розоваго, зеленаго и чернаго камня. Зубчатыя вершины, разнообразнѣйшіе выступы и крутые мысы поразительно походили на колоссальные контрфорсы гигантскихъ укрѣпленій. Въ иныхъ мѣстахъ эти стѣны прерывались боковыми долинами съ густой порослью вѣковыхъ елей, среди которыхъ шумно бѣжали ручьи, низвергаясь внизъ водопадами.

Таранча.

Такія же фантастическія скалы, похожія на развалины друидическихъ памятниковъ, нагромождены въ долинѣ Барскоупа, и рѣка сердито реветъ и пѣнится, перескакивая черезъ эти преграды. Вдругъ, неожиданно, дикій видъ ущелья мѣняетъ характеръ: появляются обширныя луговины, по которымъ тотъ же самый Барскоунъ, опоясанный елями, спокойно катитъ свои воды, сверкая на солнцѣ. Такая быстрая смѣна пейзажей чрезвычайно сильно дѣйствуетъ на воображеніе.

Болѣе строгой, даже суровой, но все же величественной красотой отличается широкая поляна у устьевъ Депгереме и Керегетаса. Со всѣхъ сторонъ обступаютъ ее снѣговыя вершины; онѣ не возносятся высокими острокопечными пиками къ небесамъ, а раскидываются въ видѣ обширныхъ бѣлыхъ шатровъ и подавляютъ своею массивностью. Здѣсь нужно было запастись дровами, такъ какъ, по словамъ киргизовъ, до са-

маго Нарына предстоялъ недостатокъ въ топливѣ. Благодаря тому, что многіе верблюды были освобождены въ Аксу отъ поклажи, явилась возможность нагрузить ихъ порядочнымъ запасомъ дровъ.

Переправа верблюдовъ черезъ Барскоунъ сопровождалась большими хлопотами. Люди вошли въ воду и тянули ихъ веревками; другіе подталкивали сзади. Жаль было смотрѣть, какъ мучили несчастныхъ животныхъ. Наконецъ, переправа совершилась, и экспедиція пошла далѣе.

III. На Верхне-Нарынскомъ Сыртѣ.

Поднимаясь на Барскоунскій перевалъ, Сѣверцовъ понадѣялся на теплую погоду и одѣлся довольно легко. Но скоро снѣговыя вершины закрылись облаками и путешественники вступили въ полосу тумановъ съ мелкою изморозью. По временамъ изморозь превращалась въ колючій снѣгъ, который больно рѣзалъ лицо. Пришлось прибѣгнуть къ теплому платью. Еще выше началась настоящая метель.

Наконецъ, послѣ труднаго двухдневнаго пути путешественники вышли на Сыртъ — обширное горное плато, поднимающееся на 12.000 футъ надъ уровнемъ моря. Было такъ холодно, что приходилось слѣзать съ лошади и бѣжать пѣшкомъ, чтобы согрѣться. Когда перевалили на другую сторону, то были уже сумерки. Какъ ни спѣшили, а все таки захватили ночи. Ѣхали увалъ за уваломъ, лощина за лощиной, переѣзжали глубокіе овраги съ ручьями, спускались по косогорамъ, карабкались по крутизнамъ.

Ночная поѣздка казалась безконечной, хотя съ заката солнца ѣхали только три часа и проѣхали не болѣе десяти верстъ. Наконецъ, взошелъ мѣсяцъ какъ разъ въ то время, когда дорога пошла опять въ гору. Поднявшись, увидали вдали

огонекъ, похожій на звѣздочку. Это были сопровождавшіе экспедицію киргизы, уѣхавшіе впередъ и разбившіе лагерь у маленькаго незамерзшаго озера.

Не разъ скрывался огонекъ за горами и выступами скалъ и появлялся вновь, радуя взоръ. Издали видно было, какъ звѣзды отражались въ озерѣ. Наконецъ, усталые путники обогнули послѣдній утесъ и очутились въ лагерѣ. Метель и стужа были забыты при радостномъ сознаніи, что удалось достигнуть мѣстности, которую только издали видѣлъ первый изслѣдователь Тянь-Шаня П. П. Семеновъ. Нога европейца не ступала еще сюда.

Обогрѣвшись, Сѣверцовъ пошелъ въ одинъ изъ кошей посмотрѣть убитаго по дорогѣ медвѣдя. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить это животное въ такихъ безлѣсныхъ мѣстахъ. Медвѣдь оказался небольшимъ, съ бѣлыми когтями, съ очень свѣтлой шерстью и съ короткой мордой. Это совершенно особый видъ, водящійся исключительно на Тянь-Шани.

Медвѣдя увидали на склонѣ холма, рывшагося въ землѣ. Замѣтивъ людей, онъ побѣжалъ черезъ увалы. Къ мѣсту, гдѣ онъ рылся, подъѣхалъ Скорняковъ и увидалъ раскопанныя норы цѣлой колоніи сурковъ, которыми медвѣдь и лакомился. Мишенька производилъ эту операцію не какъ-нибудь, зря, а съ разсчетомъ: отыскавъ цѣлую колонію сурковъ, онъ выкапывалъ ихъ и перегрызалъ имъ затылокъ, что причиняло мгновенную смерть. Умертвивъ такимъ образомъ цѣлое поселеніе, медвѣдь принимался за трапезу, и пакушавшись, остальное зарывалъ въ землю, чтобъ возвратиться въ эту кладовую въ случаѣ голода. Сѣверцовъ полагаетъ, что медвѣдь не живетъ на Сырту, а приходитъ туда поздней осенью, когда заспутъ сурки.

За медвѣдемъ погнался кара-киргизъ съ фитильной винтовкой. Онъ на скаку выстрѣлилъ и, ранивъ медвѣдя, замедлилъ ему ходъ. Зарядивъ ружье, онять выстрѣлилъ, и только третья пуля уложила звѣря. Чтобъ оцѣнить этотъ охотничій подвигъ

по достоинству, надо принять во вниманіе, что фитильное ружье не то что пистонное, которое приложишь къ плечу и готово. Чтобъ зарядить фитильное ружье, нужно кремнемъ и огнивомъ высѣчь огня на фитиль и вправить фитиль такъ, чтобы онъ попалъ на полку съ порохомъ. И все это дѣлается на скаку. Впослѣдствіи Сѣверцову довелось видѣть, какъ тотъ же самый кара-киргизъ однимъ выстрѣломъ убилъ лисицу.

Сурки.

За медвѣдя удалой охотникъ получилъ полуимперіалъ и ситцу на халатъ, а медвѣжьимъ жаркимъ поужинали члены экспедиціи и нашли его очень вкуснымъ. Слой жира у звѣря былъ также толстъ, какъ у доброй откормленной свиньи.

6-го октября экспедиція достигла рѣки Нарына и стала спускаться вдоль нея; здѣсь уже не было снѣга, хотя мѣстность находилась болѣе чѣмъ на 11.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Чрезвычайно удивленъ былъ Сѣверцовъ, встрѣтивъ здѣсь кабановъ, которыхъ и убито было три штуки. Одинъ изъ нихъ вѣсилъ 12 пудовъ. Верстъ 10—15 ниже, началъ попадаться стелющійся можжевельникъ, дальше пошли ели, сперва низкорослыя, потомъ выше и выше. Близъ верхняго предѣла мож-

жевельника, въ долинѣ, путешественники наткнулись на древній памятникъ, вытесанный изъ цѣльнаго камня въ видѣ четырехъугольнаго столба съ подобіемъ человѣческой головы наверху; столбъ этотъ сильно напоминалъ тѣхъ каменныхъ бабъ, которыя такъ часто находятся у насъ на югѣ Россіи и считаются произведеніями древнихъ скифовъ. Происхожденія этого памятника киргизы объяснить не могли.

Увидавъ травянистую площадку, на сѣверномъ берегу Нарына, экспедиція сдѣлала привалъ. На противоположномъ берегу высились черныя скалы Кызылъ-Курума, о которыя съ шумомъ плескался Нарынъ. Дальше Кызылъ-Курумъ подходилъ съ обѣихъ сторонъ къ рѣкѣ, и она текла въ узкой трещинѣ, съ шумомъ и грохотомъ перескакивая черезъ камни; сплошной порогъ представляла рѣка вплоть до того мѣста, гдѣ, приливъ въ себя Малый Нарынъ, разливалась вширь и текла спокойно.

Собираясь идти на Атпашу, чтобъ нанести на карту верховья рѣкъ Атпаши, Нарына и Аксая, Сѣверцовъ сдѣлалъ распоряженіе нарубить лѣсу, чтобъ запастись топливомъ. Но киргизъ-проводникъ Атабекъ, узнавъ объ этомъ намѣреніи, оказалъ рѣшительное сопротивленіе. На Атпашѣ была зимовка Умбетъ-Алы, верховнаго манапа (правителя) кара-киргизскаго рода сары-багишей, отложившагося отъ русскихъ съ пятью тысячами кибитокъ. Этой то причинѣ и приписалъ Сѣверцовъ сопротивленіе Атабека. Но на этотъ разъ онъ ошибся. Не говоря уже о томъ, что Атабекъ былъ самъ храбрый батырь и не боялся Умбетъ-Алы, онъ твердо вѣрилъ въ силу русскихъ, и, хотя отрядъ Сѣверцова былъ и не великъ, но обаяніе русскаго имени было велико. Недавно еще 40 стрѣлковъ поручика Зубарева отразили три тысячи лучшихъ джигитовъ Умбетъ-Алы. У Атабека былъ разсчетъ другого рода: ему, какъ богинскому старшинѣ, хотѣлось идти на рѣку Малый Нарынъ, чтобъ заставить возвратиться въ свою волость часть киргизовъ-

богинцевъ*), отдѣлившихся отъ прочихъ сородичей и приставшихъ къ сары-багишамъ.

Съ хитростью, свойственной азіатамъ, Атабекъ не обнаруживалъ однако своихъ мыслей, и Сѣверцовъ угадалъ ихъ лишь впослѣдствіи. Атабекъ былъ красивый мущина атлетическаго сложенія, лѣтъ сорока на видъ, сильный и ловкій, лихой наѣздникъ и искусный охотникъ. Къ сожалѣнію, онъ былъ спѣсивъ и жаденъ, и подвластные ему аулы его не любили. Онъ всячески старался привлечь Сѣверцова на Малый Нарынъ, соблазнялъ его охотою на тигровъ и кабановъ. Убѣдившись, что попытки его безполезны, онъ пробовалъ съ подчиненными ему киргизами уклониться въ сторону, но Сѣверцовъ зорко слѣдилъ за отрядомъ и никого не отпускалъ ни подъ какимъ предлогомъ.

Кумай (Gyps nivicola).

8-го октября, на дневкѣ у р. Улапа, Сѣверцову удалось наконецъ добыть кумая, охота за которымъ была до тѣхъ поръ безуспѣшна. Въ ущельѣ Улапа выложена была приманка изъ остатковъ кабана, и лучшіе стрѣлки — казаки Катанаевъ и Гутовъ отправились въ засаду. Изъ лагеря видно было какъ кумаи кружились надъ приманкой, не рѣшаясь спуститься. Гутовъ сдѣлалъ загородку вблизи приманки и усѣлся за нею, чтобы привлечь на себя вниманіе птицъ. Катанаевъ

*) Каракиргизскій родъ, враждовавшій съ сары-багишами.

спрятался подъ нависшей надъ Уланомъ низкой скалой и, пока птицы летали надъ его товарищемъ, непримѣтно заползъ въ засаду и направилъ на птицъ винтовку. Раздался выстрѣлъ. Первому спустившемуся ниже кумаю пуля перебила крыло; онъ упалъ и торжественно былъ принесенъ въ лагерь. Это былъ великолѣпный экземпляръ, едва-ли уступавшій ростомъ крупному кондору Южной Америки.

Среди снѣговъ въ горахъ.

9-го октября отрядъ перешелъ Нарынъ въ бродъ и направился вверхъ по рѣкѣ Улану. «Не пройти тамъ», говорили киргизы; «въ ущельяхъ лежитъ глубокій снѣгъ». Но Сѣверцовъ имъ не повѣрилъ, тѣмъ болѣе, что нигдѣ не видно было и признаковъ снѣга. Онъ приписалъ всѣ эти росказни нежеланію киргизовъ идти на Атпашу. Оказалось, что проводники просто не знали дороги и пришлось идти наугадъ.

IV. Атпаша и Аксай.

Переваливъ черезъ хребетъ, изъ котораго беретъ начало рѣка Уланъ, путешественники очутились на краю пропасти, дна которой не было видно. По краю ея шла узкая тропинка, протоптанная въ глинѣ. Горныя лошадки ловко пробирались по ней, а неуклюжіе верблюды еле тащились, осторожно передвигая ноги. Одинъ скатился въ пропасть и погибъ. Тогда другихъ пришлось свести внизъ, что заняло очень много времени.

До Атпаши добрались благополучно, враждебныхъ ауловъ не встрѣтили; видѣли только слѣды лошадей. Когда первая ночь и вторая прошли мирно, Атабекъ вообразилъ, что Умбетъ-Ала боится русскихъ, и предложилъ напасть на его аулы и угнать скотъ, пока онъ самъ не успѣлъ еще собраться съ силами. Когда Сѣверцовъ объявилъ, что его цѣли не воинственныя, а научныя, и что онъ не интересуется Умбетъ-Алой, а идетъ на Аксай, всѣ физіономіи вытянулись. Атабекъ опять принялся за старую пѣсню, что Аксай непроходимъ и т. п., но Сѣверцовъ уже зналъ чего стоятъ эти басни и велѣлъ запасаться топливомъ, чтобъ идти на Аксай.

Въ долинѣ Кокъ-Кія, у рѣчки того же имени, казаку Катапаеву удалось убить дикаго барана, по мѣстному «качкара». Это было очень цѣнное пріобрѣтеніе для коллекціи. Мясо животнаго, по вкусу нѣчто среднее между бараниной и олениной, доставило прекрасное жаркое. Своеобразные пріемы казаковъ въ охотѣ за дикимъ звѣремъ заслуживаютъ описанія. Казаки почти всегда охотятся вдвоемъ, причемъ одинъ охотникъ старательно прячется, а другой играетъ роль загонщика, заскакиваетъ передъ звѣремъ и заставляетъ

его повернуть назадъ, т. е. въ сторону спрятавшагося охотника. Этотъ послѣдній выжидаетъ момента, когда животное появится на разстояніи выстрѣла, моментально соскакиваетъ съ лошади, кладетъ винтовку на сошки *) и стрѣляетъ почти безъ промаха.

15-го октября была прекрасная ясная погода и Сѣверцовъ съ высотъ Кокъ-Кія срисовалъ окрестную мѣстность; снѣгъ покрывалъ всю долину Аксая и притоки рѣки, бѣжавшіе между побѣлѣвшими островами, казались синими, почти черными лентами. Вдали виднѣлось ущелье, въ которое стремился Аксай и снѣговой хребетъ, запирающій это ущелье.

Набросавъ контуры, Сѣверцовъ принялся раскрашивать ихъ акварелью. Было такъ холодно, что краска мерзла на кисти; приходилось оттаивать ее дыханіемъ. Пузырекъ съ водой для обмакиванія кисти нужно было держать за пазухой.

Пикъ Босъ-Адыръ то появлялся, то заволакивался облаками. Скоро облака эти сомкнулись въ тучи и совершенно закрыли горы. Спускаясь къ Аксаю, отрядъ нѣсколько разъ то выѣзжалъ изъ облаковъ и видѣлъ надъ собою голубое небо, то снова погружался въ облака. На Аксаѣ все небо заволоклось; подулъ рѣзкій вѣтеръ и закрутилась метель. Въ борьбѣ съ вѣтромъ и метелью путники переправились черезъ рѣку и въ лощинѣ, защищенной горами, разбили лагерь. Въ ночь метель усилилась и продолжалась весь слѣдующій день. Двигаться впередъ не было возможности, и Сѣверцовъ занялся разборомъ коллекцій. Казаки не побоялись метели и отправились, одни на охоту, другіе на рыбную ловлю. Первыя убили еще качкара, вторые наловили въ Аксаѣ рыбъ, которыя тоже поступили въ коллекцію.

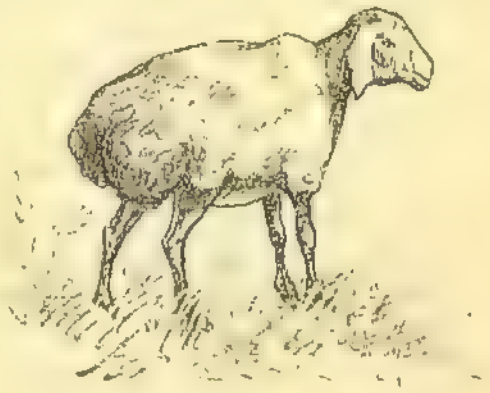
*) Подставка для прежнихъ длинныхъ ружей.

Качкара охотники настигли въ лощинѣ, гдѣ онъ пасся въ сторонѣ отъ своего стада. Охотники подкрались къ нему противъ вѣтра и одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ. Пуля повредила звѣрю заднюю ногу. Бѣжать ему было трудно и раненое животное часто останавливалось, что и дало возмож-

Качкаръ (Ovis Polii).

ность его добить. Пуля, засѣвшая во внутренностяхъ, не остановила его. Затѣмъ двѣ пули попали въ рога. Ударъ, вѣроятно, оглушалъ его или производилъ сотрясеніе мозга, такъ какъ звѣрь падалъ на минуту, но потомъ вскакивалъ и бѣжалъ далѣе. Крѣпость и упругость роговой ткани у качкара замѣчательна. Одна пуля сплющилась и отскочила, оставивъ на рогѣ широкое свинцовое пятно, свидѣтельствовавшее о силѣ удара. Другая, тоже сплющенная, немного вдавилась, но при перевозкѣ убитаго животнаго вывалилась, а

отъ впадины не осталось и слѣда; роговая ткань выпрямилась. Не убила звѣря и пятая, пробившая легкія; онъ все бѣжалъ. Положила его наконецъ шестая, попавшая въ сердце. По разсчету казаковъ, они гнали качкара верстъ десять, и послѣднія три онъ бѣжалъ съ двумя смертельными ранами. Качкаръ вѣсилъ 18 пудовъ, и верблюдъ едва стащилъ его, также какъ марала съ Санташа. По снятіи шкуры оказалось, что черепные швы еще не вполнѣ срослись, изъ чего можно было заключить, что животному не болѣе двухъ лѣтъ.



Курдючная овца.

По внѣшнему своему виду качкары, или аркары, какъ ихъ еще называютъ, сильно напоминаютъ домашнихъ барановъ, но они гораздо сильнѣе и больше ихъ. Ихъ громадные завитые рога вѣсятъ иногда болѣе пуда и уже для того только, чтобы носить ихъ, надо обладать значительною силою. Животное же, несмотря на свое тяжеловѣсное украшеніе, легко перепрыгиваетъ пропасти и разсѣлины между скалами.

Есть основанія предполагать, что нашъ домашній баранъ, а особенно киргизская порода съ большими курдюками, произошли отъ приученія если не самихъ качкаровъ, то во всякомъ случаѣ животныхъ родственныхъ имъ.

Подобно обыкновеннымъ барапамъ, качкары очень воинственны, и драки ихъ другъ съ другомъ не рѣдки. Самый обыкновенный пріемъ борьбы состоитъ въ томъ, чтобы столкнуть соперника рогами со скалы, что обыкновенно и удается сильнѣйшему. Такія драки много способствуютъ улучшенію породы. Остаются въ живыхъ самыя сильныя и ловкія особи, которыя передаютъ потомству свои могучія мышцы, пружин-

ныя ноги, и огромные рога—вообще свойства необходимыя для того, чтобы скрываться отъ враговъ, прыгая по утесамъ, и пользоваться самыми неприступными горными пастбищами. По словамъ казаковъ, горный баранъ, прыгая внизъ, ударяется сперва рогами, а потомъ уже становится на ноги, что служитъ, будто-бы, средствомъ не поломать ноги; но Сѣверцовъ думаетъ, что это не такъ; если баранъ и падаетъ головой внизъ, то потому, что при прыжкѣ, центръ тяжести перемѣщается въ голову.

16-го метель стала утихать. Показались перелетныя птицы. Увидавъ ихъ, урядникъ Гордѣевъ отправился на охоту, и неожиданно напалъ на стадо «тэковъ» — великолѣпныхъ горныхъ козловъ. Тэки укрывались отъ метели на днѣ ущелья, куда не достигалъ снѣгъ, переносимый вѣтромъ черезъ эту глубокую трещину. Примѣтивъ человѣка, тэки не торопясь стали взбираться на утесъ. Тутъ были и самки, и молодые, и два длиннобородыхъ старыхъ козла, съ гигантскими рогами, концы которыхъ, загнутые назадъ, кончались почти на линіи хвоста. Тэки по временамъ останавливались и съ любопытствомъ посматривали на невиданнаго звѣря — человѣка. Къ сожалѣнію стрѣлять было нечѣмъ; урядникъ взялъ съ собою только дробь. Онъ поскакалъ въ лагерь за пулями, но животныя, разумѣется, не стали его дожидаться; когда онъ вернулся, ихъ и слѣдъ простылъ.

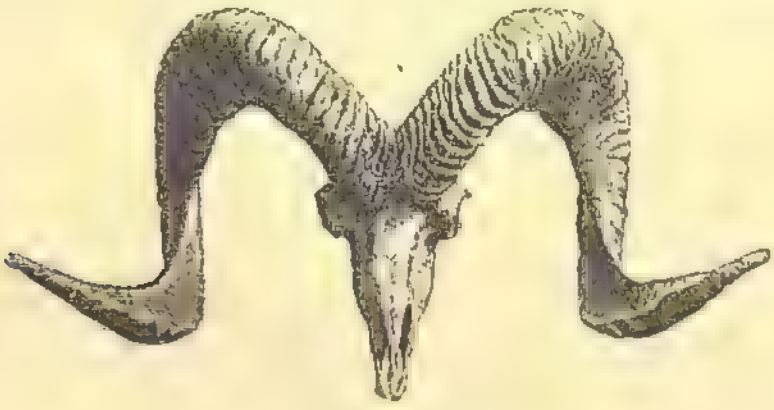
Мясо молодыхъ тэковъ очень вкусно; но мясо старыхъ, также какъ и домашнихъ козловъ, имѣетъ дурной запахъ и въ пищу не годится.

17-го отрядъ двинулся въ обратный путь. Въ послѣдній разъ оглянулся Сѣверцовъ на Аксай, на великолѣпные пики Кокъ-Кія и жаль ему стало разставаться съ ними, не поднявшись къ ихъ загадочному озеру, не посмотрѣвъ съ края Сырта на спускъ къ Кашгару. Но только что

окончившаяся метель, предвѣстница зимы, напомнила, что пора возвращаться домой, въ укрѣпленіе, пока еще не занесены снѣгомъ Тянь-Шаньскіе перевалы.

V. Въ долинѣ Чонъ-бурунды.

Возвращаясь назадъ, экспедиція снова пришла къ Атпашѣ, но уже въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь рѣка врывается въ узкое ущелье саженъ въ сто глубины и скачетъ порогомъ съ паденіемъ болѣе 500 саженъ на пятиверстномъ разстояніи. Одинъ



Рога качкара.

изъ верблюдовъ сорвался и полетѣлъ внизъ, ломая верхушки и сучья нависшихъ надъ пропастью елей. Продолжительное паденіе его свидѣтельствовало о глубинѣ пропасти, на днѣ которой вѣковыя ели казались молодой порослью. Верблюдъ везъ кухню и естественно было предположить, что отъ нея остались только обломки. Нѣсколько казаковъ рѣшились спуститься въ пропасть, и что же оказалось? Все уцѣлѣло, исключая одного котла. Ели, задерживая паденіе верблюда, предохранили его вьюкъ отъ сильныхъ ударовъ. Но несчастное животное поплатилось жизнью.

Верстахъ въ 60-ти отъ мѣста сліянія Атпаши съ Каракоппомъ, въ долинѣ Чонъ-бурунды, путешественники увидали

слѣды многочисленныхъ стадъ домашняго скота. Всѣ они шли въ одномъ направленіи, но ауловъ не было видно. Сѣверцовъ зналъ привычку кара-киргизовъ относить аулы въ сторону отъ дороги, и будь это въ другомъ мѣстѣ, онъ не удивился бы. Но здѣсь именно должна была находиться кочевка Умбетъ-Алы и можно было опасаться засады и нападенія. Однако, ничего подобнаго не случилось. Сѣверцовъ, изслѣдовавъ окрестности Атпаши, повернулъ 19 октября на Нарынъ, къ бывшему китайскому мосту.

«Я былъ при самомъ выходѣ Атпаши въ Нарынъ, пишетъ Сѣверцовъ. Это такая картина, которую трудно описать. Гора въ нѣсколько сотъ саженъ высоты прорѣзана щелью аршина въ два. Въ ней-то и течетъ Атпаша. Стѣсненная въ ширинѣ, она поднимается кверху и образуетъ столбъ воды глубиною до двадцати саженъ. Выйдя изъ щели, вся эта масса воды разливается сразу на 30 саженъ».

Здѣсь впервые путники встрѣтили лиственный лѣсъ, которымъ и ѣхали три часа до мѣста впаденія Атпаши въ Нарынъ. Послѣ голыхъ скалъ и изрѣдка встрѣчавшагося хвойнаго лѣса, свѣтлая листва деревьевъ произвела на путниковъ очень пріятное впечатлѣніе.

Напрасно казаки-охотники рыскали по лѣсу, отыскивая медвѣдей и мараловъ. Они не нашли ничего, кромѣ кабановъ, которыхъ и убили двѣ штуки.

Въ этотъ же день, въ два часа, отрядъ повстрѣчалъ нѣсколькихъ киргизовъ, вооруженныхъ пиками и саблями. Атабекъ узналъ въ нихъ богинцевъ, откочевавшихъ изъ его волости къ Умбетъ-Алѣ и объявилъ, что не отпуститъ ни одного. Такое распоряженіе было Сѣверцову на руку, потому что отпущенные киргизы могли бы, вернувшись въ лагерь Умбетъ-Алы, поднять тревогу. Киргизы поневолѣ должны были покориться. Они увѣряли, что они не бѣглецы и не бунтовщики,

а передались Умбетъ-Алѣ по необходимости, разсчитывая подъ его защитой избавиться отъ грабившихъ ихъ сары-багишей. Теперь они ѣхали на рѣку Каракошъ, чтобы отбарантовать тотъ самый скотъ, слѣды котораго путешественники видѣли. Этотъ скотъ принадлежалъ враждовавшему съ Умбетъ-Алой племени саяковъ, и богинцы, какъ приверженцы Умбетъ-Алы, считали себя въ правѣ завладѣть имъ. Эти же киргизы сообщили, что Умбетъ-Ала все время слѣдилъ за отрядомъ Сѣверцова, ожидая нападенія, но самъ нападать не рѣшался, потому что былъ боленъ. Для большей безопасности онъ перешелъ съ Аташи на Нарынъ со всѣмъ аломъ въ 3,500 кибитокъ. Движеніе Сѣверцова на Аксай поставило его втупикъ. Не зная, чего ожидать и къ чему готовиться, Умбетъ-Ала собралъ совѣтъ и всѣмъ родомъ рѣшено было снова вступить въ русское подданство. Это рѣшеніе было, по обычаю, отпраздновано жертвоприношеніемъ.

Извѣстія были недурны, но они требовали подтвержденія. Можно было опасаться, что покорность Умбетъ-Алы притворная, разыграная съ цѣлью укрыть свои аулы и скотъ и затѣмъ напасть на отрядъ. Но Атабекъ не раздѣлялъ этихъ опасеній. Онъ снова сталъ просить отпустить его на Малый Нарынъ и въ помощь дать казаковъ. На этотъ разъ онъ нашелъ пособника въ лицѣ офицера, командовавшаго конвоемъ. Офицеръ находилъ нужнымъ провѣрить показанія киргизовъ, и Сѣверцовъ не счелъ себя въ правѣ ему сопротивляться. Раздѣливъ отрядъ на двѣ части, одну онъ отпустилъ на Малый Нарынъ, другую оставилъ при себѣ на Большомъ Нарынѣ, который желалъ изучить подробнѣе.

Впослѣдствіи оказалось, что Умбетъ-Ала дѣйствительно покорился, но только потому, что не могъ поступить иначе. Онъ хотѣлъ было передаться Кашгару, но кашгарскій владѣтель велѣлъ ему убираться по добру по здорову. Со всѣми

сосѣдями онъ былъ въ ссорѣ и, въ случаѣ нападенія русскихъ, не могъ ожидать отъ нихъ помощи. Между тѣмъ онъ имѣлъ свѣдѣнія о скоромъ окончаніи войнъ Россіи съ западными среднеазіатскими ханствами. Войска освобождались и могли быть направлены противъ него. Ему ничего не оставалось болѣе, какъ обезпечить возможность безнаказанности прежнихъ разбоевъ, добровольно возвратившись въ русское подданство, что онъ и сдѣлалъ.

VI. Рѣки Средній Нарынъ и Оттукъ.

Отдѣлившійся отрядъ уѣхалъ на Малый Нарынъ, а Сѣверцовъ отправился на Большой, до котораго оставалось семь верстъ. Но прежде того ему захотѣлось срисовать видъ съ хребта Чаръ-Карытма, на которомъ онъ находился. Къ Нарыну хребетъ спускался круто и внизу виднѣлись пашни, принадлежавшія Умбетъ-Алѣ. Хлѣбъ былъ уже сжатъ, но по жнивью видно было, что это пшеница и просо.

Пока Сѣверцовъ занимался геологическими наблюденіями, съ Малаго Нарына прискакали два джигита съ извѣстіемъ, что тамошніе бѣглые богинцы покорились безпрекословно и собираются вернуться въ прежнія кочевья. Получивъ это извѣстіе, Сѣверцовъ немедленно освободилъ изъ-подъ караула оставленныхъ заложниками богинцевъ, но они не воспользовались свободой и остались въ лагерѣ ожидать товарищей.

Стрѣлки, состоявшіе при отрядѣ, усердно охотились. Въ горахъ видѣли тэковъ, но убить ихъ не удалось. Совершенно неожиданно добыта была на большой высотѣ лисица-караганка, животное чисто степное. Кромѣ того попались фазаны—которые, какъ извѣстно, водятся преимущественно въ рѣчныхъ займищахъ самыхъ низкихъ степей. Вмѣстѣ съ фазанами появилась и колючка,—характерное растеніе степи.

22-го октября вернулась съ Малаго Нарына отряженная туда партія казаковъ и съ нею пріѣхалъ Кечкепе-батырь («маленькій богатырь»), старшина бѣглыхъ богинцевъ и другіе почетные киргизы.

Кечкепе-батырь былъ маленькій худенькій старичокъ, что не мѣшало ему въ молодости быть лихимъ наѣздникомъ и удалымъ батыремъ. Онъ привезъ Сѣверцову въ подарокъ шкуру рѣдкаго экземпляра пестрой рыси, которая была, впослѣдствіи, отдѣлана и поставлена въ зоологическій музей.

Въ свою очередь Сѣверцовъ порадовалъ Кечкепе-батыря, возвративъ ему лошадей, захваченныхъ въ его аулахъ Арзаматомъ и Атабекомъ съ помощью казаковъ. Послѣдніе, къ сожалѣнію, тоже не прочь были побараптовать, и нерѣдко приходилось дѣлать у нихъ обыскъ и находить вещи, похищенныя въ попутныхъ аулахъ. Вещи, по возможности, были возвращаемы ихъ владѣльцамъ.

Кечкепе-батырь подтвердилъ, что возвратившіеся въ вѣдомство Атабека и Арзамата богинцы не бѣжали, а уведены были Умбетъ-Алой насильно.

Въ тотъ же день экспедиція пошла къ Оттуку черезъ небольшой хребетъ Джиръ-чаборъ, составляющій водораздѣлъ между Нарыномъ и Оттукомъ. Занимаясь изслѣдованіями, Сѣверцовъ значительно отсталъ отъ отряда, какъ вдругъ къ нему прискакалъ джигитъ съ извѣстіемъ, что Атабекъ поймалъ шпіоновъ Умбетъ-Алы. Услыхавъ это, Сѣверцовъ тотчасъ же поѣхалъ въ лагерь и не замедлилъ убѣдиться, что пойманные киргизы были вовсе не шпіоны, а посланные отъ Умбетъ-Алы съ заявленіемъ, что онъ добровольно возвращается въ русское подданство. Между посланными былъ робкій 18-тилѣтній юноша, сынъ Умбетъ-Алы.

Многіе въ отрядѣ увѣряли, что посольство это было ничто иное, какъ ловушка; что передъ бунтомъ въ 1863 г. Умбетъ-Ала

далъ капитану Процепкѣ своихъ верблюдовъ и проводниковъ изъ своей семьи, но все это было устроено для отвода глазъ, чтобы успѣть безопасно откочевать съ аулами и стадами. Тотчасъ же послѣ этого сдѣлано было нападеніе на отрядъ и транспортъ поручика Зубарева. «И теперь, говорили казаки, онъ насъ обманываетъ мнимой покорностью, чтобы вѣрнѣе напасть».

Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, Сѣверцовъ пришелъ къ убѣжденію, что въ данную минуту нѣтъ ни малѣйшаго основанія подозрѣвать Умбетъ-Алу въ коварствѣ и ласково принялъ его посольство, объявивъ при этомъ, что желаетъ видѣть самого манапа, чтобы убѣдиться въ его искренности, и только тогда будетъ ходатайствовать за него передъ генералъ-губернаторомъ. Посланы были къ бунтовщику два джигита, и на слѣдующій день явился онъ самъ.

Это былъ толстый хромой старикъ лѣтъ шестидесяти. Черты его широкаго скуластаго лица были типичны. Выраженіе казалось на первый взглядъ апатичнымъ и вялымъ; но, всмотрѣвшись ближе, можно было замѣтить на этой апатичной физіономіи отпечатокъ ума и твердой воли. Одѣтъ Умбетъ-Ала былъ просто: въ суконный халатъ поверхъ нагольнаго тулупа. Онъ слѣзъ съ лошади при помощи двухъ киргизъ. Старикъ былъ боленъ и лечился строгой діэтой. Вся его пища состояла изъ пшеничной каши, варенной на айранѣ.

Вялая наружность Умбетъ-Алы не выдавала въ немъ грознѣйшаго изъ кара-киргизскихъ батырей; да онъ и не былъ никогда такимъ сорви-головой, какъ его отецъ Урманъ. Онъ побѣждалъ больше ловкостью и военной хитростью. Однимъ словомъ, если Урманъ являлся въ нѣкоторомъ родѣ Ахиллесомъ Тянь-Шаня, то его сынъ Умбетъ-Ала напоминалъ скорѣе хитроумнаго Одиссея. Но набѣги этого киргизскаго Одиссея были всегда удачны, а нападенія на него другихъ

киргизскихъ племенъ всегда кончались неудачею. Онъ заставалъ враговъ врасплохъ, а его—никто, никогда. Потому его и уважали повсемѣстно. По пріѣздѣ въ отрядъ Сѣверцова онъ былъ встрѣченъ подобострастно не только своими, но и враждебными ему богинцами.

Умбетъ-Ала изъявилъ безусловную покорность и готовность принять условія, какія-бы ни были предложены ему русскимъ правительствомъ. При этомъ онъ далъ Сѣверцову бѣлый листъ бумаги съ приложеніемъ его собственной печати для написанія на немъ условій. По киргизскому обычаю эта печать уже сама по себѣ составляла обязательство безусловной покорности. Подписи Умбетъ-Ала дать не могъ, такъ какъ писать не умѣлъ.

Умбетъ-Ала.

Такимъ образомъ вернулся въ наше подданство безъ единаго выстрѣла, напуганный загадочными переходами ученаго изслѣдователя, опасный бунтовщикъ, четыре года господствовавшій на среднемъ Тянь-Шанѣ. Вернулся онъ съ 3,000 кибитокъ и съ своими приближенными манапами, у которыхъ было ихъ еще 2,000. Въ то же время онъ обязался прекратить баранту съ сосѣдями и покориться приговору третейскаго суда біевъ *), относительно обмѣна отбарантованнаго скота и вознагражденія семействъ убитыхъ и раненыхъ при нападеніи на отрядъ Губарева.

Умбетъ-Ала привезъ въ подарокъ трехъ молодыхъ домашнихъ яковъ, которые безъ затрудненія пошли за вьючными быками экспедиціи. Сѣверцову хотѣлось доставить этихъ

*) Выборные киргизскіе судьи.

яковъ въ Петербургъ на ферму Великаго Князя Николая Николаевича, но они дорогою пали.

Кромѣ того Умбетъ-Ала предложилъ своихъ верблюдовъ взамѣнъ крайне истощенныхъ Песлкъ-кульскихъ и за ними тотчасъ-же отряжены были казаки, которые и привели ихъ на слѣдующій день.

Я к и.

Утромъ 25-го Сѣверцовъ простился съ Умбетъ-Алой и они разошлись въ разныя стороны.

Когда въ слѣдующемъ 1868 году было введено новое положеніе и кара-киргизы раздѣлены на волости сообразно съ мѣстами ихъ зимовокъ, прежніе старшины не были выбраны, въ томъ числѣ и Умбетъ-Ала. Утомленный своею бурною жизнію онъ спокойно остался жить частнымъ человѣкомъ, очень богатымъ, не смотря на уплоченные штрафы. Но его братъ Османъ взбунтовался, бѣжалъ за Нарынъ и ночью напалъ на маіора Загряжскаго, который въ качествѣ токмакскаго уѣзднаго начальника вводилъ новое положеніе. Загряжскій, бывшій безъ конвоя, успѣлъ, однако же, отстрѣляться

револьверомъ отъ первыхъ нападавшихъ на него джигитовъ и спрятаться въ кустахъ. Бывшій при немъ писарь и вѣстовой были захвачены въ плѣнъ.

Османъ дорого поплатился за этотъ бунтъ. Сподвижники его покинули, а онъ самъ попался къ Якубъ-беку, былъ посаженъ въ тюрьму и казненъ.

Примѣръ этого неудачнаго подражателя Умбетъ-Алы былъ на столько назидателенъ, что больше смутъ въ Тянь-Шанѣ не было.

На ночлегѣ у Оттука встрѣтилась путешественникамъ оригинальная личность: кара-киргизскій дуванъ, т. е. юродивый. Онъ былъ одѣтъ, подобно арлекину, въ короткій халатишко, сшитый изъ лоскутковъ. На головѣ была остроконечная шапка съ колокольчиками, въ рукѣ палка тоже съ колокольчиками, на спинѣ — сумка. Дуванъ ѣхалъ совсѣмъ босой на тощей дряпной клячонкѣ, побрякивая своими колокольчиками. Этотъ дуванъ жилъ подаяніемъ и юродствовалъ ради подвига. Онъ занимался также знахарствомъ и прорицаніемъ будущаго.

На ночь его задержали, отобрали палку и приставили караулъ. На утро отпустили съ миромъ и дали милостыню. Киргизы не оказывали особаго уваженія дувану и скорѣй смотрѣли на него какъ на бродягу. Сѣверцову самому онъ показался подозрительнымъ, лицо не киргизское: длинный тонкій носъ, небольшая рыжая бородка, сѣрые глаза. Онъ былъ худощавъ, но крѣпокъ; на видъ — лѣтъ около сорока. Въ лагерѣ онъ держался осторожно и не юродствовалъ. По всему видно было, что это малый себѣ на умѣ.

На слѣдующій день повстрѣчался кашгарскій караванъ, который шелъ съ тюками халатовъ и бязи *) въ аулы Умбетъ-

*) Хлопчатобумажная матерія.

Алы. Сѣверцовъ разговорился съ купцами и они подтвердили, что покорность русскимъ была для Умбетъ-Алы единственнымъ шансомъ спасенія отъ кашгарскаго правителя Якубъ-бека, который отвергъ его подданство и на слѣдующую весну готовился разорить его аулы за грабежи караванов.

Путешественники часто останавливались, чтобы половить рыбы. Вода въ Оттукѣ крайне свѣтла и прозрачна; вся рыба на виду. Ловили ее самымъ первобытнымъ образомъ посредствомъ волосяной петли, привязанной къ палкѣ. Непугливая рыба легко допускала накинуть на себя петлю, причемъ требовалась сноровка не упустить момента чтобъ затянуть петлю и выкинуть рыбу на берегъ.

На пути Сѣверцовъ находилъ множество озерныхъ осадковъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что эта мѣстность была прежде покрыта многочисленными озерами, которыя исчезли. Огромное озеро Иссыкъ-Куль тоже усыхаетъ, что замѣтно изъ осадковъ у его береговъ.

VII. Отъ верховьевъ р. Оттука до Токмака.

Пройдя 25 Октября версты три вверхъ по Оттуку, экспедиція достигла долины рѣки Малаго Карагоджура. Спускающіяся къ долинѣ съ окрестныхъ горъ ущелья дѣлали ее очень живописною. Обогнувъ долину, экспедиція поднялась на перевалъ Далапъ-бель и на самой вершинѣ увидала бородача, который долго кружился надъ путниками, словно поддразнивая ихъ предводителя. Птица слѣдила за отрядомъ, очевидно, изъ любопытства. И здѣсь не удалось застрѣлить бородача и обогатить имъ коллекцію. Стрѣляли нѣсколько разъ, но безуспѣшно.

На Карагоджурѣ кочуютъ киргизы и кочевки эти очень удобны, несмотря на значительную высоту Карагоджура надъ

уровнемъ моря (8,000 ф.). Горный хребетъ защищаетъ эту мѣстность отъ всѣхъ вѣтровъ и представляетъ отличные пункты для солонековъ, у которыхъ киргизы весьма охотно ставятъ свои кибитки. Притомъ зимы здѣсь почти безснѣжны, пастбища открыты и скотъ постоянно находитъ обильный кормъ.

Во время бунта Умбетъ-Ала особенно дорожилъ Карагоджуромъ, въ которомъ ему легко было прятать свои аулы.

Перекочевка киргизскаго аула.

Отроги горъ состоятъ изъ мелкопесчаника, который до того изобилуетъ лощинами, что напоминаетъ собою лабиринтъ, въ которомъ отлично можно прятаться и поражать нападающихъ.

Перекочевка богатаго аула очень интересна. Мущины, женщины, дѣти, въ праздничныхъ одеждахъ ѣдутъ верхомъ на верблюдахъ, обвѣшанныхъ бухарскими коврами или пестрыми киргизскими войлоками. Поперегъ верблюдовъ лежатъ палки съ бубенчиками, которые при каждомъ движеніи позвякиваютъ. Путешественникъ Сиверсъ встрѣтилъ такой поѣздъ, спускавшійся съ пологаго ската и залюбовался этой

картиной. Позади поѣзда ѣхала богатая вдова, закутанная въ черный бархатный плащъ. Подлѣ нея ѣхалъ мальчикъ съ небольшимъ чернымъ знаменемъ въ рукѣ. Впродолженіи дороги вдова причитала на распѣвъ, а сопутствовавшія ей подруги вторили. Только что поѣздъ достигъ назначеннаго мѣста, какъ мгновенно каждое семейство составило отдѣльную группу и черезъ полчаса были поставлены полукругомъ десять кибитокъ, въ центрѣ которыхъ находилась кибитка начальника рода. Пока женщины ставили кибитки, мущины заботились о стадахъ, собирая ихъ и раздѣляя по принадлежности. Жеребятъ связывали въ ряды одною длинною веревкою.

По справкамъ оказалось, что есть зимнія пастбища и выше Карагоджура. Богинцы изъ волости Атабека выгоняютъ свои стада на Сыртъ между Барскоуномъ и Нарыномъ на высотѣ 12,000 ф. И тамъ есть лощины почти безснѣжныя, защищенныя отъ вѣтра, съ богатыми солопеками. Эти высокія пастбища потому безснѣжны, что они выше зимнихъ снѣговыхъ тучъ, но ниже предѣла вѣчнаго снѣга—явленіе весьма замѣчательное въ Средней Азіи.

Распредѣленіе лѣса въ Тянь-Шанѣ представляетъ также очень характерное явленіе. Въ иныхъ частяхъ нагорья истребленный лѣсъ скоро возобновляется, хотя и съ замѣной ели осиной или березой. Въ другихъ мѣстахъ онъ вовсе не возстановляется.

Сѣверцовъ объясняетъ это явленіе большимъ или меньшимъ количествомъ влаги. Слѣды ледниковъ и озеръ нынѣ исчезнувшихъ доказываютъ, что въ давнія времена климатъ Тянь-Шаня былъ влаженъ, а потому и лѣсовъ въ горахъ было много. Объ этомъ-же свидѣтельствуютъ и историческіе источники. Когда же влага изсякла, на сѣверныхъ склонахъ лѣсъ поддерживался своею способностью задерживать снѣгъ и сохранять влагу, достаточную для питанія деревьевъ. Стоитъ,

однако, вырубить лѣсъ, и на высушенной землѣ онъ болѣе не выростаетъ.

27-го Октября экспедиція достигла долины рѣки Кочкара, сдѣлавъ весьма трудный переходъ по Джуванъ-арыкскому ущелью. „Во всѣхъ посѣщенныхъ мною частяхъ Тянь-Шаня, пишетъ Сѣверцовъ,—я не видалъ такой дикой, мрачной, угрюмой мѣстности, какъ это ущелье. Къ самому берегу горной рѣчки подходятъ утесы, образуя узкую щель. Дорога тѣснится между скалами и рѣкою и часто прерывается огромными глыбами утесовъ безпрестанно переходя съ берега на берегъ. Рѣка бѣшено ревetъ и пѣнится, катя огромные валуны и шугу (мелкій ледъ), отъ трепія которой о валуны шумъ еще усиливается. И по этимъ-то обледенѣлымъ валунамъ нужно безпрестанно переходить съ одного берега на другой. Лошади скользятъ и спотыкаются на каждомъ шагу. Моя бойкая горная лошадка ступала твердо какъ по шоссе, но многіе казаки, солдаты и командовавшій конвоемъ офицеръ выкупались въ ледистой рѣкѣ, потомъ пробѣжались пѣшкомъ и никто не простудился.

Верстъ на 15 тянется ущелье до того дико, до того тѣсное, сжатое такими высокими утесами, что октябрьское солнце и въ полдень не показывается въ немъ. Постоянный мракъ, сырость и брызги стремящагося порогомъ Джуванъ-арыка, подернули черной плѣсенью нижнія части утесовъ и безъ того черныхъ или темносѣрыхъ".

Высоко, на карнизѣ утеса путешественники увидѣли стадо тэковъ. Животныя, неподвижно стоя надъ самымъ обрывомъ, съ любопытствомъ глядѣли на проходящій внизу отрядъ. Они казались простому глазу немного больше мышей, но въ зрительную трубу можно было отличить большерогихъ, длиннобородыхъ съ темнымъ брюхомъ козловъ отъ свѣтлобрюхихъ съ небольшими рогами козъ. За ними тотчасъ-же полѣзъ

казакъ Чадовъ, цѣпляясь за неровности утесовъ. Тэки на него смотрѣли, не выказывая никакой робости, а Чадовъ, взросшій въ семирѣченскомъ Алатау, дюжій мускулистый горецъ лѣзъ себѣ, да лѣзъ, съ ловкостью, которой позавидовали-бы и тэки. Минутъ черезъ 20 онъ уже одолѣлъ подъемъ футовъ въ 1,000 и очутившись шагахъ въ 70-ти отъ тэковъ, снялъ со спины длинную винтовку и положилъ ее на сошки. Загремѣлъ выстрѣлъ и огромный козелъ свалился съ ногъ. Остальные отскочили и остановились. Чадовъ спрятался, зарядилъ винтовку и быстро подкравшись ссадилъ еще одного. Стадо опять отскочило, и опять остановилось. Пустилось оно на утекъ только тогда, когда Чадовъ принялся подбирать добычу; тутъ только тэки смекнули въ чемъ дѣло! Но каково-же было удивленіе Чадова, когда упавшіе козлы также вскочили и ускакали за стадомъ. Пуля попала имъ, вѣроятно, въ рога и только на время оглушила ихъ.

Постепенно ущелье стало расширяться и появились травянистыя лужайки, занятыя аулами сары-багишей. По близости трава была уже вытравлена, но вообще кормъ былъ обезпеченъ. Чадовъ, поднявшійся за тэками на скалы, видѣлъ обширныя пастбища.

Казаки, не довѣрявшіе покорности Умбетъ-Али, не могли удержаться, проѣзжая мимо ауловъ его сородичей, чтобы не стащить чего-нибудь. Бойкія киргизки, которымъ хорошо были извѣстны замашки казаковъ, ловко задерживали хищниковъ и Сѣверцовъ тотчасъ отдавалъ приказъ возвратить уворованное. Наконецъ онъ принялъ такую систему: достигнувъ какого-нибудь аула, останавливался и пропускалъ отрядъ мимо себя. Казаки были очень недовольны такимъ распоряженіемъ и ропгали; за то довѣріе киргизовъ было упрочено. Безпорядки, впрочемъ, производили только казаки; солдаты ничего не трогали.

Въ оправданіе казаковъ слѣдуетъ замѣтить, что взятки въ Азіи считаются дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, и кто не умѣетъ брать ихъ, надъ тѣмъ смѣются. Не разъ случалось Сѣверцову, посылая за верблюдами въ аулы, слышать просьбу того или другаго, что пошли, молъ, меня, я обносился. Это значило, что за свое посольство онъ долженъ былъ получить халатъ. Когда посланный, однажды, Чадовъ не добылъ халата, т. е. остался честнымъ, надъ нимъ смѣялись. Всякій посланный отъ начальства есть уже въ глазахъ киргизовъ начальство; а кому же и брать съ подчиненныхъ какъ не начальству. Такъ думаютъ въ Азіи и не одни киргизы.

Одинъ казакъ простодушно объяснялъ Сѣверцову, что если они и брали у киргизовъ халаты, то считали это вполнѣ законнымъ. Русскіе, де, не только приняли въ подданство бунтовщиковъ, но еще и пощадили ихъ, почему же имъ за пощаду не взять было дани.

Преслѣдованіе хищниковъ женщинами, а не мущинами есть тоже характерная особенность киргизскаго быта. Женщина въ домѣ работница, но она же и хозяйка. Мущина находится часто въ отъѣздѣ, а если и дома, то или хлопочетъ около стадъ и табуновъ, или же вовсе ничего не дѣлаетъ. Потому, при нападеніи на аулъ, первыми защитницами являются женщины. Мущины тотчасъ бросаются къ табуну и только, вскочивъ на лошадей, начинаютъ отбивать нападеніе.

Въ попутныхъ аулахъ случалось видѣть, какъ мать киргизка обмывала на морозѣ своего ребенка, не обращая никакого вниманія на крикъ будущаго батыря. Полунагія, необутыя дѣти зачастую весело играли между кибитками, не обращая никакого вниманія на стужу и снѣгъ. Не мудрено, что киргизы такъ крѣпки и выносливы.

Въ одной кибиткѣ, куда Сѣверцовъ зашелъ напиться айряну, умиралъ ребенокъ, мальчикъ десяти лѣтъ. Отецъ его разсказалъ, что дней пять тому назадъ, ночью, когда всѣ уже спали, въ кибитку вошелъ волкъ и сталъ обнюхивать ребенка. Мальчикъ проснулся и сталъ звать отца на помощь, говоря, что кто-то у нихъ въ кибиткѣ ходитъ. Узнавъ непрошеннаго гостя по двумъ свѣтящимся точкамъ, киргизъ вскочилъ, схватилъ саблю, но вмѣсто того, чтобы попасть въ волка, раскроилъ черепъ сыну. Однако не упустилъ и волка и тутъ же доканалъ его.

Въ другомъ мѣстѣ путешественнику пришлось видѣть образчикъ необычайнаго аппетита. Туземцу киргизъ принесъ на продажу ведро кумысу. «Отдай его мнѣ, сказалъ другой киргизъ. Если я его выпью за одинъ разъ, то не плачу ничего; если же пѣтъ, то плачу вдвойнѣ». Первый киргизъ, увѣренный, что ведро кумысу выпить заразъ невозможно, согласился. Второй киргизъ, взявъ ведро за ушки, принялся тянуть густой кумысъ и выпилъ все до дна. Первому оставалось только руками развести.

Спустившись въ долину р. Качкары, экспедиція пересѣкла ее наискось и вышла на рѣку Чу, верстъ на 10 ниже сліянія Джуван-арыка съ Качкарой, образующихъ Чу. Дорога шла преимущественно запущенными пашнями съ заглохшими арыками, о чемъ приходилось пожалѣть, такъ какъ нѣкоторые виды растеній, встрѣтившіеся здѣсь, свидѣтельствовали о томъ, что въ мѣстности этой, не смотря на ея высоту, существуютъ довольно сильные лѣтніе жары.

На берегу р. Чу отрядъ спугнулъ цѣлое стадо кабановъ и пустился за ними въ погоню. Кабаны разбѣжались: одни въ степь, другіе скрылись на островахъ Чу, въ густыхъ кустарникахъ облѣпихи. Одна партія казаковъ и солдатъ отправилась въ бродъ выгонять ихъ оттуда, а другая

съ заряженными штуцерами приготовилась стрѣлять по выгнаннымъ. Три кабана, въ томъ числѣ крупный сѣкачъ (старый кабанъ) были убиты и вся охота, весьма оживленная, длилась не болѣе 10 минутъ.

Охота на кабановъ считается не опасною. Даже раненый сѣкачъ рѣдко нападаетъ на охотника. Если же это случится, то стоитъ только отскочить въ сторону и неповоротливый звѣрь пробѣжитъ мимо. Охотятся за кабанами почти всегда верхомъ.

Туземцы мусульмане не ѣдятъ кабаньяго мяса. До «поганой чушки» не рѣшится дотронуться ни одинъ поваръ-туземецъ, хотя бы то было для стола европейца. А потому киргизы охотятся на кабановъ только ради потѣхи и, убивъ животное, бросаютъ его на мѣстѣ.

За то русскіе истребляютъ этихъ животныхъ въ изобиліи. Въ окрестностяхъ Чимкента, въ зиму 1855—56 гг. убито было нѣсколько сотъ. На три ружья, въ два дня, попалось ихъ до 70-ти. Въ слѣдующую же зиму убитые считались только десятками. Теперь, вѣроятно, они совсѣмъ истреблены въ окрестностяхъ Чимкента, а въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи, около Казалинска и дальше въ окрестностяхъ Вѣрнаго были истреблены еще раньше.

Въ Семирѣченской области, кое-гдѣ приручаютъ кабаньихъ поросятъ и выводятъ изъ нихъ домашнюю породу. Ручныя кабаны легко плодятся въ неволѣ, если держать ихъ не въ тѣсномъ стойлѣ, а въ загородн. Но они склонны, при недосмотрѣ, убѣгать на волю, и очень скоро дичаютъ.

Поднявшись отъ рѣки Чу на перевалъ Куюку, экспедиція достигла 29 октября Буамскаго ущелья, прорытаго р. Чу и составляющаго условную границу между хребтомъ Кунгей Алатау и Александровскимъ хребтомъ. Какъ будто нарочно кто раскололъ горы, чтобъ образовать границу—до того Буамское ущелье походитъ на трещину.

На днѣ ущелья около воды пріютилась кое-гдѣ древесная растительность. Здѣсь появляются кленъ, ясень, урюкъ: Чу становится стремительною и паденіе ея круче. Дорога вьется на выступахъ скалъ прямо надъ пѣнящимся потокомъ, огибая лощины, иногда удаляясь отъ Чу, но очень не надолго. Надъ дорогой, тысячи на двѣ футовъ, поднимаются почти отвѣсные утесы. Также круты и обрывы, спускающіеся къ рѣкѣ, которая течетъ сажень на 30—40 ниже дороги.

„Съѣзжалъ я въ сторону, пишетъ Сѣверцовъ, посмотрѣть на утесы Кебина, описанные такъ картинно Семеновымъ и увидалъ мѣстность дикости поразительной. Чтобы доѣхать до рѣки, нужно пробираться по хаотически перемѣшаннымъ, растрескавшимся гранитнымъ утесамъ и раздѣляющимъ ихъ щелямъ. Совершивъ этотъ костоломный путь, подъѣзжаешь къ обрыву, свѣсившемуся надъ рѣкой, которая тутъ, вся въ пѣнѣ и брызгахъ, какъ-то особенно неистово, съ оглушающимъ шумомъ кружится, бьется и рвется между огромными камнями. Словомъ, это водопадъ, разбившій и раскрошившій скалу, на которую падалъ, но и самъ разбитый этими усиліями. Надъ трещиной, въ которой неистово бьется эта адская рѣка, нависли на подобіе сводовъ утесы съ такой узкой щелью посрединѣ, что черезъ нее безъ труда можетъ переступить лошадь“.

Въ 1864 г. по Чу и Кебину пробовали сплавлять лѣсъ, но, на только что описанномъ порогѣ Кебина всѣ бревна переломались, а нѣкоторыя были разбиты въ щепы той силой, съ которой рѣка несла ихъ и била о камни. Ни одно бревно не перешло Кебинскаго порога годнымъ въ дѣло.

Пройдя Буамскимъ ущельемъ и долиною Токмака, экспедиція прибыла 30 Октября въ г. Токмакъ, гдѣ находился въ то время начальникъ Семирѣченской области генералъ Колпаковскій, выѣхавшій встрѣтить новаго генералъ-губернатора Кауфмана.

Буамское ущелье.

Токмакъ окруженъ болотами, въ которыхъ кишатъ міріады лягушекъ, задающихъ ночью весьма негармоничный концертъ. Токмакъ во времена Сѣверцова былъ городъ только по названію. Нѣсколько глинобитныхъ домиковъ и жалкій базаръ,—вотъ все, чѣмъ онъ могъ похвастать. Десяти лѣтъ не прошло, какъ уже онъ совершенно измѣнилъ свою физіономію. Маевъ въ путевыхъ своихъ замѣткахъ въ 1870 году описываетъ его такъ:

„Вотъ и Токмакъ съ его русскимъ населеніемъ, захолустный великорусскій уголокъ, занесенный волею судебъ въ азіатско-киргизскую глушь. Въ Токмакѣ водворено 1,800 переселенцевъ обоего пола и живутъ 120 туземныхъ семействъ. Великорусскій типъ преобладаетъ въ Токмакѣ. Куда ни взглянешь, вездѣ льняные волосы, некрасивыя лица, зипуны изъ сѣраго крестьянскаго сукна. Благодаря окрестнымъ болотамъ, лихорадка изрядно треплетъ жителей, которые, по русской привычкѣ, не считаютъ нужнымъ беречь здоровье. Въ сторонѣ, близъ рѣки Чу, стоитъ церковь; дальше виденъ редутъ, внутри котораго—госпиталь, острогъ, гауптвахта. Обогнувъ редутъ и спустившись внизъ, вы придете на базаръ, обсаженный деревьями.

Но если непригляденъ Токмакъ, то нельзя сказать того-же о Токмакскомъ уѣздѣ. Здѣсь встрѣчаются мѣста съ превосходною тучною землею, которая лѣтомъ покрывается цѣлымъ ковромъ сочныхъ, здоровыхъ для скота цвѣтущихъ травъ. И природа здѣсь не азіатская, сухая и палящая, а скорѣе сибирская. Дожди выпадаютъ частенько; нѣтъ ни тигровъ, ни другихъ хищныхъ звѣрей. Словомъ—мѣстность представляющая самыя благопріятныя условія для развитія земледѣлія и скотоводства“.

Въ Токмакѣ Сѣверцовъ занялся приведеніемъ въ порядокъ коллекцій, собранныхъ во время экспедиціи. За исклю-

чепіемъ нѣсколькихъ рыбъ, пропавшихъ отъ тѣсной укладки, все хорошо сохранилось, въ томъ числѣ и сотня замороженныхъ птицъ, которыя были въ Токмакѣ препарированы и набиты. Вообще, эта поѣздка дала лучшій сборъ за всю экспедицію, выяснила два удобныхъ пути въ Кашгаръ и дала ключъ къ пониманію съемокъ, сдѣланныхъ другими лицами въ непосѣщенныхъ Сѣверцовымъ мѣстностяхъ.

Работая надъ коллекціями, Сѣверцовъ не пренебрегалъ и новыми пріобрѣтеніями. Въ камышахъ Чу найдены были три барсука, крѣпко спавшіе вмѣстѣ въ логовищѣ, выстланномъ паломаннымъ камышомъ и травою.

Была-ли то зимняя спячка или просто крѣпкій сонъ звѣрей, утомленныхъ ночными поисками пищи? По позднему времени года и по крѣпкому сну можно было предположить первое, а по мѣстонахожденію—послѣднее. Во всякомъ случаѣ Сѣверцовъ находитъ въ этомъ фактѣ замѣчательное уклоненіе отъ обыкновеннаго образа жизни барсука, этого коренного землекопа.

Пробывъ въ Токмакѣ двѣ недѣли, Сѣверцовъ выѣхалъ въ Чимкентъ.

Дорога изъ Токмака въ Чимкентъ идетъ черезъ городъ Ауліе-ата, взятый штурмомъ 4-го Іюня 1864 г. Черняевымъ. Отъ Токмака до Ауліе-ата приходится ѣхать мѣстностью очень населенною, вдоль Александровскаго хребта, который возвышается здѣсь огромною неприступною стѣною. Отдѣльные пики его во многихъ мѣстахъ покрыты вѣчными снѣгами.

Городъ Ауліе-ата расположенъ на берегу быстраго Таласа въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, выйдя изъ горъ, разливается на рукава и мало по малу принимаетъ характеръ степной рѣки.

Ауліе-ата когда-то былъ большимъ и торговымъ городомъ, но въ средней Азіи запустѣніе и упадокъ быстро смѣняетъ

богатство и процвѣтаніе. Только въ послѣднее время съ водвореніемъ въ здѣшнемъ краѣ русской власти, Ауліе-ата сдѣлался оживленнѣе прежняго и населеніе его значительно увеличилось переселенцами.

Окрестности Ауліе-ата не всегда были населены исключительно кочевыми киргизами. Нѣкогда здѣсь жило осѣдлое населеніе, оставившее во многихъ мѣстахъ несомнѣнные признаки своего пребыванія. Такъ, напр., въ 25 верстахъ отъ Ауліе-ата, внизъ по Таласу, находятся развалины города Тюмекентъ. Здѣсь, по мѣстному преданію, жила дѣвушка необыкновенной красоты. Ее полюбилъ „Деу“ глава дивовъ или гигантовъ, обитавшихъ въ сосѣднихъ горахъ. Чтобы приготовить достойное помѣщеніе для своей невѣсты, Деу началъ строить городъ, бросая съ горъ огромные камни. Постройка эта почему-то не состоялась и теперь недостроенный городъ представляетъ видъ запустѣлыхъ развалинъ. Изъ всей этой легенды, созданной фантазіей народа, вѣрно только то, что работы, дѣйствительно, остановлены были внезапно, какимъ-то важнымъ событіемъ. Камни, которые строители выламывали изъ горъ, во многихъ мѣстахъ брошены были на пути, по которому ихъ перевозили. Это огромныя глыбы футовъ въ 7 длины и отъ 2—4 ширины и высоты. Подобнаго рода недостроенныя или разрушившіяся постройки встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ.

Сначала предполагали сдѣлать Ауліе-ата административнымъ центромъ новопокоренпаго Туркестана. Но, осмотрѣвъ внимательно мѣстность и взвѣсивъ всѣ условія, начальникъ края призналъ болѣе полезнымъ назначить административнымъ центромъ Ташкентъ, какъ мѣстность ближайшую къ границѣ сосѣднихъ ханствъ. Вслѣдствіе этого Ташкентъ получилъ быстрое развитіе а Ауліе-ата остался простымъ уѣзднымъ городомъ.

Мѣстность отъ Ауліе-ата до Чимкента населена очень густо. Здѣсь когда-то процвѣталъ многолюдный городъ Сайрамъ, лежащій нынѣ въ 60-ти верстахъ отъ Чимкента и отъ котораго теперь остался только одинъ кишлакъ. А нѣкогда Чимкентъ составлялъ только предмѣстье Сайрама.

Развалины древняго города.

Чимкентъ лежитъ на развѣтвленіи двухъ трактовъ: на фортъ Перовскій, Казалинскъ и Орскъ къ Западу и, на Ауліе-ата, Вѣрный и далѣе въ Сибирь на сѣверо-востокъ. Отъ Ташкента онъ отдѣленъ отрогомъ Каратаускаго хребта.

Въ сторонѣ отъ дороги, въ недалекомъ разстояніи, темной массой выдѣляется двуглавый Кашкуртъ-ата, на которомъ, по туземному преданію, остановился Ноевъ ковчегъ.

Прибывъ въ началѣ Декабря въ Ташкентъ, Николай Алексѣевичъ занялся приведеніемъ въ порядокъ матеріала для книги подъ названіемъ: „Путешествія по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня“, которая послужила главнымъ матеріаломъ для настоящей работы.

Путешествіе А. П. Федченки.

А. П. Федченко.

А. П. Федченко.

Біографическій очеркъ *).

Алексѣй Павловичъ Федченко родился въ 1844 г. въ Сибири и тамъ же получилъ среднее образованіе.

Еще въ дѣтствѣ увлекался онъ собираніемъ растеній и насѣкомыхъ и чтеніемъ естественно-историческихъ книгъ; всегдашней мечтой его было сдѣлаться натуралистомъ.

По окончаніи гимназіи, онъ пріѣхалъ въ 1860 г. въ Москву и поступилъ въ университетъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета.

Въ университетѣ любимой наукой Алексѣя Павловича сдѣлалась зоологія, и ей онъ посвятилъ впослѣдствіи главную часть своей научной дѣятельности. Подобно тому, какъ и Сѣверцовъ, онъ не былъ склоненъ къ занятію какой-либо одной узкой спеціальностью, а напротивъ—былъ натуралистомъ, интересующимся всѣми отраслями естествознанія и по многимъ изъ нихъ получившимъ солидную научную подготовку.

Наравнѣ съ зоологіей, онъ съ любовью и усердіемъ занимался ботаникой и геологіей, географіей и антропологіей.

Основательное знакомство съ этими науками было одною изъ главнѣйшихъ причинъ успѣшности его позднѣйшихъ путешествій въ научномъ отношеніи.

*) Составлено по біографіи, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Имп. Общ. Люб. Естествознанія“, т. LV.

По окончаніи университета А. П. Федченко пополнялъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ самостоятельно свое научное образованіе и въ тоже время, будучи членомъ многихъ ученыхъ обществъ, принесъ не мало пользы наукѣ.

Такъ онъ, въ качествѣ предсѣдателя Энтомологической коммиссіи, избранной для изслѣдованія фауны насѣкомыхъ московской губерніи, руководилъ ея занятіями; самъ собралъ коллекціи и составилъ обширный списокъ двукрылыхъ насѣкомыхъ.

Въ 1868 г. московское Общество Любителей Естествознанія по иниціативѣ туркестанскаго генералъ-губернатора К. К. фонъ-Кауфмана рѣшило снарядить и отправить въ Туркестанъ научную экспедицію для изслѣдованія природы и населенія страны.

Алексѣю Павловичу, уже достаточно зарекомендовавшему себя въ ученомъ мірѣ, было поручено начальство надъ этой экспедиціей. Кромѣ него въ составъ ея вошла жена его Ольга Александровна, еще ранѣе не мало потрудившаяся на поприщѣ естествознанія, и препараторъ П. П. Скорпяковъ, сопутствовавшій неоднократно Сѣверцову въ его экскурсіяхъ по Туркестану.

Послѣ предварительной поѣздки за границу для изученія нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ въ виду предстоящаго путешествія, Алексѣй Павловичъ осенью 1868 г. выѣхалъ изъ Москвы въ Туркестанъ.

Втеченіе восьми мѣсяцевъ онъ путешествовалъ по долинѣ рѣки Заравшана и вернулся осенью 1869 г. въ Россію для предварительной разборки собранныхъ богатыхъ коллекцій.

Весною 1870 г. онъ опять уже былъ въ Туркестанѣ, посѣтилъ озеро Искандеръ-куль, лежащее на большой высотѣ, и изслѣдовалъ верховья Заравшана.

Осенью онъ побывалъ въ только что присоединенныхъ къ русскимъ владѣніямъ бекствахъ —Фарапскомъ и Магіан-

скомъ; зиму 1870—71 г. проработалъ въ Ташкентѣ, пополняя зоологическія коллекціи, а весною 1871 г. сдѣлалъ экскурсію въ пески Кызылъ-кумъ.

Возвратившись съ этой экскурсіи, Алексѣй Павловичъ отправился въ Кокандское ханство. Это путешествіе имѣло наибольшее значеніе для науки; описаніе его читатель найдетъ ниже.

Перенесенныя лишенія вредно отозвались на здоровьѣ неутомимаго путешественника.—онъ заболѣлъ на обратномъ пути, и болѣзнь принудила его возвратиться въ Москву.

Научное изслѣдованіе посѣщенныхъ Алексѣемъ Павловичемъ мѣстностей носило приблизительно такой-же характеръ, какъ и изслѣдованія Н. А. Сѣверцова.

Въ виду полнаго отсутствія свѣдѣній о странѣ, приходилось изслѣдовать ее во всѣхъ отношеніяхъ. Приходилось дѣлать съемку мѣстностей на карту, изучать геологическія образованія, собирать зоологическія и ботаническія коллекціи и свѣдѣнія о климатѣ страны и объ ея населеніи.

Особое вниманіе было обращено Алексѣемъ Павловичемъ на собираніе коллекцій. Изъ животныхъ собирались не только позвоночныя, но и безпозвоночныя; были собраны обширныя коллекціи по насѣкомымъ, паукообразнымъ, ракообразнымъ, слизнякамъ и червямъ. Коллекціи эти составили богатѣйшій матеріалъ, надъ которымъ работало впослѣдствіи человѣкъ двадцать ученыхъ, и который и по сю пору не вполнѣ исчерпанъ. Коллекціи впервые познакомили зоологовъ съ почти неизвѣстною до тѣхъ поръ фауной южнаго Туркестана, уяснили общій характеръ этой фауны и обогатили науку большимъ количествомъ совершенно для нея новыхъ и, подчасъ, чрезвычайно интересныхъ видовъ животныхъ.

Такое-же важное значеніе для науки имѣли и собранные экспедиціей обширные гербаріи, въ которыхъ оказалось до

1,800 видовъ растеній. Нѣкоторыя растенія были также чрезвычайно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки; такъ, напр., было привезено таинственное растеніе Средней Азіи „сумбулъ“, бывшее до того времени для ученыхъ загадкой, за разрѣшеніе которой Академіей Наукъ была обѣщана премія.

Богатымъ вкладомъ въ науку были также антропологическія и этнографическія наблюденія и коллекціи Алексѣя Павловича.

Антропологія—наука, изучающая физическій типъ различныхъ племенъ и народностей, равно какъ и этнографія—наука, изучающая бытъ ихъ, по отношенію къ Туркестану совершенно не были затронуты. А. П. Федченко первый произвелъ антропометрическія *) измѣренія туркестанскихъ инородцевъ и вывезъ богатыя коллекціи ихъ череповъ и предметовъ, относящихся до ихъ быта.

Не мало было сдѣлано и для географіи. Маршрутная съемка экспедиціи дала много цѣнныхъ картографическихъ данныхъ. Барометрическія опредѣленія высоты посѣщенныхъ мѣстностей дали нѣкоторое понятіе о рельефѣ страны. Наконецъ, изслѣдованіе долины Алая, открытіе и опредѣленіе направленія Заалайскаго хребта, открытіе ледника Щуровскаго—представляютъ изъ себя вкладъ въ науку на столько цѣнный, что имя А. П. Федченко никогда не исчезнетъ со страницъ исторіи этой науки.

Всѣ изслѣдованія А. П. Федченко отличаются чрезвычайной добросовѣстностью и тщательностью. Энергичный и неутомимый работникъ онъ относился къ себѣ и къ своимъ выводамъ съ чрезвычайной строгостью. Ничто не удовлетворяло его: онъ не могъ примириться ни съ однимъ дѣломъ, которое

*) Антропометрія—часть антропологіи; эта наука при помощи спеціально выработанныхъ методовъ измѣренія частей тѣла человѣка (преимущественно его черепа) стремится выразить въ цифровыхъ данныхъ физическій типъ той или другой народности.

дѣлалось-бы сколько-нибудь не полно, не обстоятельно, не идеально. Онъ любилъ свое дѣло и жилъ имъ.

При такомъ отношеніи Алексѣя Павловича къ дѣлу, наука вправѣ была ожидать отъ него еще многаго, но... злой рокъ какъ-бы тяготѣетъ надъ нашими русскими путешественниками-изслѣдователями!

Какъ мы сказали во введеніи, и А. П. Федченко не удалось закончить начатое дѣло изслѣдованія нашихъ среднеазіатскихъ владѣній: его похитила преждевременная смерть.

Въ 1872 г. по пріѣздѣ въ Москву Алексѣю Павловичу поручено было устроить Туркестанскій отдѣлъ на Политехнической выставкѣ. Покончивъ съ этимъ, онъ отправился въ Швейцарію для изученія альпійскихъ ледниковъ сравнительно со средне-азіатскими.

Съ этой цѣлью онъ посѣтилъ ледникъ Гриндельвальдъ, но не могъ высоко подняться по случаю дождя.

3-е сентября 1873 г. было послѣднимъ днемъ его жизни. А. П. отправившись накануѣ въ 12 ч. изъ Монтрё, онъ въ $2^1/_2$ ч. пріѣхалъ въ Вернай, и, осмотрѣвъ знаменитую тѣснину «Gorge de Trient», пѣшкомъ пошелъ въ Шамуни. Посѣтивъ въ Шамуни музей Пайо, онъ попросилъ владѣльца рекомендовать ему двухъ надежныхъ проводниковъ, чтобы осмотрѣть ледникъ Col de Géant. Вмѣсто проводниковъ по профессіи, Пайо рекомендовалъ путешественнику двухъ своихъ племянниковъ, простыхъ поселянъ. Въ сопровожденіи ихъ, Алексѣй Павловичъ вышелъ изъ Шамуни въ воскресенье, въ 5 ч. утра. До 2-хъ часовъ погода стояла великолѣпная. Путники благополучно поднимались и были уже недалеко отъ перевала; какъ вдругъ погода круто измѣнилась. Страшный вѣтеръ, снѣгъ и холодъ пронизывали до костей; дыханіе захватывало, ноги отказывались служить. Повернули назадъ. Алексѣй Павловичъ, по словамъ проводниковъ, до того ослабъ, что они

его тащили, несли, всячески помогали идти, но, выбившись изъ силъ, въ 9 часовъ остановились. Проводники увѣряли, что они стерегли его до 2-хъ часовъ ночи, и что онъ самъ, чувствуя приближеніе смерти, уговаривалъ ихъ оставить его и спасаться. Но въ Шамуни ходили толки, что проводники, оставили его раньше; что онъ кричалъ, звалъ ихъ на помощь, но, такъ какъ одинъ изъ братьевъ заболѣлъ, то другой испугался и поспѣшилъ его увести. По мнѣнію жены покойнаго, собравшей различныя свѣдѣнія объ этомъ печальномъ событіи, проводники просто струсили, растерялись и бросили путешественника, спасая себя.

Пока вернулись проводники въ Шамуни, пока дали знать полиціи, пока полиція распорядилась, прошло не мало времени, и тѣло Федченки доставлено было въ Шамуни только въ понедѣльникъ къ вечеру. Не оказалось ни одного доктора, чтобы попытаться вернуть замерзшаго къ жизни. Не смотря на то, что на покойномъ найденъ былъ паспортъ и телеграмма жены изъ Монтрё, ей до среды не собрались дать знать о случившемся. Оффиціальная телеграмма отъ мэра пришла уже тогда, когда Ольга Александровна узнала о несчастіи отъ лицъ, пришедшихъ пѣшкомъ изъ Шамуни.

Швейцарское католическое духовенство не дозволило похоронить русскаго на католическомъ кладбищѣ: Алексѣй Павловичъ похороненъ въ Шамуни на небольшомъ англійскомъ кладбищѣ, и послѣдній долгъ отдалъ ему англійскій пасторъ. На его могилѣ былъ воздвигнутъ по подпискѣ памятникъ, и Императорское Общество Любителей Естествознанія присудило нашему незабвенному путешественнику послѣ смерти большую золотую медаль, которую и помѣстили на памятникѣ.

Лучшимъ памятникомъ ему остались, конечно, его труды по изслѣдованію Туркестана.

Путешествіе А. П. Федченки въ Коканское ханство.

I. Цѣли путешествія и приготовленія къ нему.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, какъ мы говорили во вступленіи, Коканское ханство, до тѣхъ поръ столь обширное и могущественное, было значительно урѣзано русскими завоеваніями.

Въ 1871 г., когда А. П. Федченко предпринялъ свое путешествіе въ Коканъ, это ханство занимало все же еще довольно значительную часть Туркестана, а именно ту, которая нынѣ занята Ферганской областью и для краткости часто называется Ферганой. Часть эта оставалась до путешествія Федченко почти совершенно неизслѣдованною: не были извѣстны ни природа страны, ни строеніе земной поверхности. Фергана оставалась значительнымъ пробѣломъ между странами уже болѣе или менѣе изслѣдованными: на сѣверъ и на сѣверовостокъ отъ нея путешествовалъ П. А. Сѣверцовъ, баронъ Остенъ-Сакенъ и др. изслѣдователи, на западъ—мѣстности были обрекогносцированы прежними экскурсіями А. П. Федченки, на югъ отъ нея—въ Гималаяхъ и Аѳганистанѣ проходили неоднократно англійскіе путешественники.

Заполнить этотъ пробѣлъ, связать свои изслѣдованія съ работами указанныхъ путешественниковъ, познакомиться воз-

можно подробнѣе съ природой страны, собрать представителей ея флоры и фауны, изучить характеръ жителей — вотъ была задача, которой задался А. П. Федченко, задумавъ предпринять экспедицію въ Коканское ханство.

Наиболѣе привлекала нашего путешественника пагорная часть Ферганы, высокіе хребты, окружающіе долину, такъ какъ здѣсь природа была особенно богата и своеобразна. Его завѣтной мечтой было — проникнуть въ ту грандіозную по вышинѣ и массивности ея хребтовъ и плоскогорій горную страну, которая располагается въ промежуткѣ между Ферганской долиной и Кашгарской, составляющей уже часть Центральной Азіи. Въ эту страну, называемую Памиромъ («Бамъ-и-Дунга» туземцевъ, что значитъ «кровля міра»), ему однако не удалось проникнуть: благодаря своей малодоступности; она остается и понынѣ почти неизслѣдованной, хотя нѣкоторымъ изъ нашихъ русскихъ путешественниковъ (Н. А. Сѣверцову, Б. Л. Громбчевскому и др.) удалось туда заглянуть.

Бывшій генералъ-губернаторъ Туркестана К. П. фонъ-Кауфманъ.

При содѣйствіи туркестанскаго генералъ-губернатора К. П. фонъ-Кауфмана, покровительствовавшаго всегда всѣмъ научнымъ предпріятіямъ, и благодаря денежной помощи со стороны Императорскаго Общества Любителей Естествозна-

шія, А. П. Федченкѣ удалось осуществить задуманную экспедицію.

Въ составъ этой экспедиціи вошла также жена Алексѣя Павловича Ольга Александровна, не мало содѣйствовавшая ея успѣшности своею помощью. Она взяла на себя рисованіе видовъ и типовъ, собираніе растеній и составленіе изъ нихъ гербарія.

Не мало было хлопотъ съ пріисканіемъ подходящихъ сотрудниковъ, въ особенности препаратора и переводчика.

Послѣдніе въ Азіи бываютъ двухъ родовъ: простые и ученые. Простые—это оренбургскіе или уральскіе казаки, татары или киргизы, люди безъ всякаго образованія, знающіе русскій языкъ весьма плохо и перевирающіе все до такой степени, что въ ихъ показаніяхъ, зачастую, нѣтъ ни складу, ни ладу. Между учеными переводчиками большинство составляютъ инородцы, получившіе образованіе въ русскихъ корпусахъ и носящіе военный мундиръ, которымъ они страшно кичатся передъ статскимъ ученымъ; самонадѣянность и заносчивость ихъ бываютъ, подчасъ, невыносимы. Будучи людьми по большей части, мало развитыми, эти господа не въ состояніи критически отнестись къ разсказнямъ туземцевъ, вѣрятъ очевиднымъ нелѣпостямъ и, считая себя непогрѣшимыми, не находятъ нужнымъ провѣрить слышанное.

Сознавая, что успѣхъ экспедиціи въ огромной степени зависитъ отъ переводчика, Федченко занялся пріисканіемъ его и, наконецъ, напалъ таковаго въ лицѣ прапорщика Пурекина.

Затѣмъ предстояло выбрать джигитовъ *). Въ Туркестанѣ вошло въ моду, каждому, мало-мальски значительному лицу

*) Всадниковъ-туземцевъ.

имѣть по нѣскольку джигитовъ для разныхъ порученій, для ухода за лошадьми, а во время путешествій — для обереганія обоза. На эту должность большею частію идутъ киргизы— народъ, по преимуществу, конный, и при томъ болѣе подвижный и рѣшительный. Сарты большіе трусы, боятся горъ, и брать ихъ въ путешествіе неудобно.

Явившіеся къ Федченкѣ джигиты не блистали внѣшностью. Все это были оборванцы съ уродливыми лицами, въ грязныхъ ситцевыхъ халатахъ. Не смотря на очевидную нищету, они запросили по тридцати рублей въ мѣсяцъ на своемъ продовольствіи, и Федченко долженъ былъ согласиться. Онъ уже испыталъ, какъ сладко имѣть этихъ нахаловъ на своихъ харчахъ. Снаряжаясь въ предыдущую экспедицію, въ пески Кизыль-Кумъ, онъ поручилъ старшинѣ джигитовъ составить разсчетъ, сколько потребуется продовольствія на ихъ компанію. Выходила сказка про «бѣлаго бычка». Для старшины съ двумя джигитами требовалось въ день по барану; а такъ какъ пески безлюдны, то пришлось бы гнать за собою цѣлое стадо барановъ. Для барановъ нужны погонщики, а для погонщиковъ опять бараны и такъ до безконечности. Когда же джигиты были напяты на своемъ содержаніи, то они всю дорогу питались киргизскимъ сыромъ и тому подобною дрянью.

Консервовъ въ Ташкентѣ достать въ то время было нельзя, самимъ стряпать въ дорогѣ некогда, и потому Федченко очень обрадовался, когда ему предложили русскаго слугу Василія подъ громкимъ титуломъ «повара». «Но видно не судьба намъ была путешествовать съ такимъ комфортомъ, говоритъ Федченко. Вскорѣ, вмѣсто знаменитаго повара, мы остались безъ всякаго слуги и скромно запялись сами приготовленіемъ кушаній: жена—изъ муки, а я—изъ мяса. По большей же части пробавлялись чаемъ, а въ селеніяхъ, плодами».

Необходимо было еще запастись подарками. Такъ какъ большими средствами Федченко не располагалъ, то рѣшено было самому хану подарковъ не подносить. Ничтожные подарки не произвели бы впечатлѣнія, а на дорогіе денегъ не было. Поэтому, припасены были подарки только для разныхъ мелкихъ начальниковъ, отъ которыхъ главнымъ образомъ и зависѣлъ успѣхъ экспедиціи. Наконецъ, нужно было имѣть массу разныхъ бездѣлушекъ, чтобы раздавать ихъ въ награду за угощенье, за показываніе дорогъ и за другія мелкія услуги. Для всего этого была выдана генералъ-губернаторомъ особая сумма, на которую и пріобрѣтены разныя вещи, въ томъ числѣ женскія украшенія, съ помощью которыхъ г-жа Федченко надѣялась ознакомиться съ женской половиной населенія. Для мущинъ нужно было запастись халатами, но Федченко рѣшилъ купить ихъ въ городѣ Кокандѣ, гдѣ, по слухамъ, они были дешевле и въ большемъ выборѣ.

Отъ генералъ-губернатора К. П. фонъ-Кауфмана Федченко получилъ письмо къ кокандскому хану Худояру. Такъ какъ этотъ документъ знакомитъ съ характеромъ азіатской дипломатіи, то не мѣшаетъ сдѣлать изъ него выдержки.

«Высокостепенный ханъ!

Миръ и искреннее пожеланіе Вашему Высокостепенству всякаго благополучія.

Кромѣ желанія привѣтствовать Васъ, я обращаюсь къ Вамъ по дѣлу, заключающему въ себѣ всеобщій интересъ.

Неоднократно бывшіе въ мудро управляемыхъ Вами земляхъ русскіе люди, всегда съ особенной похвалой разсказывали о Вашемъ ласковомъ пріемѣ, добромъ содѣйствіи и помощи, которые Вы оказывали имъ во время ихъ путешествій.

Вполнѣ увѣренный, что Ваше Высокостепенство, какъ добрый сосѣдъ, и теперь не откажете мнѣ въ своемъ высокомъ вниманіи къ благому дѣлу, я отправляю къ Вамъ состоящаго при мнѣ ученаго человѣка г. Федченко, цѣль путешествія котораго самая мирная и полезная: онъ изучаетъ жизнь и характеръ всѣхъ тварей и растеній, созданныхъ всемогущимъ Богомъ, и ту пользу, которую они приносятъ людямъ. При г. Федченкѣ, для помощи въ его ученыхъ работахъ, безотлучно находятся: его жена, одинъ помощникъ, слуга и восемь джигитовъ».

Затѣмъ слѣдовалъ перечень мѣстностей, которыя надлежало Федченкѣ посѣтить, и просьба объ оказаніи ему всевозможнаго содѣйствія. Письмо оканчивалось такъ:

«Молясь за здоровье Вашего Высокостепенства и преуспѣяніе Вашего народа, прошу твердо вѣрить моей неизмѣнной къ Вамъ дружбѣ».

Кромѣ этого письма было еще и другое отъ ханскаго уполномоченнаго въ Ташкентѣ къ кокапскому мехтеру—главному гражданскому чиновнику, вродѣ министра, состоявшему при ханѣ.

Чтобы уяснить себѣ относительно пасъ положеніе Худоярхана, надо знать, что властью своей онъ обязанъ былъ русскому оружію. Съ давнихъ поръ въ Кокапѣ существовали двѣ партіи — осѣдлыхъ и кочевниковъ, постоянно враждовавшія между собою. Каждая партія хотѣла имѣть властителемъ своего ставленника и потому происходили постоянныя междоусобія. Кочевая партія, достигшая высшей степени могущества при своемъ ставленникѣ Мусульманъ-кулѣ и потомъ при Алимъ-кулѣ не съумѣла удержаться на высотѣ положенія. Кокапское ханство, вовлеченное въ войну съ Россіею, потеряло почти всѣхъ своихъ кочевниковъ и такіе обширные оазисы какъ Чимкентъ, Ташкентъ и Ходжентъ. Худояръ-ханъ

уже три раза принималъ бразды правленія. Въ послѣдній разъ, водворившись на тронѣ съ помощью русскихъ, хитрый азіатъ дѣлалъ видъ, что душою намъ преданъ.

При Худояръ-ханѣ въ обширной и богатой природными дарами Ферганѣ воцарилось относительное спокойствіе, прерываемое лишь мелкими смутами.

Фергана, какъ мы говорили уже во вступленіи, представляетъ изъ себя долину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами. Широкая полоса горъ отдѣляетъ ее на сѣверѣ отъ долины рѣки Таласа, на которой находится городъ Ауліе-ата. Еще болѣе широкая и непроходимая вереница хребтовъ отдѣляетъ ее на югѣ отъ долины рѣки Аму-Дарьи, часть которой лежитъ уже внѣ русскихъ предѣловъ.

Всѣ эти горы непосредственно примыкаютъ къ великому Памирскому нагорью, составляющему какъ бы центръ, къ которому сходится нѣсколько горныхъ системъ. Онѣ соединяются и съ Тянь-Шаньскимъ нагорьемъ, по которому путешествовалъ Сѣверцовъ.

Между хребтами горъ тянутся продольныя долины, и нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ значительной длины и ширины. Особенно поражаетъ своими размѣрами долина верхняго теченія рѣки Кизилъ-су—мѣстность, извѣстная подъ именемъ Алая.

Сыръ-Дарья—единственная большая рѣка, протекающая черезъ Фергану и прорѣзывающая его вкось. Ея теченіе въ предѣлахъ ханства простирается на 250 верстъ.

Она входитъ въ Фергану еще подъ именемъ Нарына и получаетъ свое настоящее названіе лишь послѣ сліянія съ рѣкой Малой Сыръ-Дарьей близъ города Намангана. Кромѣ Малой Сыръ-Дарьи ни одна изъ безчисленныхъ коканскихъ рѣчекъ не доходитъ до Сыръ-Дарьи. Всѣ онѣ, по пути, разбираются на арыки *) и изсякаютъ.

*) Оросительныя канавы.

Поставленная въ исключительныя условія, ферганская долина могла бы представлять сплошной оазисъ. Но она возд'ѣлана далеко не вся. По л'ѣвому берегу Сыръ-Дарьи разстилается нетронутая степь — м'ѣсто зимней кочевки киргизъ. Полоса оазисовъ начинается южн'ѣе, тамъ гд'ѣ горныя р'ѣчки выходятъ изъ горъ. Тутъ, по окраин'ѣ горъ, тянется почти

Берега р'ѣки Сыръ-Дарьи.

сплошная, непрерывная масса садовъ и полей на протяженіи около 250 верстъ. Возд'ѣланныя пространства встр'ѣчаются и въ горахъ, и въ горныхъ долинахъ, иногда даже на значительной высот'ѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ въ состав'ѣ ханства: степь, обработанныя пространства, горы съ кустарной и древесной растительностью, альпійскіе луга на большихъ высотахъ, и м'ѣста, покрытыя в'ѣчнымъ сн'ѣгомъ. Ознакомивъ читателя съ характеромъ страны и условіями, при которыхъ должно было совершиться путешествіе, мы приступаемъ къ описанію самаго путешествія.

II. Ходжентъ.

2-го іюня 1871 г. маленькая экспедиція выступила изъ Ташкента и направилась по Ходжентской почтовой дорогѣ.

День обѣщалъ быть знойнымъ, азіатское лѣто давало себя

Арба.

чувствовать. Въ неподвижномъ безвѣтренномъ воздухѣ стояли цѣлыя тучи пыли, поднятой проѣзжающими арбами и колесáми тарантаса.

Въ восьми верстахъ отъ Ташкента протекаетъ рѣка Чирчикъ, быстрыя воды которой бѣгутъ съ чрезвычайнымъ шумомъ отъ катящихся по руслу ея камней. Въ настоящее время черезъ Чирчикъ устроенъ деревянный мостъ, который тянется на полверсты, но переправа черезъ рѣку Ангренъ

совершается и до сихъ поръ такъ точно, какъ описываетъ Федченко переправу черезъ Чирчикъ.

«Для непривычнаго человѣка, пишетъ онъ, это чистое бѣдствіе. Всѣ вещи изъ тарантаса перекладываются на арбу, а если вода высока, то на высокую и безъ того площадку арбы кладутъ еще рѣшетку. Путешественники помѣщаются поверхъ груды ящиковъ и другой поклажи, и ихъ приглашаютъ держаться за веревки, которыми привязана кладь, чтобъ не упасть, если закружится голова при взглядѣ на быстро несущіяся воды. Чтобы теченіемъ не опрокинуло этотъ своеобразный экипажъ, его поддерживаютъ съ помощью веревокъ ѣдущіе выше по рѣкѣ туземцы, которые, обыкновенно, являются на подмогу изъ ближайшей деревни.

«Такая переправа представляетъ своеобразную картину, за всѣми подробностями которой проѣзжающіе слѣдятъ съ невольнымъ интересомъ. Въѣхавъ въ бушующую массу воды, которая, въ половодье, разливается почти на версту, нельзя опредѣлить, гдѣ кончается разливъ и начинается рѣка.

«Вода бурлитъ и съ шумомъ разбивается о сажепныя колеса арбы. Но вотъ арба сильно наклоняется впередъ и нѣсколько на бокъ; значитъ съѣзжаютъ въ глубь. Вода доходитъ уже до ступицъ, плещетъ черезъ площадку. Вскорѣ опять мельче; даже попалось осохшее мѣсто. Вдругъ арба погружается такъ, что вода несется черезъ площадку, подъ рѣшеткою, отъ лошади виднѣются только голова и хвостъ. Жутко путешественнику. Легко вздохнетъ онъ только тогда, когда арба начнетъ подниматься на противоположный берегъ.

«Привезли тарантасъ; его залило водой; онъ течетъ. Давъ стечь водѣ, въ мокрый тарантасъ укладываютъ вещи, которыя тоже промокли, и пускаются въ путь.

«При тамошнихъ жарахъ, промокшая обивка тарантаса начинаетъ прѣть и издавать непріятный запахъ».

Отъ Ташкента до Ходжента, въ настоящее время, идетъ прекрасное шоссе, обсаженное пирамидальными тополями. Черезъ арыки вездѣ прекрасные мосты. Ѣдутъ рессорные экипажи и сидящіе въ нихъ легко могутъ вообразить себя въ какомъ-нибудь благоустроенномъ уголкѣ западной Европы. А когда ѣхалъ Федченко, то лошади на мостахъ проваливались, колеса тарантасовъ въ рытвинахъ застрѣвали и вытаскивать ихъ приходилось рычагами.

«Ѣдемъ мы, пишетъ онъ, —ночью, совершенно спокойно. Вдругъ одна изъ пристяжныхъ куда-то проваливается, оборвавъ постромки. Остановились, осмотрѣлись, и увидали, что находимся на мосту съ провалившейся настилкой. Лошадь, упавшую въ глубокій арыкъ, съ трудомъ вытащили. Явился вопросъ: что-жь теперь дѣлать? Дожидаться, пока кто-нибудь проѣдетъ съ доской или бревномъ? Но дожидаться пришлось-бы довольно долго; рѣшились ѣхать, и.... проѣхали».

Застрянетъ тарантасъ въ колеѣ—еще хуже. Начинается возня, перепряжка, посыланіе за свѣжими лошадьми; словомъ—безконечная исторія, скучная и мучительная.

«Особенно памятны мнѣ, разсказываетъ Федченко,—ямы въ 15 верстахъ отъ Ташкента, по дорогѣ въ Чимкентъ. Два раза приходилось мнѣ сидѣть по нѣскольку часовъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и видѣть какъ арбы, не останавливаясь, проѣзжали черезъ это злополучное мѣсто».

Дорога постепенно приближается къ горамъ, и передъ послѣдней станціей онѣ появляются на правой сторонѣ дороги. Подъемъ отъ станціи ничтожный, и скоро дорога выходитъ на высокое мѣсто, откуда открывается панорама, подобной которой въ Средней Азіи не существуетъ. Внизу течетъ большая рѣка: за ней, на слегка поднимающейся плоскости, разбросаны деревни, кажущіяся издали, отъ сплошной зелени садовъ, большими темными пятнами на свѣтло-зеле-

номъ или желтомъ фонѣ, смотря по времени года. Къ Сыръ-Дарьѣ подходитъ круто-приподнятая гряда, составляющая первый уступъ. За ней идутъ параллельно другія гряды, а за ними вдали высится величественный хребетъ, вырисовывающійся своими бѣлоснѣжными вершинами на темной синевѣ южнаго неба.

Это — продолженіе Алайскаго хребта, изслѣдованіе котораго было одной изъ главныхъ задачъ Федченки.

Пріятное впечатлѣніе производитъ Ходжентъ, утопающій въ зелени и опоясанный глиняною зубчатою стѣною. Онъ лежитъ на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи.

И это чуть-ли не единственный городъ во всемъ Туркестанѣ, стоящій непосредственно на берегу большой рѣки. Всѣ другіе города стоятъ въ сторонѣ отъ большихъ рѣкъ, а воду получаютъ изъ каналовъ, проведенныхъ изъ горныхъ рѣчекъ, дающихъ возможность съ меньшею затратою труда и денегъ проводить воду куда нужно.

Въ настоящее время Ходжентъ, по запискамъ Е. Маркова, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Маленькій фортъ съ пушками защищаетъ переѣздъ черезъ рѣку. Недалеко отъ него — казарма. Широкая набережная шоссирована и обсажена тополями. Пространство между старою крѣпостью на вершинѣ скалы и почтовою станціею на берегу занято русскимъ поселкомъ. Маленькіе домики съ плоскими крышами мало отличаются отъ туземныхъ; только трубы на крышахъ, да большія окна съ занавѣсками свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь живетъ иная порода людей. Подъ тѣнью крѣпостной скалы, близъ дома уѣзднаго начальника, пріютилась русская церковь красиваго, строго русскаго стиля. Она стоитъ въ тополевомъ садикѣ, обнесенная крѣпкою оградою. Окна ея съ желѣзными рѣшетками высоко подобраны вверхъ.

Городъ Ходжентъ.

Ходжентцы всегда кичились своимъ духомъ независимости и пользовались своимъ выгоднымъ положеніемъ между Бухарою и Кокапомъ. Ходжентъ, дѣйствительно, составляетъ своего рода выходныя и входныя ворота въ ферганскую котловину. Съ другой стороны, онъ точно также служитъ ключемъ съ востока къ Бухарскому ханству. Узкая долина между хребтами горъ, по которой рѣка Сыръ-Дарья вырывается изъ ферганской котловины въ Туркестанъ, съ древнѣйшихъ вѣковъ имѣла своимъ вооруженнымъ стражемъ — Ходжентъ. Это дало возможность ходжентцамъ удерживать нѣкоторую политическую самостоятельность подъ чередовавшимся господствомъ то бухарскихъ эмировъ, то кокандскихъ хановъ.

Защищаемый двумя рядами высокихъ стѣнъ и башенъ, Ходжентъ пріобрѣлъ въ Средней Азіи славу неприступной крѣпости, которая еще ни разу не была взята.

Однако и эта твердыня сдалась передъ превосходствомъ русскаго оружія и русскаго военнаго искусства. Крѣпость была взята приступомъ послѣ четырехдневной бомбардировки.

Ходжентъ считается городомъ Александра Македонскаго. Великій завоеватель древности пробрался и на Сыръ-Дарью, древній Яксартъ, составлявшій въ то время сѣверный рубежъ громаднаго персидскаго царства Дарія.

Александръ Македонскій, также какъ и біографъ его Квинтъ Курцій, не сильны были въ географіи и преспокойно смѣшивали Яксартъ съ Допомъ, который издревле почитался границею между Европою и Азіею.

«Одна рѣка намъ препятствуетъ», говорилъ Александръ своимъ войскамъ, остановленнымъ могучимъ потокомъ Яксарта. «А если мы за нее переправимся, то ужъ въ Европу перенесемъ оружіе».

«Александръ возвратился къ рѣкѣ Дону (т. е. къ Яксарту), повѣствуетъ Квинтъ Курцій, и, сколько мѣста подъ станъ занято было, повелѣлъ обнести стѣною. Означенное дѣло происходило съ такою поспѣшностью, что на 17-й день отъ заложенія стѣнъ и дома построены были. Воины другъ передъ другомъ рвались, чтобы свой урокъ, который каждому былъ данъ, закончить и показать прежде».

Такъ возникъ, по сказанію, Ходжентъ. Съ тѣхъ поръ ему приходилось, подобно другимъ городамъ Туркестана, неоднократно испытывать превратности судьбы: не разъ превращался онъ въ развалины и снова возникалъ, разростался и расцвѣтая.

Федченко засталъ его въ одинъ изъ такихъ періодовъ разцвѣта. Въ Ходжентѣ Федченко долженъ былъ получить казачій конвой до коканской границы. Особой опасности не предвидѣлось, но конвой былъ нуженъ, чтобы кокандцы сразу увидѣли, что къ нимъ ѣдетъ важное лицо. Извѣстно, что въ Средней Азіи значеніе измѣряется внѣшностью, и чѣмъ больше значеніе даннаго лица, тѣмъ больше должна быть и свита.

Незадолго до прибытія Федченко въ Туркестанъ, пріѣзжавшій въ Ташкентъ ханъ Афганскій, Абдурахманъ, показалъ европейцамъ, какъ ѣздятъ средне-азіатскіе властители. Хана сопровождалъ многолюдный кортежъ: толпа всадниковъ въ богатыхъ халатахъ съ бѣлыми и красными чалмами на головахъ. Недолго всадники ѣхали мирно, гарцуя и красуясь на своихъ статныхъ коняхъ. Скоро началась потѣха, любимая ихъ игра «кукъ-бари». Нѣсколько человѣкъ отдѣлились отъ толпы и заѣхали въ ближній кишлакъ, откуда вернулись минутъ черезъ пять съ убитымъ козленкомъ, перекинутымъ черезъ сѣдло.

Нѣсколько минутъ участвующіе въ игрѣ совѣщались между собою. Болѣе пожилые люди и высшіе чины въ жалованныхъ халатахъ отъѣхали въ сторону, очевидно, не желая принимать участія въ отчаянной и опасной игрѣ. Молодежь съ нетерпѣ-

Игра кукъ-бари.

піемъ разъѣзжала, ожидая начала бѣшеной скачки и зорко слѣдя за всѣми движеніями всадника, державшаго въ рукѣ козленка. Красивый статный джигитъ въ красной чалмѣ, которая удивительно шла къ его черной окладистой бородѣ, ѣхалъ медленно, повидимому, не обращая ни на кого вниманія.

Вдругъ онъ гикнулъ и, какъ стрѣла, помчался впередъ, размахивая нагайкой. Вся толпа всадниковъ кинулась за нимъ, тѣсня и толкая другъ друга. Пока одинъ, настигнувъ передового всадника, старался вырвать у него изъ рукъ козленка, другой заскакивалъ впередъ и пытался отрѣзать ему дорогу. Но силенъ и ловокъ былъ передовой удалецъ. Онъ быстро перебрасывалъ козленка съ одной стороны сѣдла на другую и отбивался нагайкой отъ преслѣдователей. Вотъ одинъ изъ смѣльчаковъ успѣлъ ухватиться за козленка, и оба соперника помчались рядомъ, напрягая всѣ усилія, чтобъ вырвать одинъ у другого добычу, или столкнуть противника съ сѣдла. Съ гикомъ преслѣдуютъ ихъ остальные состязающіеся. Послѣ долгой упорной борьбы козленокъ, или, вѣрнѣе, большой, изорванный кусокъ мяса достался въ руки молодому красивому таджику. Онъ, какъ змѣя, увертывался отъ преслѣдователей, нѣсколько разъ бросался изъ стороны въ сторону, ловко поворачивая копя въ ту минуту, когда, казалось, нѣсколько человѣкъ готовы были налетѣть на него и вырвать изъ рукъ добычу. Уже всадниковъ десять устранились отъ игры и ѣхали простыми зрителями. Таджикъ теперь еще смѣлѣе увертывался отъ нападающихъ. повременамъ поднималъ кверху козленка и какъ бы поддразнивалъ соперниковъ. Добыча осталась въ его рукахъ. Часа черезъ два послѣ того, онъ былъ представленъ генералъ-губернатору и получилъ награду за свою удаль.

Теперь возвратимся къ нашему разсказу.

Еще весною въ Ташкентѣ извѣстно было о возстаніи кокапскихъ киргизовъ въ сосѣдней съ Ферганой областью Кара-

тегинѣ. Возстаніе было подавлено, но народное волненіе не успѣло еще улечься, и это волненіе сильно мѣшало Федченкѣ, въ исполненіи его замысла.

Въ Ходжентѣ разсказывали о казни послѣдняго изъ 12-ти зачинщиковъ—казни, совершенной съ рѣдкою жестокостью. Осужденному были отрѣзаны послѣдовательно носъ, руки и, наконецъ, голова.

Такого рода разсказами старались запугать путешественника, но онъ оставался непоколебимъ и, какъ только конвой былъ готовъ, двинулся въ путь. Конвой состоялъ всего изъ четырехъ казаковъ, такъ какъ находившаяся въ Ходжентѣ казацкая сотня стояла лагеремъ далеко за городомъ.

Безъ особаго сожалѣнія разстался Федченко съ тарантасомъ, столь мало пригоднымъ для азіатскихъ дорогъ. Дальнѣйшій путь предстояло совершить верхомъ. Въ прежнихъ путешествіяхъ онъ уже успѣлъ привыкнуть къ верховой ѣздѣ, а жена его, собираясь сопутствовать мужу, подготовила себя къ такому роду жизни и не боялась утомленія.

Въ первый день проѣхать далеко не удалось. Поднялся сильный вѣтеръ и пришлось остановиться въ попутномъ кишлакѣ*), гдѣ для ночлега путешественникамъ былъ отведенъ садъ. Обычай проводить ночи въ саду настолько распространенъ въ Туркестанѣ, что мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателя съ туземнымъ садомъ.

Сады въ Туркестанѣ почти всѣ на одинъ ладъ. Бо́льшихъ, или меньшихъ размѣровъ клочокъ земли обносится глиняною стѣною, обрабатывается и засаживается различными растеніями и деревьями плодовыми и другими. Необходимую принадлежность такой плантаціи составляютъ оросительныя канавы, арыки. Обыкновенно, одинъ такой арыкъ входитъ въ садъ изъ

*) Деревня.

проходящей по близости большой оросительной вѣтви, или изъ сосѣдняго сада. Почти всегда арыкъ идетъ сначала къ находящемуся въ саду пруду. Прудъ, «хоузъ», составляетъ самую лучшую принадлежность сада. Кругомъ него, или съ одной стороны, идетъ возвышенная площадка, «турпакъ», изъ земли,

Кайрагачъ.

вынутой при копаніи пруда. У наружной стороны площадки сажаются тѣнистыя деревья. Вязъ изъ породы «кайрагачъ» имѣетъ такую густую крону, что лучи солнца не въ состояніи проникнуть сквозь нее, и у пруда, въ теченіи всего дня можно найти прохладу. Такую крону и сильный дождь не пробьетъ; подъ ней и въ ливень—сухо. Вообще, кайрагачи—это краса и предметъ всеобщаго восхищенія въ тамошнихъ садахъ. Къ тому же и древесина ихъ пригодна на разныя

подѣлки. Сады еще тѣмъ пріятны для ночлега, что въ нихъ нѣтъ фалангъ—ядовитыхъ паукообразныхъ, довольно обыкновенныхъ въ Туркестанѣ. Впрочемъ, Федченко сильно сомнѣвается въ ядовитости этого животнаго. Его жену, однажды, укусила фаланга, и все ограничилось небольшою болью отъ укола безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій.

Въ саду, гдѣ путешественники провели ночь, находилась легкая постройка изъ глины. Но она была такъ пропечена солнцемъ, что было несравненно пріятнѣе ночевать на воздухѣ даже безъ палатки, такъ какъ эта необходимая принадлежность дороги ѣхала на арбѣ, а арбы ушли другимъ путемъ. Туземцы принесли кошмы, одѣяла, и ночь прошла довольно сносно. На другой день, рано утромъ, экспедиція двинулась далѣе.

Скоро кончились сады, поля и началась степь. Мѣстность представляла замѣтный, хотя совершенно постепенный подъемъ, съ котораго окрестности къ югу видны были какъ на ладони. Спустившись со степного плато, путешественники опять очутились въ обработанной мѣстности у Сыръ-Дарьи. На обоихъ берегахъ убирали хлѣбъ (было 6 іюня). Здѣсь уже начинались кокандскія владѣнія, такъ называемая благодатная Фергана.

Въ настоящее время Ферганская долина производитъ большое количество хлопка. Кромѣ того она изобилуетъ минералами. Въ ея горахъ найденъ каменный уголь, асфальтъ и другіе минералы, которыми богатъ Туркестанъ. Есть также и золото, но разработка его требуетъ техниковъ и капиталовъ.

Федченко имѣлъ полное основаніе ожидать, что къ нему выѣдутъ на встрѣчу кокандскіе джигиты. Такъ всегда дѣлалось въ этихъ ханствахъ при въѣздѣ должностного лица. Дѣйствительно, вскорѣ показались три джигита: «пянджибаши» (пяти-

десятникъ) на великолѣпномъ скакунѣ и два его подчиненныхъ, пріѣхавшіе привѣтствовать путешественника отъ имени бека махрамскаго участка, пограничнаго съ русскими владѣніями. При встрѣчѣ, посланные продѣлали всю серію обычныхъ церемоній: соскочили съ лошадей, пожали пріѣзжимъ руки, т. е. легко коснулись ихъ ладонями, отвѣсили глубокіе

Джигиты.

поклоны. Затѣмъ, оригинально подхвативши животы руками, не выпрямляясь, сдѣлали нѣсколько шаговъ назадъ и освѣдомились о здоровьѣ. Въ отвѣтъ на это привѣтствіе, Федченко спросилъ, здоровъ-ли бекъ и пожелалъ здоровья хану.

Экспедиція двинулась далѣе уже съ новыми спутниками. Въ селеніи Карачихумъ былъ предложенъ путешественникамъ завтракъ, который они окончили такъ скоро, какъ только позволялъ азіатскій этикетъ, главное условіе котораго — медлительность.

По мѣрѣ приближенія къ Махраму, поля становились богаче и богаче, благодаря обильному орошенію. Коканскія селенія на лѣвомъ берегу получаютъ воду изъ горныхъ рѣчекъ, текущихъ съ южныхъ горъ. Какъ только эти рѣчки выходятъ на открытое пространство, отъ нихъ отводятъ большіе рукава, въ свою очередь развѣтвляющіеся на болѣе мелкіе арыки. Арыки дробятся до безконечности, проникая въ поля, въ сады, на улицы и являясь въ концѣ концовъ въ видѣ маленькихъ канавокъ, вода которыхъ разбирается вся на ирригацію. Въ общемъ, фигура этихъ развѣтвленій напоминаетъ вѣеръ, или дельту.

Не должно думать, что вода бѣжитъ по всѣмъ арыкамъ постоянно,— въ этомъ случаѣ ея не хватило бы на всѣ поля, да и растенія пострадали бы отъ чрезмѣрной сырости.

Въ Туркестанѣ достаточно оросить поле 3—4 раза въ лѣто, чтобы собрать съ него обильный урожай, обусловливаемый чрезвычайнымъ плодородіемъ всюду распространенной жирной глинистой почвы, которую называютъ «лёссомъ» *). Только рисовыя поля требуютъ болѣе обильнаго орошенія, почему и устраиваются въ низинахъ или около самыхъ рѣкъ. Постоянно орошаются только сады, нуждающіеся въ большомъ количествѣ влаги.

За орошеніемъ слѣдятъ въ каждомъ туземномъ селеніи выборные старосты. Они руководятъ проведеніемъ большихъ арыковъ, надъ которыми работаютъ всѣ жители селенія сообща. Они же слѣдятъ за тѣмъ, чтобы вода выпускалась изъ большихъ арыковъ въ мелкіе, орошающіе отдѣльныя поля, не

*) Подобная же почва обусловливаетъ плодородіе береговъ Рейна и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей Германіи. Происхожденіе ея до сихъ поръ окончательно не выяснено: одни ученые считаютъ ее результатомъ дѣятельности атмосферы, другіе — ледниковымъ образованіемъ.

какъ придется, а по разъ на всегда установленной и строго соблюдаемой очереди.

Чтобы пустить воду на поле, передъ входомъ изъ большого арыка въ малый устраиваютъ небольшія плотинки. Вода направляется тогда по соотвѣтственной системѣ мелкихъ арыковъ и орошаетъ втеченіе одного-двухъ дней, иногда только нѣсколькихъ часовъ, опредѣленныя поля.

Ходжентскій таджикъ.

По прошествіи установленнаго времени снова дѣлается плотинка и вода направляется на другія поля.

Нерѣдко между односельчанами возникаютъ споры и ссоры изъ за воды и приходится обращаться къ судьямъ. Уличенный въ незаконномъ пользованіи водой, а тѣмъ болѣе въ преднамѣренномъ похищеніи ея, строго наказывается и тѣмъ строже, чѣмъ бѣднѣе вся мѣстность водою.

Махрамъ.

III. Коканъ.

Съ приближеніемъ къ Махраму*) все чаще и чаще стали попадаться военные на великолѣпныхъ скакунахъ. Встрѣтился странный субъектъ, одѣтый въ красную рубаху, халатъ и черную баранью шапку; къ сѣдлу у него привязаны были двѣ мѣдныхъ тарелки. Оказалось, что это кавалерійскій барабанщикъ.

У городскихъ воротъ экспедиція была встрѣчена чиновникомъ въ красной курточкѣ, острокопечной шапкѣ и съ палкой, которую онъ держалъ на рукахъ такъ, какъ держатъ грудныхъ дѣтей. Это былъ Мирза-кабиль, назначенный состоять при путешественникахъ. Ихъ ввели въ обширную кибитку, устлан-

*) При Махрамѣ впослѣдствіи разыгралась кровавая битва, рѣшившая судьбу воинственнаго коканскаго ханства. Генералъ Головачевъ разбилъ здѣсь на голову все засѣвшее въ Махрамѣ войско коканцевъ, и столица ихъ, городъ Коканъ, послѣ этого боя, отворила русскимъ свои ворота. Можно сказать поэтому, что въ Махрамѣ совершилось завоеваніе всей Ферганской области.

Ев. Марковъ. Р. В. Іюнь 1893.

пую коврами и подали угощеніе. Начались кой-какіе разговоры, но ничего толковаго изъ нихъ извлечь было нельзя. Федченко разспрашивалъ о соляныхъ промыслахъ, объ открытой недавно нефти, но къ его разспросамъ относились съ недовѣріемъ и говорили: «вотъ увидите хана, тогда можно будетъ все собирать и узнавать».

На слѣдующее утро супруги Федченко хотѣли сдѣлать визитъ беку, чтобы поблагодарить его за угощеніе и подаренные халаты, но бекъ не счелъ удобнымъ ихъ принять, пока они не представятся хану.

За Махрамомъ проводники показывали гору Афтообъ, на которой будто бы остановился Ноевъ ковчегъ послѣ потопа. Такое же преданіе существуетъ у жителей Ташкента относительно горы Казыкуртъ вблизи ихъ города и, разумѣется, ташкентцы считаютъ ее настоящей, а жители Махрама не хотятъ признавать ихъ претензій.

На второмъ переѣздѣ путешественники имѣли случай видѣть летучіе, переносившіеся съ мѣста на мѣсто пески, холмы которыхъ виднѣлись мѣстами на каменистой степи. Происхожденіе этихъ песковъ объясняютъ различно. Одни увѣряютъ, что песокъ выдѣляется изъ конгломератовъ; другіе — что онъ приносится съ Дарьи, съ осыхающихъ лѣтомъ отмелей. Путешественники видѣли занесенное пескомъ кладбище и потомъ курганъ, вокругъ которыхъ были когда-то селенія. «Мы видѣли наглядно, пишетъ Федченко, какъ культура оттѣснялась пескомъ, какъ происходила борьба между жизнью и смертью. Въ одномъ изъ кишлаковъ, до котораго уже достигъ разрушитель, многіе сады были на половину засыпаны пескомъ, и только одинокія, полузасохшія деревья, торчавшія на погребенной почвѣ, свидѣтельствовали о печальной участи окружавшей ихъ недавно растительности. Стѣны ближайшихъ садовъ служили еще нѣкоторой преградой къ распространенію песчанаго потока;

но песокъ, слой за слоемъ налетаетъ выше и выше и, наконецъ, засыпаетъ одинъ садъ, потомъ другой и т. д.».

Такъ медленно, но постоянно движется песокъ съ запада на востокъ, вслѣдствіе того, что вѣтры въ Ферганѣ преобладаютъ западные, по крайней мѣрѣ лѣтомъ. Причина этихъ вѣтровъ та, что черезъ узкое мѣсто близъ Махрама, какъ черезъ трубу, входитъ съ запада воздухъ для поддержанія равновѣсія въ коканской долинѣ, подверженной лѣтомъ значительному нагрѣванію, отчего должны образоваться сильные восходящіе токи.

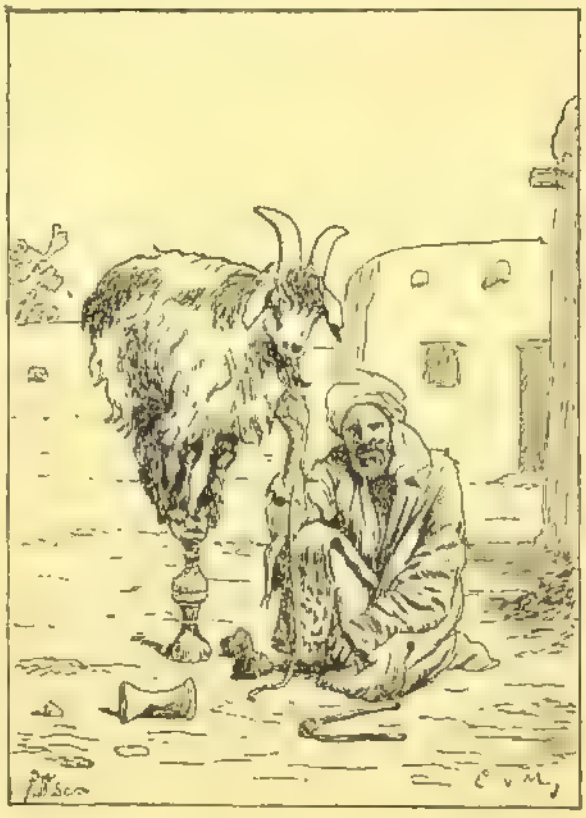
Положеніе путешественниковъ настигнутыхъ этимъ вѣтромъ, въ пескахъ, было незавидное. Воздухъ наполнился мглой, горы сдѣлались неясны, песокъ сталъ переноситься съ одного холма на другой. Тончайшая пыль набилась въ ротъ, въ глаза и ужасно саднила лицо. Путешественники несказанно были рады, увидавъ впереди сады, которыми покрыта послѣдняя часть пути до Бишъ-арыка, большого селенія въ 28 верстахъ отъ города Кокана.

Имъ отвели для ночлега тѣсный дворъ, гдѣ они должны были помѣститься съ людьми и лошадьми. На вопросъ Федченко, нѣтъ-ли помѣщенія поудобнѣе, туземцы даже вытаращили глаза. По ихъ понятіямъ, ничего не могло быть удобнѣе, какъ ночевать со своими лошадьми; однако же, немного погодя, путешественниковъ перевели на постоялый дворъ и помѣстили въ лавочкѣ, выходящей на улицу. Тотчасъ же набралась толпа, которая съ любопытствомъ разглядывала пріѣзжихъ; болѣе смѣлые пробирались впередъ, мальчишки лѣзли на заборъ. Явился откуда-то коканецъ съ козой и, къ немалому удовольствію туземцевъ, заставилъ ее выдѣлывать разные фокусы. Всюду слышались разговоры, замѣчанія, догадки, шутки, но грубостя ни одной.

Не доѣзжая Кокана, экспедицію встрѣтилъ джигитъ, посланный мехтеромъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, джигитъ при-

гласилъ пріѣзжихъ остановиться и принять завтракъ. Немного далѣе встрѣтили путешественниковъ высланные чиновники и предложили уже цѣлый обѣдъ, состоявшій изъ супа, вареная риса съ курицей и баранины и кислаго молока.

По мѣстному обычаю, все, что подается гостю, должно быть съѣдено, или унесено съ собой. Многое съ этой цѣлію и подается, напр. голова сахару, когда сахаръ и безъ того на столѣ. Волей неволей приходилось Федченко отдавать остатки яствъ джигитамъ, нанятымъ на своемъ содержаніи. Эти плуты отлично знали мѣстный обычай и даже запаслись мѣшками, чтобъ складывать остатки.



Фокусникъ съ козой.

Наконецъ, путешественники прибыли въ Коканъ, обнесенный, какъ и другіе города Туркестана, зубчатою глинляною стѣною. Проѣхавъ нѣсколько улицъ, они уткнулись въ слѣпой переулокъ, который замыкался воротами отведеннаго имъ дома.

Черезъ дворъ, гдѣ должны были помѣститься джигиты и лошади, путешественники прошли въ садъ. Галлерея дома, выходившаго въ садъ, и площадка-турнакъ на берегу пруда были устланы коврами и бѣлыми кошмами и имѣли парядный видъ. Только что пріѣзжіе усѣлись, какъ явился роскошный достарханъ (угощеніе) отъ имени мехтера. Десять человѣкъ на 13 подносахъ несли: фисташки, свѣжій урюкъ (мелкіе абри-

косы), огурцы обыкновенные и китайскіе, русскую карамель со стихами, разныя конфекты, леденцы, урюкъ въ сахарѣ, изюмъ, маленькія дыни превосходнаго вкуса, яблоки, пшеничныя лепешки, булочки, смазанныя растительнымъ масломъ и потому довольно противныя.

Къ вечеру явились десять сарбазовъ для почетнаго караула и для охраны путешественниковъ. Одѣты они были въ синіе и

Сарбазы.

сѣрые кафтаны съ разнокалиберными пуговицами. На одномъ и томъ же мундирѣ можно было встрѣтить цѣлую коллекцію гербовъ разныхъ нашихъ губерній: орловъ, пушекъ, якорей, словомъ — всевозможныхъ сортовъ пуговицъ, старыхъ и новыхъ. Каждый изъ сарбазовъ имѣлъ ружье и тонкую гибкую палочку. Эти палочки очень интриговали Федченко, но на вопросъ его, отвѣчали только — «нужно». Потомъ онъ увидалъ, что этими палками разгоняютъ назойливыхъ любопытныхъ. Онѣ же, говорятъ, служили для одушевленія идущихъ

въ бой войскъ. Федченкѣ объяснили, что сарбазы составляютъ личную стражу хана и, кромѣ того, во время войны посылаются къ войскамъ, чтобъ подгонять нерѣшительныхъ и напоминать бѣгущимъ о долгѣ. Такого рода арьергардъ употреблялся кокандцами и при столкновеніи съ русскими.

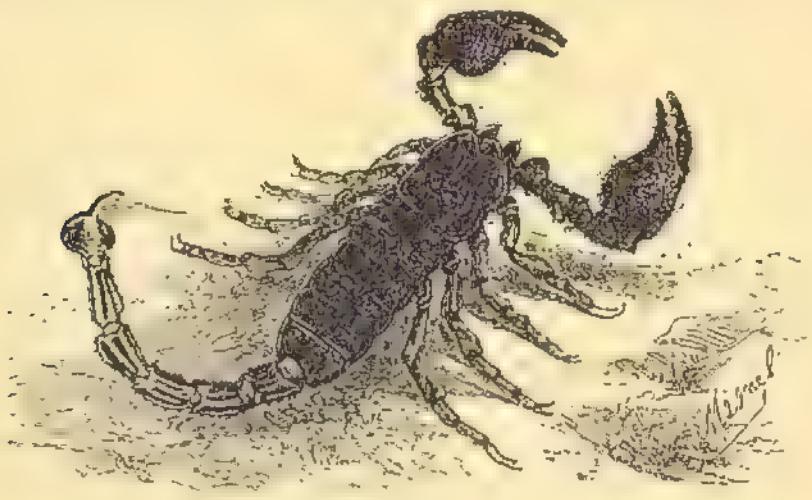
На ночь разставили караулы. «Я заявилъ, пишетъ Федченко, что достаточно одного поста, много двухъ. Но мнѣ доложили, что приказано караулить всѣмъ. И вотъ чуть ли не подъ каждымъ деревомъ стало по сарбазу съ ружьемъ и палочкой. Конечно, имъ скоро надоѣло стоять на одномъ мѣстѣ, они стали переходить другъ къ другу и садиться. На разсвѣтѣ, я нарочно полюбопытствовалъ, что дѣлаетъ караулъ. Всѣ наши охранители спали глубокимъ сномъ».

На другой день, въ назначенный часъ, путешественники отправились къ мехтеру въ сопровожденіи сарбазовъ, которые составляли почетный конвой. Мехтеръ принялъ ихъ въ присутственномъ мѣстѣ, такъ называемомъ зякетномъ сараѣ, гдѣ онъ исправлялъ свои министерскія обязанности. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти съ сѣдыми волосами и грубыми, сухими, непріятными чертами лица. Онъ не отличался ни умомъ, ни образованіемъ и сдѣлалъ свою карьеру совершенно случайно. Въ званіи простого мирзы, т. е. писаря ему удалось укрыть хана отъ серьезной опасности на какой то мельницѣ. Съ этой минуты и началось его возвышеніе.

Разговоръ Федченко съ мехтеромъ вертѣлся на общихъ мѣстахъ и ничего интереснаго не представлялъ. Передавъ мехтеру привезенные подарки, путешественники удалились.

При выѣздѣ изъ зякетъ-сарая, пріѣзжихъ снова осадила толпа любопытныхъ. Эта толпа стиснулась въ воротахъ и запрудила улицу. Вотъ тутъ то и пришлось сарбазамъ пустить въ ходъ свои палочки. Удары, впрочемъ, достались немногимъ, одно помахиваніе оказалось достаточнымъ, чтобъ разогнать толпу.

Домъ, въ которомъ помѣстили путешественниковъ, принадлежалъ байбачи (сыну богача), который чѣмъ то не угодилъ мехтеру и, въ наказаніе, получилъ приказъ пріютить и содержать пріѣзжихъ. Этотъ домъ устроенъ былъ на широкую ногу, но садъ при немъ не успѣлъ еще разрости и давалъ мало тѣни. Тѣмъ не менѣе, путешественники предпочли устроиться



Скорпіонъ.

въ саду, разбивъ здѣсь палатку. Тутъ же подъ навѣсомъ устроили и кухню, вмазавъ котлы.

Много было писано о непрошенныхъ обитателяхъ туркестанскихъ домовъ, скорпіонахъ и фалангахъ, укушеніе которыхъ будто бы смертельно. Но эти разсказы сильно преувеличены. О безвредности фалангъ было уже говорено выше; что же касается скорпіона, то онъ, дѣйствительно, часто встрѣчается въ домахъ, особенно по вечерамъ и ночью. Легко можетъ случиться, что онъ заберется подъ платье и ужалитъ. Это вызываетъ крики, испугъ; у слабонервныхъ дѣлаются судороги отъ страха. Въ сущности же, дѣйствительная, неосложненная испугомъ боль отъ укушенія не особенно велика, и при смазываніи деревяннымъ масломъ скоро совершенно проходитъ.

Зато нѣтъ въ Туркестанѣ ни прусака, ни чернаго таракана. Извѣстный географъ Карлъ Риттеръ въ своемъ «Землевѣдѣніи Азіи» совершенно ошибочно утверждалъ, будто бы черный таракань завезенъ въ Европу черезъ Сибирь изъ Туркестана. Таракановъ нѣтъ и въ бо́льшей части Сибири. Рѣзкой границей его распространенія служитъ рѣка Обь. На первой же станціи на лѣвомъ берегу Оби встрѣчается масса черныхъ таракановъ, этихъ, по русскому повѣрью, предвѣстниковъ счастья. Переселенцы изъ Россіи пробовали, было, завозить это счастье въ Сибирь, но попытки не удавались. «Только переѣдутъ Обь — и помрутъ», съ тоской разсказывали они.

Точно также не было въ Туркестанѣ постельнаго клопа, пока не завезъ его туда русскій солдатъ.

Самое ядовитое животное въ Туркестанѣ изъ безпозвоночныхъ—это паукъ-каракуртъ, встрѣчающійся на травянистыхъ предгорьяхъ. Каракуртъ небольшой черный паучекъ съ бѣлымъ рисункомъ на брюшкѣ; укушеніе его считается смертельнымъ. Близъ Токмака показываютъ памятникъ, поставленный на могилѣ цѣлаго киргизскаго семейства, умершаго отъ укушенія каракурта. Одинъ путешественникъ видѣлъ верблюда, ужаленнаго каракуртомъ. Животное, съ пѣной у рта, валялось по землѣ, а кругомъ него сидѣли киргизскія дѣвушки и, мѣрно покачиваясь, пѣли какую то заунывную, однообразную пѣсню. По киргизскому повѣрью, такое пѣніе облегчаетъ страданіе укушеннаго каракуртомъ и даже можетъ вылечить его.

Но едва ли не хуже фалангъ, скорпіоновъ и т. п. крупныхъ враговъ человѣка, мелкія, едва замѣтныя желтоватыя мошки, которыя нападаютъ по вечерамъ и ночамъ на людей, спящихъ въ комнатахъ, чтобы насосаться ихъ крови. Укусы ихъ сильно чешутся, а при нѣжной кожѣ лицо и руки покрываются прыщами.

Но вернемся къ разсказу. Къ путешественникамъ приставленъ былъ въ качествѣ гофмейстера караулъ-беги, Магометъ-Шакиръ, вѣжливый, бойкій старикъ и искусный дипломатъ. На вопросъ Алексѣя Павловича, когда ханъ его приметъ, такъ какъ прошло уже два дня и о пріемѣ нѣтъ никакихъ извѣстій, караулъ-беги отвѣчалъ уклончиво, причемъ щедро сыпалъ цвѣтами азіатскаго краснорѣчія.

Караулъ-беги.

На обязанности караулъ-беги лежало также продовольствованіе путешественниковъ. Законъ гостепріимства не дозволялъ имъ ничего покупать самимъ, и это было крайне стѣснительно, такъ какъ приходилось брать, что даютъ. Впрочемъ, провизія доставлялась хорошая и въ достаточномъ количествѣ. Разъ только случилась исторія съ кумысомъ, и исторія забавная:

Кумысъ изготовляется киргизами, которые на лѣто откочевываютъ со своими табунами въ горы. И потому лѣтомъ, въ Кокандѣ, пьетъ кумысъ только ханъ, имѣющій свой табунъ. Переводчикъ, родомъ киргизъ, большой охотникъ до кумыса, сталъ приставать, чтобъ достали ему любимый напитокъ. Люди мехтера сказали, что нужно доложить хану, и дѣйствительно, на другой день ханъ прислалъ турсукъ (мѣшокъ изъ бараньей шкуры) кумыса. Нуреддинъ принялся за него съ восторгомъ; но вдругъ лицо его изобразило гримасу, и онъ долженъ былъ при-

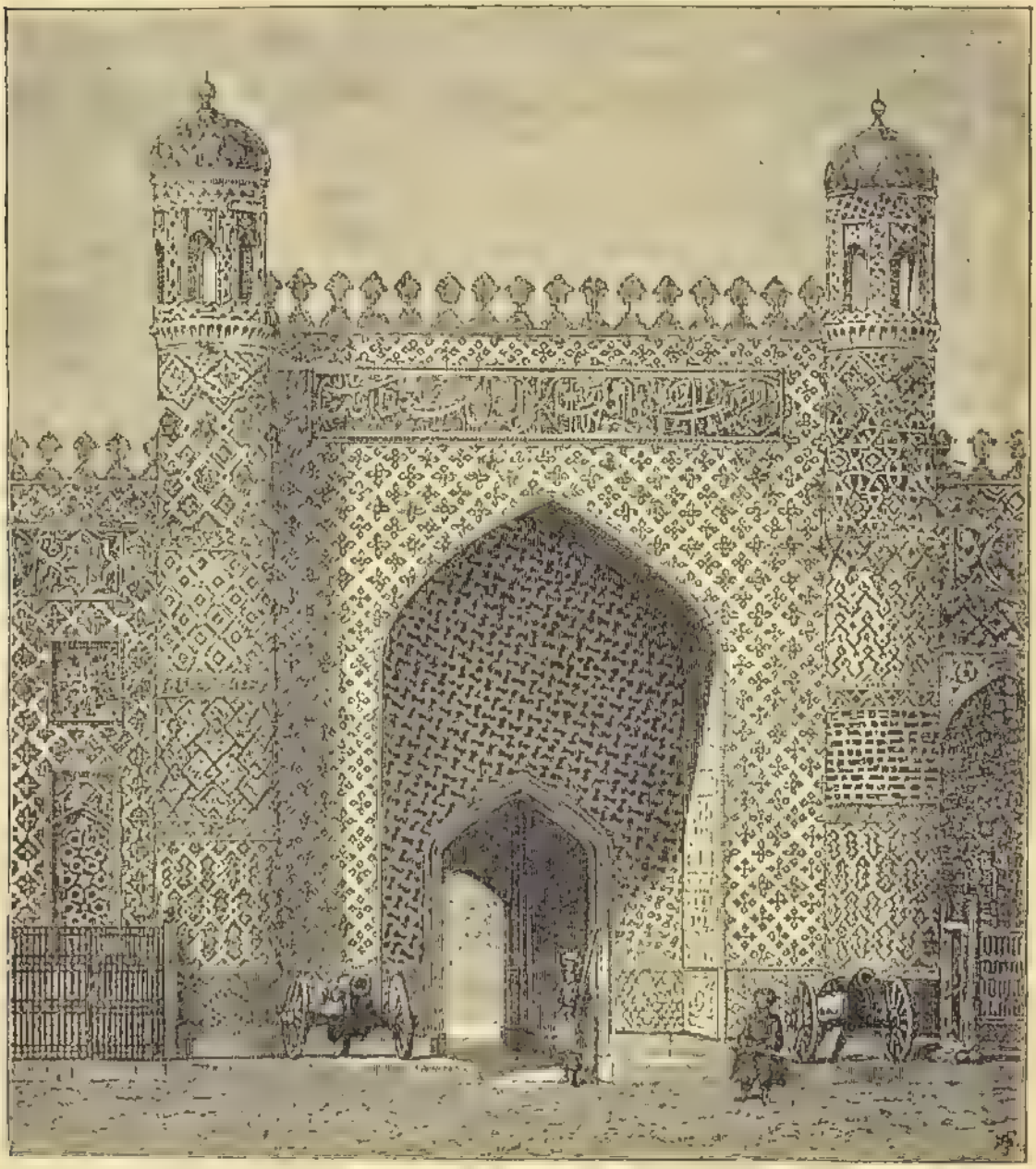
знать, хотя и съ сконфуженнымъ видомъ, что кумысъ протухлый.

Наконецъ, пришло извѣстіе, что ханъ приметъ путешественника, но безъ жены. Пріемъ женщины былъ не въ духѣ кокандскихъ обычаевъ и не понравился бы народу. Ханъ жилъ лѣтомъ въ загородномъ саду и черезъ день пріѣзжалъ въ городъ разбирать дѣла и раздавать солдатамъ халаты, что дѣлалось два раза въ годъ.

Вставъ рано утромъ, Федченко выѣхалъ изъ дому и тотчасъ же встрѣтилъ мехтера съ огромной свитой. Переѣхавъ черезъ большой арыкъ, кортежъ очутился на площади передъ крѣпостью. Отсюда открылся великолѣпный видъ на дворецъ, или «повую урду», какъ называли дворецъ кокандцы. Мы заимствуемъ картинное описаніе ханскаго дворца изъ записокъ Ев. Маркова, недавно посѣтившаго Фергану.

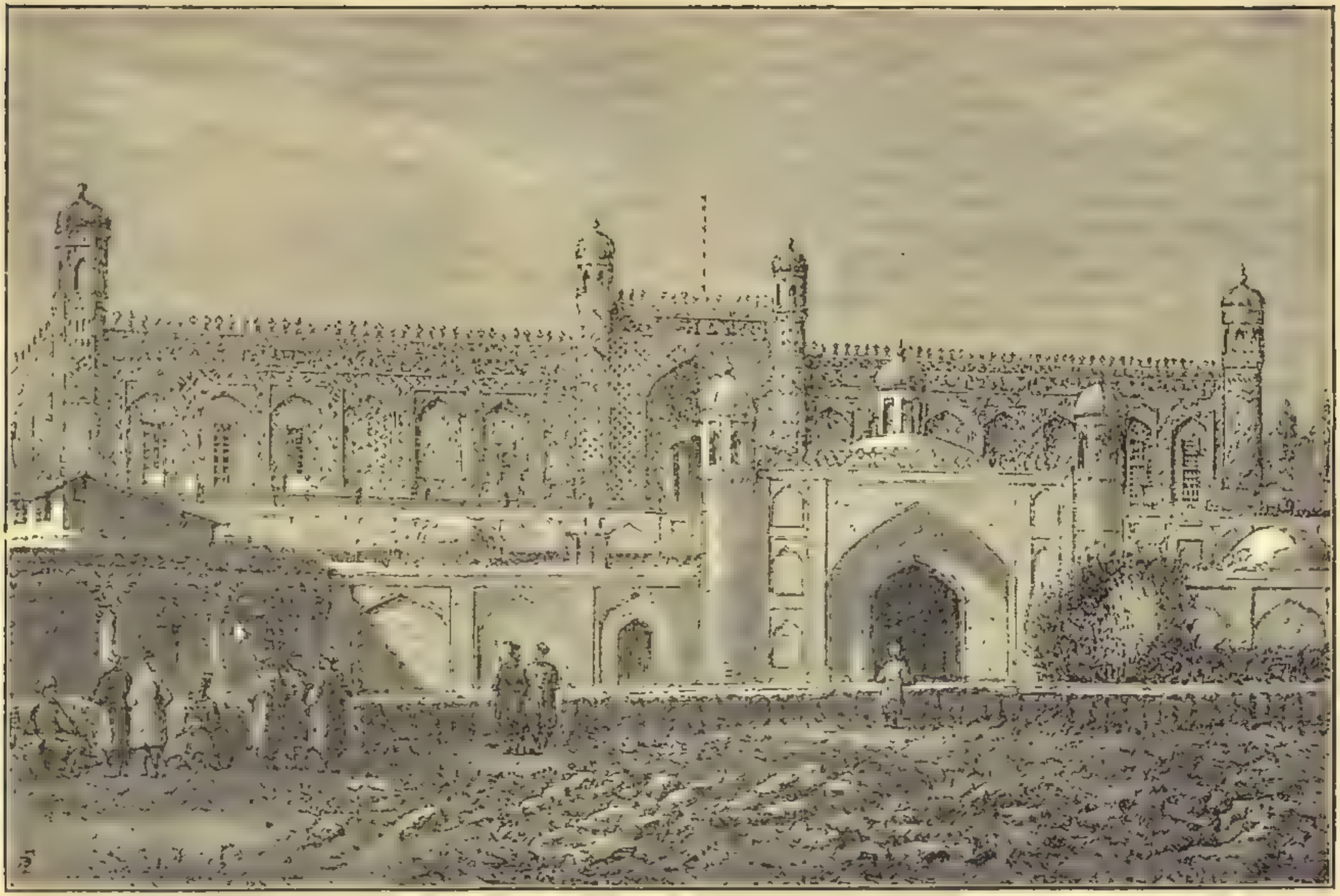
Новая урда (т. е. орда, которой русскіе, по мнѣнію Маркова, произвольно придали коллективное значеніе) одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ дворцовъ Средней Азіи. Это что то до такой степени изящное, оригинальное, что глазъ никакъ не налюбуется имъ, не оторвется отъ него. Урда поднята высоко надъ дворомъ, на своихъ каменныхъ терассахъ, такъ что издали кажется какимъ то колоссальнымъ изваяніемъ, покоящимся на массивномъ пьедесталѣ. Ея широкій фасадъ, порталъ, минареты кажутся вылитыми изъ сверкающаго китайскаго фарфора самыхъ нѣжныхъ тоновъ: голубого, зеленаго, сѣраго, бѣлаго, желтаго. Дворецъ изящепъ и по своему стилю. Высокій и широкій порталъ обрамленъ двумя минаретами, сквозныя верхушки которыхъ увѣнчаны ярко-голубыми фарфоровыми шапочками. Другіе два минарета подъ желтыми фарфоровыми купольчиками, увитые сверкающею спиралью голубыхъ и зеленыхъ арабесокъ, возвышаются по краямъ фасада, словно два крыла, поднимающія его на воз-

духъ. Впрочемъ, самъ хрустальный блескъ его стѣнъ, самые тоны небесной лазури насквозь его проникающіе, невольно придаютъ массивному корпусу урды эту изящную воздушность.



Ворота урды въ Коканѣ.

Верхній поясъ зданія, замѣняющій карнизъ, очень оттѣняетъ нѣжныя краски стѣнъ своимъ темноспинимъ сомъ, по которому тѣсною вязью извиваются бѣлыя а



Урда въ Ко[illegible].

письмена. Ниже ихъ — стѣна свѣтлоголубыхъ и зеленыхъ изразцовъ, вся въ разнообразныхъ маленькихъ нишахъ художественнаго рисунка и замѣчательнаго богатства колеровъ. Окопъ немного, и они не вытянуты казеннымъ ранжиромъ въ линію, а разбросаны на разной высотѣ, разной величины, но всегда удивительно къ мѣсту, окруженныя тѣми же сверкающими рамками голубого и зеленаго фаянса.

Урда въ настоящее время обращена въ центральное русское военное управленіе, а въ двухъ самыхъ большихъ залахъ устроена церковь. Весь Коканъ носитъ нынѣ отпечатокъ русскаго города съ его широкими улицами, магазинами, аптеками, извощиками, ямщиками и солдатами. Не чуяло сердце Алексѣя Павловича, добивавшагося съ такимъ трудомъ разрѣшенія посѣтить ханство, что, 20 лѣтъ спустя, каждому русскому будетъ тамъ также вольготно, какъ дома.

Доступъ во дворецъ былъ обставленъ, какъ и слѣдовало ожидать, безконечными формальностями. У крѣпостныхъ воротъ пріѣзжіе должны были сойти съ лошадей и пройти черезъ нѣсколько дворовъ и дворниковъ, прежде чѣмъ достигнуть резиденціи. Съ каждымъ шагомъ свита путешественника рѣдѣла, сообразно постепенности своихъ чиновъ. Чѣмъ выше чинъ, тѣмъ ближе допускался онъ къ дворцу. На дворикѣ, предшествовавшемъ ханской пріемной, остались только Федченко, Нурекинъ и мехтеръ, не считая сарбазовъ — ханской охраны.

Выстроившись по сторонамъ портала, сарбазы во все горло прокричали «асселямъ-алейкумъ» *); Федченко вошелъ въ сѣни, церемоніймейстеры подхватили его подъ руки и ввели въ золотую комнату, гдѣ находился ханъ. На постланныхъ на полу одѣялѣ и шубѣ сидѣлъ, подогнувъ подъ себя ноги, Худояръ-ханъ, свѣжій полный мущина, лѣтъ сорока. Одѣтъ онъ былъ въ шелковый халатъ, на головѣ — чалма.

*) Восточное привѣтствіе.

Видя двоихъ — одного въ офицерскомъ мундирѣ, а другого въ какомъ-то странномъ костюмѣ (фракѣ), ханъ освѣдомился, кто изъ нихъ главный. Затѣмъ спросилъ письмо, которое и подалъ ему мехтеръ. Справившись о здоровьѣ генералъ-губернатора, ханъ сталъ читать письмо, къ которому приложенъ былъ переводъ. Въ это время Федченко успѣлъ оглядѣть комнату и присутствующихъ. Комната не представляла ничего особеннаго и заслуживала названіе золотой, только благодаря вызолоченнымъ лѣпнымъ украшеніямъ на потолкѣ. На полу, у стѣны, сидѣли трое знатныхъ коканцевъ въ бархатныхъ халатахъ съ бляхами, держа на колѣняхъ сабли въ дорогой оправѣ.

Худояръ-ханъ.

Кончивъ чтеніе, ханъ сказалъ «якши» (хорошо) и поклонился. Пріемъ кончился. Пріѣзжихъ пригласили въ особую комнату, гдѣ послѣ закуски — обычнаго дастархана — на Федченко надѣли парчевой халатъ, пожалованный ханомъ и предложили осмотрѣть дворецъ.

Комнаты дворца не отличались особой роскошью и поражали непривычный глазъ развѣ только отсутствіемъ мебели. Впрочемъ, въ одной изъ комнатъ оказалась европейская мебель, сдвинутая въ уголъ, безъ всякаго порядка. Она, вѣроятно, была, кѣмъ нибудь подарена хану и стояла безъ употребленія.

Улучивъ удобную минуту, Федченко спросилъ мехтера, какое рѣшеніе принялъ ханъ. Оказалось, что словомъ «якши»

онъ далъ согласіе на всѣ пункты. Это было настолько же пріятное, насколько неожиданное извѣстіе.

Желая въ свою очередь быть пріятнымъ, Алексѣй Павловичъ, на обратномъ пути, все время ѣхалъ въ халатѣ. Извѣстно, что для лицъ оффиціальныхъ сниманіе халата послѣ аудіенціи обязательно. Туземцы никакъ не могутъ примириться съ этимъ, такъ какъ по ихъ понятіямъ пожалованный халатъ не снимается до возвращенія домой.

«Какъ ни курьезно казалось мнѣ, пишетъ Федченко, проѣзжать верхомъ въ блестящемъ халатѣ на плечахъ поверхъ фрака и съ бѣлой дорожной шляпой на головѣ, но я выдержалъ характеръ до конца и ни разу не разсмѣялся во весь длинный путь черезъ кокапскій базаръ».

Не смотря на любезный пріемъ хана и его согласіе на посѣщеніе мѣстъ, означенныхъ въ письмѣ, путешественникамъ, благодаря крайней медлительности азіатскихъ властей, пришлось прожить въ Коканѣ еще четыре дня. Этимъ временемъ Федченко воспользовался, чтобы сдѣлать визитъ брату хана Мурадъ-беку, управлявшему обширнымъ и богатымъ округомъ Маргеланскимъ. Мурадъ-бекъ, очень расположенный къ русскимъ, принялъ путешественниковъ весьма любезно. Пріемная его оказалась не простымъ навѣсомъ, а компатой съ окнами и европейской мебелью, которая хотя и состояла изъ стола, накрытаго коленкоромъ вмѣсто скатерти, и четырехъ табуретовъ, но все же была мебель, и путешественникамъ не приходилось сидѣть на полу, въ непривычномъ для нихъ положеніи. Мурадъ-бекъ тоже сидѣлъ на табуретѣ у окна, и посѣтители могли хорошо разглядѣть его. Это былъ мущина лѣтъ 35-ти, съ очень симпатичной физіономіей, одѣтый въ халатъ изъ китайской матеріи съ заткапными цвѣтами. Подали чай и вслѣдъ за нимъ дастарханъ на 27 подносахъ. И тутъ находились русскіе паточные леденцы съ билетиками. Азіаты охотно берутъ

эти конфекты, полагая, что это лучшій сортъ. Мурадъ-бекъ очень интересовался содержаніемъ билетиковъ и заставлялъ переводить ихъ. Къ сожалѣнію, содержаніе билетиковъ отличалось нелѣпостью, и бекъ едва ли получилъ высокое понятіе объ русской поэзіи.

Вслѣдъ за дастарханомъ подали обѣдъ и принесли тарелки, ножи, вилки и ложки. Мурадъ-бекъ не обѣдалъ, впро-

Базаръ.

чемъ, съ гостями, а ушелъ къ себѣ. Можетъ быть, онъ не умѣлъ справляться съ европейскими приспособленіями для ѣды, а ѣсть пальцами при гостяхъ ему было совѣстно.

При послѣднемъ посѣщеніи мехтера, Федченко замѣтилъ, что онъ далеко не раздѣляетъ довѣрія своего повелителя къ русскимъ. Не высказывалсь открыто, онъ, по обычной уловкѣ азіатовъ, старался запугать путешественника. Въ одномъ мѣстѣ угрожали, будто бы, разбойники, въ другомъ — кашгарцы, въ третьемъ — предстояло провалиться въ пропасть. Алексѣй Павловичъ благодарилъ мехтера за его заботливость, заявляя въ то же время, что онъ и жена его къ путешествіямъ привыкли и никакихъ случайностей не боятся. Просилъ только дать надежныхъ людей и сдѣлать распоряженіе, чтобы вездѣ

снабжали его проводниками. Мехтеръ обѣщалъ устроить все это какъ можно скорѣе.

Чтобы скоротать время, супруги Федченко осматривали Коканъ во всѣхъ подробностяхъ. Средоточіе общественной жизни въ среднеазіатскихъ городахъ, это, какъ извѣстно, базары. Они очень оригинальны, характерны и представляютъ богатый матеріалъ для кисти художника. Безчисленныя лавчонки, мастерскія, кухни, харчевни, раздѣлены узкими проходами и повсюду толпы народа, пестро одѣтыхъ мущинъ, женщинъ, дѣтей. Дѣти здѣсь очень красивы, особенно дѣвочки, которыя по большей части одѣты опрятно и кокетливо, въ ситцевыхъ бешметикахъ и широкихъ шароварахъ ярко желтыхъ, или ярко пунцовыхъ. Волосы у дѣвочекъ, туго заплетенные въ косички, змѣйками вьются по плечамъ; на головахъ—красныя и желтыя плоскія шапочки. Иногда посреди этой толпы появляется вереница нагруженныхъ верблюдовъ, флегматически шагающихъ въ тактъ позвякивающихъ бубенчиковъ. Не менѣе флегматичны сидящіе на ихъ горбахъ вожаки. Вялымъ взглядомъ окидываютъ они толпу и снова впадаютъ въ оцѣпенѣніе. Случаются и другого рода сцены. Осужденнаго на смерть преступника возятъ по городу, и стража заставляетъ его кричать предостереженія публикѣ: «Не дѣлай того-то (за что преступникъ осужденъ), иначе тебя постигнетъ судьба моя».

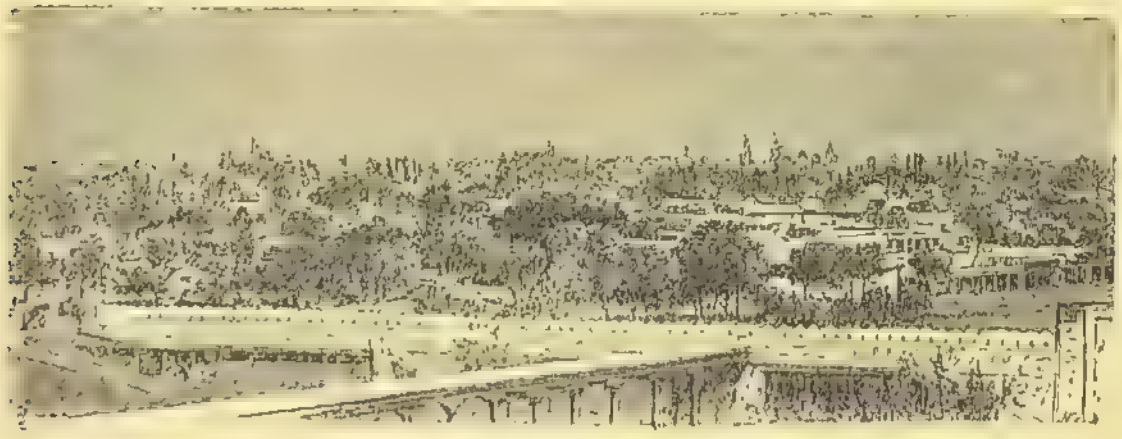
До покоренія Кокана русскими казнь преступниковъ производилась самымъ первобытнымъ образомъ: человѣка рѣзали, какъ барана. Въ послѣднюю минуту осужденный, понукаемый палачомъ, долженъ былъ прокричать славу хану и его правосудію, тогда палачъ отгибалъ ему голову и перерѣзалъ горло. Трупъ казненнаго, въ назиданіе прочимъ, оставался два дня на улицѣ.

На одной изъ улицъ, Федченко встрѣтилъ двухъ человѣкъ, скованныхъ вмѣстѣ: они просили милостыню. Изъ разспро-

совъ выяснилось, что скованныхъ такимъ образомъ арестантовъ выпускаютъ изъ тюремъ, предоставляя имъ бродить по городу и выпрашивать милостыню. Видъ этихъ несчастныхъ былъ ужасенъ. Въ однихъ рубахахъ, испитые, изможенные, бродили эти непризнаваемыя за людей существа, ни въ комъ не возбуждая жалости.

Снарядиться въ путь при незнаніи обычаевъ страны было дѣломъ далеко не легкимъ. Желаніе купить лошадей оказалось неосуществимымъ, и Федченко очень обрадовался, узнавъ, что есть возчики по профессіи «ишакчи», которые доставляютъ лошадей по 15 рублей въ мѣсяцъ и берутъ на себя заботу о нихъ и о вьюкахъ. Разыскавъ такого ишакчи, Федченко сговорился съ нимъ и получилъ отъ него письменное удостовѣреніе, обезпечивающее его полное послушаніе.

Устроивъ свой обозъ, накупивъ для подарковъ халатовъ, которые въ Коканѣ очень дешевы, получивъ отъ хана желанный документъ, обезпечивавшій содѣйствіе мѣстныхъ властей, и конвой въ восемь джигитовъ съ 70-лѣтнимъ караулъ-беги во главѣ, Федченко могъ наконецъ двинуться въ дальнѣйшій путь.



Городъ Коканъ.

Таджикъ.

IV. Отъ Кокана въ Исфару и къ леднику Щуровскаго.

Предполагалось посѣтить истоки рѣки Исфары и оттуда, если можно, пробраться на Заравшанскій ледникъ. Движеніе впередъ чрезвычайно задерживали вьюки, которые запаздывали и постоянно заставляли ждать себя. Волей-неволей приходилось дѣлать не болѣе 20—25 верстъ въ день, употребляя досужее время на геологическія изслѣдованія и собираніе коллекцій. Съемка пути на карту, въ виду подозрительности коканцевъ, представляла сначала большія затрудненія. Работа съ буссолью поручена была Ольгѣ Александровнѣ, которая, какъ женщина, меньше возбуждала недовѣрія. Помѣтки дѣлались на лету и уже вечеромъ, на ночлегѣ, наносились на планъ. На вопросы туземцевъ о буссоли имъ говорили, что это машинка для повѣрки часовъ, и они успокаивались. Первая часть пути пролегала по обработанной мѣстности: поля и кишлаки шли непрерывной цѣпью. Въ селеніи Яйпанъ экспедиція остановилась на ночлегъ. По азіатскому обычаю, путешественники, ѣхавшіе подъ охраной ханской грамоты, должны были всюду находить да-

ровой пріютъ и пищу. За эту даровщину, разумѣется, приходилось отдаривать, что, зачастую, обходилось, гораздо дороже. Приходилось отдаривать и за угощеніе прислуги, нанятой на своемъ содержаніи. Кромѣ того, для дарового постоя выбирались селенія болѣе зажиточныя, что часто вредило научнымъ цѣлямъ.

Въ Яйпанѣ путешественникамъ отвели домъ съ обширнымъ дворомъ, на которомъ помѣстились джигиты и лошади. Сами же Федченко разбили свою палатку на крышѣ отведеннаго дома.

Алексѣя Павловича поражало, что кокандцы, большіе любители лошадей, кормили ихъ тотчасъ по пріѣздѣ. Но лошади, повидимому, привыкли къ такому порядку и не особенно отъ него страдали. Лошадь Алексѣя Павловича захворала однакоже, воспаленіемъ кишекъ и кокандцы, народъ, по преимуществу, конный, не съумѣли ее вылечить. Лошадь повели за экспедиціей, но такъ какъ ей часъ отъ часу становилось хуже, то джигиты прикололи ее и съѣли. Павшую — они ѣсть бы не стали; но больную, зарѣзанную хотя бы въ послѣдній моментъ агоніи, употреблять въ пищу не считалось зазорнымъ.

Оставивъ обработанную мѣстность за собою, путники стали подниматься въ горы. Съ одной возвышенной площадки открывался прекрасный видъ на Ферганскую долину. На сѣверовостокѣ, тамъ, гдѣ стоялъ городъ Коканъ, виднѣлась сплошная масса зелени, сливавшаяся съ горизонтомъ. Полоса садовъ тянулась далеко на сѣверъ и пропадала во мглѣ. Такой обширной непрерывной массы зелени нигдѣ въ Средней Азіи не встрѣчается. Нельзя было не восхищаться, зная, что все это исключительно дѣло рукъ человѣческихъ.

День былъ знойный, подъемъ трудный, и жажда давала себя чувствовать. Легко себѣ представить, какъ обрадовались путешественники, увидавъ ручей. Каково же было разочарованіе, когда вода въ ручьѣ оказалась соленою, негодною для

питья. Федченко не предупредили, что на всемъ пути до Исфары, т. е. на протяженіи 30 верстъ, не будетъ воды, и потому онъ не сдѣлалъ запаса. По счастію, путешественниковъ выручили арбакеши (возчики арбъ), которые охотно подѣлились съ ними своими запасами.

Дорога то поднималась, то опускалась, то шла вдоль долинъ и ущелій. На краю одной изъ лощинъ показалась яркая зелень столь отрадная для глаза, утомленнаго видомъ безплоднаго камня. Это и былъ городъ, или вѣрнѣе селеніе Исфара, лежащая на берегу рѣки того же имени. Первое, что представилось глазамъ—была висѣлица. Чтобы въѣхать въ городъ, надо было непремѣнно проѣхать подъ нею. «Непріятное чувство овладѣло мною, говоритъ Федченко, когда я увидалъ надъ собою это орудіе казни».

Вечеромъ, Алексѣю Павловичу представили Сендъ-Ахмета, всѣми уважаемаго старца. Онъ пожелалъ видѣть европейцевъ, потому что давно, лѣтъ 30 тому назадъ, видѣлъ инглиза, т. е. англичанина, пріѣзжавшаго къ хану. За добрую память о европейцѣ его угостили, и подарили халатъ. Пользуясь словоохотливостью старика, Федченко надѣялся разузнать о пещерахъ, которыя будто бы находятся на Исфарѣ и о какомъ то зеркальномъ камнѣ, въ которомъ предметы отражаются, какъ въ зеркалѣ. О такомъ камнѣ Сендъ-Ахметъ не слыхивалъ, а относительно пещеръ сказалъ, что вѣроятно подъ ними разумѣется подземный арыкъ, проведенный лѣтъ сорокъ тому назадъ жителемъ селенія Суръ, Ташъ-баемъ.

Видъ, открывшійся по выѣздѣ изъ селенія, оказался единственнымъ въ своемъ родѣ. Широкая долина, до полуверсты въ поперечникѣ, обрамленная темными скалистыми горами, была почти сплошь покрыта полями и садами съ самой свѣжей зеленью. Небольшія возвышенности въ долинѣ тоже поросли зеленью и красиво разнообразили ландшафтъ. Голыя горы

круто спускались съ обѣихъ сторонъ къ долинѣ и своими черными, а мѣстами красными скалами еще рѣзче выдѣляли прелестную зелень долины. На заднемъ планѣ горы почти сходились, оставляя только тѣсный проходъ для рѣки.

Проѣхавъ небольшой кишлакъ Суръ, путешественники увидали Чарку, селеніе домовъ въ четыреста. Такое селеніе въ горахъ—большая рѣдкость и къ тому же расположеніе его представлялось крайне оригинальнымъ. Оно лежало въ лощинѣ и двѣ его боковыя горы были воздѣланы терассами съ разведенными на нихъ садами. Только вершины были голы, за невозможностью провести туда воду. Въ самой лощинѣ, благодаря обилію воды и защищенной мѣстности, воздѣлывается рисъ и растутъ деревья, свойственныя теплому климату.

Чтобы переѣхать изъ лощины Чарку въ слѣдующую, ворухскую, нужно было войти въ ущелье, по которому бьется и клокочетъ бурная рѣка Исфара. Дорога шла только съ одной стороны по осыпямъ, и сильный вѣтеръ, дувшій изъ ущелья, вздымалъ брызги и обдавалъ ими всадниковъ. Ночь застала путешественниковъ на обрывѣ, но, по счастью, скоро взошла луна, и они благополучно достигли селенія Воруха.

Садъ, отведенный для ночлега, былъ расположенъ весьма удачно. Сейчасъ, внизу, бѣжалъ бурный Кшемишъ, за нимъ возвышалась скалистая гора: по другую сторону терассами разстилались сады. Изъ южныхъ деревьевъ въ саду росли: урюкъ и грецкій орѣхъ. Что же касается кайрагача, тополей, тута, персиковъ, джидды *). вишни, айвы, то ими переполнены были всѣ сады. Былъ и виноградъ. но онъ служилъ больше какъ украшеніе. Поднимаясь по деревьямъ на значительную высоту, онъ даетъ мелкія и кислыя ягоды **).

*) Красивое мѣстное дерево съ мелкой серебристой листвой.

**) Въ настоящее время виноградъ воздѣлывается въ Туркестанѣ съ успѣхомъ.

Жители Воруха — таджики, говорятъ нарѣчіемъ близко подходящимъ къ персидскому языку. Черты лица ихъ правильны, совершенно азіатскаго типа. Волосы довольно длинные, борода и глаза черные. Они высоки ростомъ и стройны.

Изъ Воруха Федченко намѣревался ѣхать въ горы для научныхъ изслѣдованій, но это оказалось не такъ-то просто. Свита, которой не хотѣлось подниматься на горы, увѣряла, что туда дороги нѣтъ. Тоже утверждали и туземцы, подученные джигитами.

«А это откуда»? спросилъ Федченко, увидавъ подъ котломъ, въ которомъ варился пилавъ, можжевеловое полѣно. «Развѣ можжевельникъ у васъ въ садахъ растетъ»?

Таджикъ смутился, но тотчасъ же оправился и указалъ на тропинку, едва замѣтную для глазъ. Ясно было, что можжевельникъ оттуда можно было только сбрасывать, а о движеніи съ вьючной лошадью не могло быть и рѣчи.

Оглядѣвшись внимательно, Федченко замѣтилъ на лѣво довольно широкое ущелье и сдѣлалъ выводъ, что по немъ идетъ дорога въ горы.

«Вонъ дорога»,—сказалъ онъ караулъ-беги, глядя на него въ упоръ.

— «Да, точно, отвѣчалъ Караулъ-беги, вполнѣ увѣренный, что Федченко дѣйствительно видитъ дорогу. — но эта дорога ведетъ въ сосѣднее селеніе».

«Эти плуты водятъ меня за носъ, подумалъ Алексѣй Павловичъ, но я не дамъ себя провести. Я знаю, что дорога въ горы есть, и я найду ее».

Вдругъ, совершенно случайно, онъ встрѣтилъ на улицѣ таджика, который везъ на ослѣ дрова и сказалъ, что везетъ ихъ изъ лѣваго ущелья. Съ тріумфомъ привелъ Федченко этого человѣка въ лагерь и уличилъ свою свиту во лжи.

За хорошее вознагражденіе этотъ таджикъ согласился

вести экспедицію въ горы, но пройдя три версты, вдругъ объявилъ, что не знаетъ дороги. Было отчего придти въ отчаяніе. Наконецъ Провидѣніе сжалилось надъ путешественниками и послало имъ избавителя. Изъ бокового ущелья выѣхалъ всадникъ; костюмъ и посадка обличали въ немъ киргиза. Лошадь, которую онъ велъ въ поводу и небольшой вьюкъ показывали, что онъ ѣдетъ изъ дальней кочевки. Федченко черезъ переводчика предложилъ киргизу быть проводникомъ, прибавляя при этомъ, что онъ ѣдетъ съ разрѣшенія хана и что всякій, оказывающій ему содѣйствіе, тѣмъ самымъ дѣлаетъ угодное хану. Въ то время, какъ этотъ аргументъ въ соединеніи съ хорошей платой началъ дѣйствовать на киргиза въ желаемомъ направленіи, подъѣхалъ караулъ-беги. Опасаясь, чтобы этотъ хитрый старикъ не отговорилъ киргиза, Федченко сказалъ: «А вотъ у караулъ-беги и ханская грамота есть».

Дѣлать было нечего: караулъ-беги вынулъ грамоту, киргизъ съ благоговѣніемъ прочелъ ее и сказалъ, что онъ обязанъ исполнить повелѣніе хана.

Этотъ эпизодъ характеризуетъ условія, при которыхъ приходилось путешествовать. Совершенно такая же исторія повторялась при всякой попыткѣ ѣхать въ горы, и причиною этого была не враждебность туземцевъ и даже не подозрительность, а просто лѣнь, присущая всѣмъ азіатамъ. Въ селеніяхъ свита благодушествовала, объѣдалась пловомъ, спала сколько угодно; въ горахъ же можно было встрѣтить только голодъ, холодъ и утомленіе.

Дорога въ горы не только существовала, но была довольно широка и не камениста. Встрѣтился мазаръ (гробница святого) съ грудой приношеній въ видѣ роговъ различныхъ животныхъ. Брать эти рога было неудобно, изъ опасенія оскорбить религіозное чувство туземцевъ, но изслѣдовать на мѣстѣ этотъ огромный, вѣками накопленный матеріалъ, было бы крайне интересно.

Многіе изъ роговъ чрезвычайно ветхи, выв'ѣтрились и, кто знаетъ, очень можетъ быть, что между ними найдутся рога породъ, уже не существующихъ.

Дорога и дальше мазара была недурна. Появились даже пашни, принадлежавшія таджикамъ Воруха, тѣмъ самымъ,

Мазаръ (гробница святого).

которые утверждали, что въ горы нѣтъ дороги. Послѣдняя пашня лежала на высотѣ 8100 футъ надъ уровнемъ моря и была засѣяна ячменемъ. Ячмень здѣсь поспѣваетъ на два мѣсяца позже чѣмъ внизу, но ростъ его роскошный.

Поднявшись еще выше, путешественники напали на покрытую травой площадку «Чичикъ-яйлау», гдѣ и разбили свой лагерь Пригласивъ къ себѣ караулъ-беги и пянджабаши (десятника), Федченко надѣлъ на нихъ халаты, въ память того, что достигъ горъ. Разумѣется, это сдѣлано было съ цѣлью задобрить коканцевъ и расположить ихъ къ содѣйствію путешественнику въ его движеніи впередъ.

Пянджабаши, хорошо знавшій мѣстность, отправился на розыски кара-киргизскихъ ауловъ и къ вечеру привелъ нѣсколькихъ старшинъ. Угостивъ ихъ чаемъ, Федченко пода-

рилъ каждому сообразно его достоинству, кому халатъ, кому ситцу на рубашку, чтобы вернувшись въ свои аулы, они разсказали про гостепріимство русскихъ и расположили въ ихъ пользу своихъ угрюмыхъ сородичей. «Каждый разъ, говоритъ Федченко, когда азіаты получали подарокъ, внизу ли у сартовъ, въ горахъ ли у киргизъ, одаренный и всѣ присутствующіе прочитывали краткую благодарность, обращенную къ имени хана съ пожеланіемъ ему долгоденствія, хотя казалось бы, что ханъ тутъ не при чемъ. Разумѣется, я нисколько не былъ на это въ претензіи, а запишу это просто какъ курьезъ изъ мѣстныхъ обычаевъ».

Свитѣ Федченко очень не хотѣлось ѣхать далѣе. «Вѣдь мы уже въ горахъ, такъ чего же еще надо», говорили они. Но Алексѣй Павловичъ приказалъ вьючить лошадей, и экспедиція отправилась далѣе.

Дорога съ каждымъ шагомъ становилась хуже. Лошади съ трудомъ ступали по крупной галькѣ, цѣпляясь по крутизнѣ. При подъемѣ на гребень, дорога пошла крутымъ зигзагомъ и пришлось сойти съ лошадей. Во время подъема встрѣтилось нѣсколько ословъ, волочившихъ можжевеловые стволы; погонщики, таджики, были изъ Воруха. Далѣе, попалась цѣлая группа таджиковъ, рубившихъ можжевельникъ на значительной высотѣ и сбрасывавшихъ его внизъ. «Еще разъ удалось мнѣ показать джигитамъ, какъ лгали Ворухскіе таджики, увѣряя, что нѣтъ дороги въ горы», говоритъ Федченко.

Добравшись до перевала и взглянувъ внизъ, джигиты пришли въ ужасъ. Видъ былъ дѣйствительно величественно ужасенъ. Обрывъ шелъ почти отвѣсно, а внизу виднѣлась узкая сѣрая полоска, которая оказалась потомъ большой рѣкой. Барометрическое измѣреніе показало, что отъ мѣста, гдѣ стояли путешественники, до дна пропасти было 400 саженъ.

Ледникъ Шуровскаго и истоки рѣки Исфары.

Ишакчи объявилъ, что ни за что не пойдетъ далѣе, такъ какъ всѣ его лошади свалятся въ бездну. Федченко обѣщалъ заплатить ему за каждую погибшую лошадь, и, чтобъ ободрить своихъ спутниковъ, двинулся первый. Вначалѣ дѣйствительно дорога была крута и опасна, но постепенно она стала дѣлаться отложе и путешественники благополучно спустились, держа лошадей въ поводу.

Спустившись въ поясъ, гдѣ можжевельникъ растетъ уже въ видѣ дерева, путешественники наткнулись на киргизскій аулъ, разбросанный на берегу рѣчки. Узнавъ, что эта рѣка вытекаетъ изъ ледника, Федченко рѣшилъ посѣтить его и направился по дорогѣ, протоптанной скотомъ, гоняемымъ на пастбища.

Гора, Хотуръ-Тау, лежащая справа, оканчивалась къ ущелью страшнымъ обрывомъ. Съ нея стекало нѣсколько ручьевъ, по большей части каскадами. Тутъ были водопады самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и формъ: одни падали сначала тонкой струей, но попавъ на скатъ, расширялись и изливались скатертью; другіе, маленькіе, пропадали въ воздухѣ, разсыпавшись мелкою пылью. Всего эффектнѣе былъ каскадъ, падавшій на выступъ скалы въ разсѣлинѣ. Брызги клубами наполняли разсѣлину и то лѣзли по ней вверхъ, закрывая потокъ, то вихремъ вырывались изъ нея и тогда потокъ открывался во всей своей красотѣ. Нельзя было не залюбоваться на эти каскады. Въ отличіе отъ Европейскихъ Альпъ въ средне-азіатскихъ горахъ каскады очень рѣдки и встрѣчаются только въ самомъ верхнемъ альпійскомъ поясѣ.

Поднявшись нѣсколько выше, путешественники увидали, что ущелье замкнуто сѣрою массою, которая и оказалась ледникомъ. Нѣкомъ кое-какъ добрались до него и открыли мѣсторожденіе рѣки. Пробивъ себѣ путь черезъ невысокую гряду камней, рѣка начиналась порогами и потомъ разбива-

лась на нѣсколько рукавовъ. Сверху, по мѣрѣ таянья льда, безпрестанно валились камни. Отскакивая отъ ледянаго слоя, они стремительно летѣли внизъ и отъ силы паденія откатывались на нѣсколько саженъ. Высота, съ которой они сваливались, равнялась 12-ти саженямъ.

Препараторъ пожелалъ влѣзть на самый ледникъ, что ему и удалось. Оказалось, что поверхность его усѣяна сплошь обломками камней, между которыми пріютилось нѣсколько растеній.

У ледника нашли шалаши, сложенные изъ камней пастухами; здѣсь и расположились джигиты на ночь. Путешественники разбили себѣ палатки.

Когда, на слѣдующій день, Федченко отправился осматривать ледникъ, съ нимъ пошли препараторъ и охотникъ. Ни за какую цѣну нельзя было уговорить джигитовъ ему сопутствовать. Г-жа Федченко осталась на мѣстѣ, чтобъ срисовать ледникъ.

Дорога вверхъ затруднялась горными потоками, которые съ большимъ рискомъ приходилось перескакивать. На извѣстной высотѣ ледникъ оканчивался, и дальше шла мягкая земля, покрытая альпійской растительностью. Здѣсь охотнику удалось убить уллара, большую горную куропатку, а двухъ ея дѣтенышей взять живьемъ.

Извѣстно, что на высокихъ горахъ въ такъ называемомъ альпійскомъ поясѣ, рядомъ со льдомъ глетчеровъ (ледниковъ) уживается богатѣйшая флора.

Объясняется это тѣмъ, что, несмотря на близость льда, солнце припекаетъ сильно и влаги, столь необходимой для растеній, болѣе чѣмъ достаточно. Интересно также то обстоятельство, что растительность такихъ альпійскихъ луговъ по своему составу и по своей внѣшности имѣетъ много общаго съ растительностью полярныхъ странъ.

То же можно сказать и о животныхъ: и между ними есть формы общія полярнымъ странамъ и альпійскому поясу горъ.

Высокая температура днемъ на большихъ высотахъ явленіе на столько обыкновенное, что Федченко въ подобныя экскурсіи никогда не бралъ съ собою теплаго платья, а надѣвалъ тотъ же полотняный костюмъ, въ которомъ путешествовалъ по знойнымъ пескамъ Кизылъ-Кумъ.

Неутомимые изслѣдователи все продолжали подниматься. Они поднялись на такую высоту, что трудно стало дышать. Отсюда ледникъ видѣнъ былъ, какъ на ладони. Алексѣю Павловичу захотѣлось измѣрить его. Спрыгивая съ уступа на уступъ, онъ и его путники спустились на самый ледъ. Здѣсь уже можно было двигаться быстро, какъ по паркету.

Чтобы увидать цвѣтъ и строеніе льда, прикрытаго коркой. Федченко приподнялъ нѣсколько камней, и былъ пораженъ, увидавъ подъ ними черную шевелящуюся массу. Это были мелкія, чернаго цвѣта насѣкомыя, носящія названіе подуръ. Обыкновенныя подуры встрѣчаются всюду подъ камнями и въ гнилыхъ листьяхъ, но это, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ особый видъ, исключительно свойственный ледникамъ и водящійся также на ледникахъ Европейскихъ Альпъ.

Идти дальше представлялось опаснымъ; приближалась ночь и появились тучи. Сообразивъ направленіе ледника, Федченко разсчитывалъ сократить путь, но ему вскорѣ пришлось разочароваться. Встрѣтилась трещина, потомъ другая, и, сколько могъ окинуть глазъ, имъ и конца не было. Чѣмъ дальше, тѣмъ шире онѣ дѣлались. Черезъ первую перешагнули, черезъ вторую перескочили, а передъ третьей остановились, разсчитывая, хватитъ ли усилій для необходимаго прыжка. Въ трещинахъ было темно, высоты сообразить

нельзя, а по шуму слышно, что на днѣ ихъ течетъ ручей. Не имѣя ничего кромѣ веревки, путники не рѣшились идти далѣе и, увидавъ пологій спускъ, повернули къ нему. Вдругъ, глазамъ ихъ неожиданно представилось озерко, которое и преградило имъ путь. Огибая озерко, наткнулись на громадную трещину, изъ которой вода каскадомъ лилась въ озерко. Съ трудомъ пробравшись къ ложбинѣ, гдѣ надѣялись найти хорошій спускъ, путники увидали, что въ эту ложбину изливается озеро, черезъ небольшой перерывъ въ грядѣ камней. Путь впередъ былъ отрѣзанъ. Внизъ спускаться не было возможности; потокъ падалъ съ камня на камень каскадами. Идти вверхъ и искать прежняго пути заняло бы столько времени, что пришлось бы заночевать. Положеніе было неутѣшительное. Попробовали навалить камней, чтобъ переправиться черезъ потокъ въ бродъ. Оказалось, что у самаго истока большая глубина. Пониже удалось кое-какъ укрѣпить нѣсколько камней. Охотникъ прыгнулъ первый, но камень подъ нимъ пошатнулся и онъ чуть не свалился въ сторону каскада; тутъ бы ему и смерть. По счастью, ему удалось сохранить равновѣсіе, и онъ перебрался на другую сторону. За нимъ, съ помощью веревки, перебрались и остальные. Вскорѣ открылось еще озеро, длинное, но узкое. Удалось преодолѣть и это препятствіе. Въ одномъ мѣстѣ озеро съуживалось настолько, что его можно было перейти по огромнымъ, лежавшимъ въ этомъ промежуткѣ камнямъ. Дальше спускъ былъ легкій, и путешественники благополучно добрались до лагеря. Вся экскурсія на ледникъ продолжалась около 10 часовъ.

Новооткрытый ледникъ Федченко назвалъ именемъ извѣстнаго геолога, путешественника и изслѣдователя Щуровскаго, принимавшаго дѣятельное участіе въ организаціи настоящей экспедиціи.

Алексѣю Павловичу хотѣлось еще разъ изслѣдовать ледникъ и потомъ, переваливъ черезъ гору, спуститься къ Заравшану. Но едва онъ высказалъ это намѣреніе, какъ между джигитами поднялся вой и плачъ. И лошади то ихъ околѣютъ, и сами то они перемерзнутъ. Федченко зналъ, что все это вздоръ, но поневолѣ долженъ былъ покориться.

Вернувшись въ Ворухъ и переночевавъ тамъ, путешественники отправились въ Сохъ. Пришлось проѣзжать тѣснину до того узкой, что въ ней не было свѣта. Старый караулъ-беги все время творилъ молитву и съ ужасомъ посматривалъ наверхъ, на нависшіе камни, которые, казалось, сейчасъ упадутъ на голову. За тѣсниной открылась лощина, по которой шла хорошая дорога.

Въ этотъ переѣздъ коллекція естествоиспытателя обогатилась многими рѣдкими экземплярами растеній и насѣкомыхъ.

Остановившись на ночлегъ въ киргизскомъ аулѣ Карабулакъ, Алексѣю Павловичу пришлось убѣдиться въ томъ, что въ культурномъ отношеніи, издавна осѣдлые инородцы Ферганы таджики, узбеки и сарты гораздо выше киргизъ и что первымъ принадлежитъ будущность. Издали можно узнать селеніе осѣдлыхъ киргизъ по отсутствію садовъ. Кой гдѣ торчатъ нѣсколько деревьевъ надъ группой киргизскихъ мазанокъ, раскаляемыхъ палящими лучами солнца. У сартовъ же, напротивъ, густые сады тянутся на нѣсколько десятковъ верстъ и издали кажутся лѣсами, за которые и принимали ихъ нѣкоторые путешественники. Эта разница особенно поразительна въ мѣстности, гдѣ условія культуры одинаковы, напримѣръ, въ долинахъ рѣкъ Чирчика и Келеса. Въ первой трудятся сарты, во второй — киргизы, и разстоянія между ними всего нѣсколько верстъ.

На прямомъ пути изъ Карабулака въ Сохъ лежатъ не-

высокія, но скалистыя горы, недоступныя даже для всадника, потому экспедиціи пришлось сдѣлать порядочно крюку, чтобъ обогнуть ихъ.

При въѣздѣ въ селеніе Сохъ, лежащее на рѣкѣ того же имени, путешественникамъ снова пришлось проѣхать подъ висѣлицей. Это, впрочемъ, была послѣдняя, которую они встрѣтили на пути.

Въ Сохѣ экспедиціи отвели цѣлую группу садовъ, лежащихъ терассами. Послѣ восьмидневнаго безостановочнаго движенія пріятно было отдохнуть. Здѣсь, супруги Федченко имѣли удовольствіе получить письма и газеты изъ Ташкента и Россіи. За отсутствіемъ почты, корреспонденція была прислана съ нарочнымъ; съ нимъ же послали и отвѣтъ.

Жители Соха берутъ воду для садовъ и полей не изъ рѣки, протекающей тутъ же, а изъ ключа въ трехъ-верстномъ разстояніи отъ селенія. Этотъ ключъ, дѣйствительно, поражаетъ своей грандіозностью. Въ вершинѣ небольшой ложбины находится обложенный камнями круглый бассейнъ, сажени три въ поперечникѣ. На днѣ его съ большой силой бьетъ ключъ холодной, прозрачной воды. Справа и слѣва вода выливается изъ бассейна въ большіе арыки, идущіе къ Соху.

Такіе ключи существуютъ въ Зарафшанской долинѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ, и многія селенія пользуются ими. Въ такой мѣстности какъ Туркестанъ, гдѣ безъ искусственнаго орошенія ничего не родится, геологическія изслѣдованія могли бы оказать большую услугу странѣ. Лишь при помощи ихъ можно съ достаточной точностью опредѣлить мѣстонахожденіе подземныхъ водъ и возможность воспользоваться ими. Увеличеніе же количества воды, пригодной для орошенія, дозволило бы воздѣлывать гораздо бо́льшую поверхность страны.

Отдохнувъ въ Сохѣ, экспедиція отправилась 30-го іюня въ Шахимарданъ, одно изъ самыхъ живописныхъ горныхъ поселеній въ ферганской долинѣ.

Осѣдлые киргизы Ферганы.

V. Отъ Шахимардана въ Учъ-Курганъ.

Шахимарданъ лежитъ при сліяніи двухъ рѣчекъ, Аксу и Карасу, въ мѣстѣ соединенія двухъ долинъ продольной и поперечной. Образовавшійся такимъ образомъ трехугольникъ занятъ селеніемъ, сады котораго поднимаются по склонамъ и далеко вдаются въ долины и ущелья. На возвышенности, живописно драпируясь въ зелень, выстроенъ монастырь при гробницѣ похороненнаго тамъ святого. Селеніе во времена Федченко было приписано къ монастырю и платило ему подать — «вакуфъ».

Узбекъ.

Путешественникамъ объявили, что они находятся въ гостяхъ у «мутевали», т. е. настоятеля монастыря, что предложенное имъ гостепріимство зависитъ вполнѣ отъ его доброй воли, и что ни бекъ Маргеланскій, ни даже самъ ханъ не могутъ его къ тому принудить. Федченко велѣлъ поблагодарить мутевали и изъявилъ желаніе посѣтить его.

Къ гробницѣ Шахимардана, самаго знаменитаго святого въ Кокапскомъ ханствѣ послѣ Азрета, стекаются богомольцы не только изъ разныхъ частей ханства, но и изъ сосѣднихъ владѣній. Самъ ханъ пріѣзжаетъ сюда на поклоненіе.

На слѣдующій день вся свита Федченко вымывшись и надѣвъ чистое бѣлье, посѣтила гробницу и вернулась въ великомъ умиленіи. Около полудня мутевали принялъ путеше-

Шахрисабзъ.

ственниковъ, но не въ комнатѣ, гдѣ онъ находился съ своею свитою, а на галлереѣ, возлѣ нея. Онъ разговаривалъ съ посѣтителями черезъ открытую дверь, очевидно разыгрывая важную персону. Вдругъ, къ немалому удивленію Алексѣя Павловича, ему объявили, что передъ началомъ обѣда прочтутъ молитву за путешествующихъ. Зная фанатизмъ мусульманъ и ихъ презрѣніе къ гяурамъ (невѣрнымъ), такая любезность могла показаться странной. Только позднѣе, припомнивъ посѣщеніе другихъ святынь мусульманскихъ, Федченко понялъ, что терпимость правовѣрныхъ происходитъ отъ корыстныхъ побужденій. За любезность чужеземцы платятъ любезностью, которая выражается въ приношеніяхъ.

Однако же до гробницы святого Федченко не допустили, сказавъ прямо, что для невѣрнаго это невозможно. Даже переводчика, мусульманина попросили снять русскій мундиръ и надѣть халатъ. Только въ такомъ видѣ онъ оказался достойнымъ войти въ святилище.

На 3-е іюля назначено было выступленіе изъ Шахимардана въ Караказукъ, но неожиданно явилась депутація отъ жителей и принялась усердно упрашивать путешественниковъ не идти въ горы, такъ какъ тамъ можетъ быть сдѣлано нападеніе племенами, враждебными хану. Федченко сразу понялъ, что это интриги караулъ-беги и, выведенный изъ терпѣнія, рѣшился послать въ Коканъ къ мехтеру съ просьбою приказать караулъ-беги не задерживать движенія. Ему, во что бы то ни стало, хотѣлось посѣтить горы и побывать на Алаѣ, о которомъ разсказывали столько интереснаго. (Самое имя Алай значитъ «удивляйся»).

Засѣвъ въ Шахимарданѣ по крайней мѣрѣ дней на пять, Федченко занялся изслѣдованіемъ селенія и его окрестностей. Въ отведенномъ для него саду у самой рѣки, какъ разъ у мѣста сліянія Аксу и Карасу, росли прекрасныя урюковыя

деревья, дававшія много тѣни и сочные плоды. Бурная рѣчка, разбиваясь о камни, мелкой пылью наполняла воздухъ и освѣжала его. Въ протекающей рѣчкѣ мальчишки ловили рыбу маринку, и Федченко купилъ у нихъ лучшіе экземпляры. На небольшой площадкѣ у берега рѣки, открытой для солнца и поросшей растеніями, летала масса насѣкомыхъ. Для коллектора это былъ настоящій рай. Въ одинъ день было собрано 725 экземпляровъ, а за шести-дневное пребываніе въ Шахимарданѣ—1,700 экземпляровъ насѣкомыхъ разныхъ родовъ. Хорошую добычу доставляли также камни, лежавшіе на берегу; подъ ними были найдены во множествѣ жуки, слизняки и т. п. животныя.

Путешественники посѣтили озеро Кутбанъ-куль, въ семи верстахъ отъ Шахимардана. Это горное озеро не велико, но очень красиво. Оно лежитъ въ котловинѣ, окруженной почти отвѣсными горами. Только южный берегъ довольно пологъ, покрытъ рѣдкими деревцами, между которыми виднѣются зимовки киргизовъ. Джигиты увѣряли, что за озеромъ нѣтъ никакой дороги, но на одной изъ скалъ Федченко увидалъ киргиза съ ношей и пошелъ по тому же направленію. Дорога дѣйствительно была, если можно назвать дорогою головокружительную костоломку, какъ будто нарочно устроенную для того, чтобы человѣкъ непрестанно думалъ о смерти. Этотъ адскій путь проложенъ былъ по выступамъ скалъ и шелъ по склону, почти отвѣсному. Тамъ, гдѣ карнизъ былъ слишкомъ узокъ, въ скалы уперты были можжевеловыя бревна, образуя висящіе надъ озеромъ балконы, по которымъ нужно было подниматься и очень круто. Какъ все это держалось — понять невозможно.

Поднявшись по этой костоломкѣ на нѣсколько саженъ, Федченко повернулъ назадъ. Пройти трудное мѣсто и вернуться засвѣтло нельзя было успѣть, а рисковать жизнью

Озеро Кутбанъ-куль близъ Шахимардана.

только для того, чтобы показать кокандцамъ свою неустрашимость — не стоило.

На обратномъ пути въ разсѣлинѣ скалы попалась змѣя — одинъ изъ ядовитыхъ видовъ. Вообще же змѣи не часто встрѣчаются въ Туркестанѣ и большинство изъ нихъ не ядовито.

7 іюля, вечеромъ, пришло, наконецъ, письмо изъ Кокана. Увѣдомляя объ отсутствіи хана, мехтеръ писалъ, что лучше бы его пріятелю А. П. Федченко не ходить въ горы, такъ какъ тамъ могутъ напасть на него враждебные хану каратегинцы.

Сообразивъ, что мехтеръ боится, какъ бы его пріятель не поѣхалъ къ каратегинцамъ, Федченко, чтобъ успокоить его, написалъ, что онъ доѣдетъ только до перевала и вернется назадъ.

Выѣхавъ изъ Шахимардана 8 іюля, экспедиція въ тотъ же день прибыла въ селеніе Іордапъ. Не доѣзжая Іордана попалось очень интересное мѣсто: обширныя развалины когда-то бывшаго тутъ селенія. По разсказамъ, селеніе разрушилось отъ внезапно осѣвшей почвы, и много людей погибло. На южной окраинѣ осѣвшаго пространства, по обрыву, саженп въ четыре видно, на какой высотѣ оно было.

До сихъ поръ путешественники ѣхали очень сносной дорогой, но за Іорданомъ она смѣнилась каменистой, проложенной надъ рѣкой. Рѣка текла здѣсь въ узкой щели съ очень обрывистыми и легко разрушающимися стѣнами. Множество камней лежало въ руслѣ и рѣка, пѣнясь, прыгала черезъ нихъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ стѣны ущелья, какъ видно, особенно сильно обрушились, русло было совсѣмъ завалено камнями и рѣка, образовавъ озеро, каскадомъ переливалась черезъ преграду. Дорожка тоже была очень стѣснена, и дальше, надъ озеромъ, пошла такимъ

узкимъ карнизомъ, что юзъ-баши, сопровождавшій экспедицію, совѣтовалъ не ѣхать далѣе или, по крайней мѣрѣ, сойти съ лошади.

«Я не дѣлалъ этого, пишетъ Федченко, чтобы не показать, что я трушу. Но когда, круто спустившись, пришлось проѣзжать по узкому мостику, прилѣпленному къ скалѣ, и потомъ опять подниматься, я сошелъ съ лошади, не боясь уронить себя въ глазахъ коканцевъ, такъ какъ они это сдѣлали раньше меня. Странное дѣло: пока сидишь на лошади, самыя трудныя мѣста кажутся проходимыми; но когда сойдешь, такъ и кажется, что тутъ ни за что не проѣхать».

Спустившись, путешественники попали на дно другого озера, уже высохшаго. Здѣсь росла порядочная рощица, но по всему видно было, что она не долговѣчна. Изсякнетъ влага, насытившая почву, и деревья погибнутъ; многія изъ нихъ уже начали чахнуть.

Погода внезапно испортилась; пошелъ дождь, снѣгъ и путешественники очень обрадовались, увидавъ лѣтовку Караказукъ. На площадкѣ, поросшей огромными можжевельниками, раскинуто было нѣсколько кибитокъ, и между ними деревянная постройка,— большая рѣдкость въ здѣшнихъ мѣстахъ. Можжевеловыя бревна, поставленныя вертикально, не были ни пригнаны, ни притесаны, и изо всѣхъ щелей дуло; но Федченко и его жена предпочли эту сквозную постройку кибиткѣ съ ея паразитами. Потомъ оказалось, что эта постройка предназначалась для мечети и въ то же время для странноприимнаго дома. Въ исландскихъ селеніяхъ церкви также служатъ пріютомъ для путешественниковъ. Странное совпаденіе обычаевъ на двухъ противоположныхъ концахъ вселенной.

Киргизы приняли пріѣзжихъ очень радушно и для угощенія ихъ зарѣзали барана. Взявъ у нихъ кусочекъ мяса,

Федченко задумалъ сварить супъ. Весело трещали можжевеловыя полѣнья подъ котелкомъ, въ которомъ варился бульонъ. Федченко и его жена сидѣли противъ костра и смотрѣли на огонекъ въ предвкушеніи горячаго супа. Было уже темно. Вдругъ послышался необыкновенный шумъ. Стадо коровъ, испугавшись чего то, сбѣжало съ верхнихъ пастбищъ и одна шальная корова, наскочивъ на костеръ, опрокинула котелокъ. Отъ бульона осталось одно воспоминаніе.

Сопротивленіе джигитовъ къ дальнѣйшему движенію въ горы продолжалось. Въ одномъ мѣстѣ они просто сошли съ лошадей и объявили, что не поѣдутъ далѣе. Твердо рѣшившись доѣхать до перевала, Федченко, не обращая вниманія на джигитовъ, сказалъ женѣ: «поѣдемъ», и двинулся далѣе, вполнѣ увѣренный, что джигиты не оставятъ ихъ однихъ. Такъ и вышло. Джигиты помялись немного; съ поворота дороги видно было, какъ они стояли въ тѣхъ же позахъ, спѣшившись, и какъ будто совѣщались. Вдругъ они вскочили на коней и пустились догонять путешественниковъ.

Достигнувъ перевала, Федченко и не подозрѣвалъ, что находится на разстояніи суточнаго пути отъ Алая, того самаго Алая, на который онъ прибылъ черезъ 10 дней. Игра, которую велъ съ нимъ кокандскій конвой, стоила ему 5—6 дней пути, т. е. слишкомъ ста верстъ. Между тѣмъ политическихъ причинъ для проѣзда изъ Караказука на Алай никакихъ не было. Вся исторія вышла отъ трусости и лѣни караулъ-беги и кокандскихъ джигитовъ.

Съ перевала путешественники снова вернулись въ аулъ и на слѣдующій день, 11-го іюля, двинулись обратно въ Шахимардапъ. Федченко распредѣлилъ движеніе такъ, чтобы проѣхать той частью ущелья, гдѣ росли лиственныя деревья. Въ горахъ, на югъ отъ Ферганы, лѣсовъ почти вовсе нѣтъ и лишь по берегамъ ручьевъ и по склонамъ нѣкоторыхъ ущелій ро-

стутъ рѣдко разбросанныя деревья. Хотя отсутствіе лѣсовъ придаетъ нѣкоторую безжизненность пейзажу, но для изслѣдователя и путешественника оно очень выгодно. Оно даетъ возможность знакомиться съ мѣстностью, а для геолога весьма важно видѣть разрѣзы*) ничѣмъ не скрытые. Самая быстрота завоеванія русскими Туркестана находится въ прямой связи съ отсутствіемъ лѣсовъ. При всей энергіи и храбрости войскъ движеніе было бы замедлено на многіе годы, еслибы существовали лѣса.

При выѣздѣ изъ Шахимардана экспедиція встрѣтила толпу странныхъ людей въ халатахъ изъ пестрыхъ лоскутковъ и въ острокопечныхъ шапкахъ. При проѣздѣ путешественниковъ они что то пѣли и съ большимъ почтеніемъ пропускали ихъ мимо. Федченко принялъ ихъ за нищихъ или за шутовъ, вышедшихъ въ базарный день потѣшить народъ. Оказалось, что это были «дованы», странствующіе дервиши, а пѣли они напутственныя молитвы, разсчитывая на подаяніе, но Федченко не далъ имъ ничего, чѣмъ очень огорчилъ караулъ-беги.

По сравнительно хорошей дорогѣ, безъ всякихъ приключеній, экспедиція добралась 14-го іюля до Учъ-Кургана, гдѣ должна была снарядиться для экскурсіи на Алай. Въ Учъ-Кургапѣ жилъ изгнанный правитель Каратегина, Музафаръ-ша, и супруги Федченко пожелали сдѣлать ему визитъ. Музафаръ-ша только что схоронилъ жену, молодую 16-лѣтнюю женщину, и потому визитъ былъ отложенъ до слѣдующаго дня.

Музафаръ-ша принялъ путешественниковъ въ красивомъ саду на отвѣсномъ обрывистомъ берегу рѣки. На самомъ краю былъ выстроенъ домикъ съ галлереей, гдѣ и происходило свиданіе. Мущина принялъ Музафаръ-ша на галлереѣ, а г-жу Федченко попросили въ комнату, гдѣ находилась мать умершей.

*) Разрѣзами геологи называютъ такія обнаженія горныхъ породъ, на которыхъ видна послѣдовательность ихъ пластованія. Особенно часто образуются разрѣзы рѣчками, прорѣзающими хребты.

Дованы (странствующіе дервиши).

Только что Ольга Александровна появилась на порогѣ, какъ раздались страшные вопли: мать причитала по умершей. Лицо ея было страшно обезображено глубокими царапинами, покрытыми запекшеюся кровью. Г-жа Федченко растерялась и не знала, что ей дѣлать. Утѣшать на незнакомомъ языкѣ она не имѣла возможности; отдать привезенные подарки въ такую критическую минуту считала неумѣстнымъ.

Музафаръ-ша оказался здоровеннымъ 34-лѣтнимъ дѣтиной огромнаго роста. Смуглый, съ окладистой черной бородой, въ шелковомъ халатѣ на мерлушкѣ, въ туфляхъ на босую ногу, онъ мало походилъ на другихъ средне-азіатскихъ правителей; свободное и довольно искреннее обращеніе съ чужеземцами показывало, что человѣкъ этотъ выросъ и развился въ странѣ съ нѣсколько иными условіями.

Музафаръ-ша доставилъ Федченко много интересныхъ топографическихъ данныхъ относительно Каратегина и сосѣднихъ владѣній, при чемъ изображалъ все это довольно картинно. Ударивъ себя въ грудь, онъ сказалъ, что это Каратегинъ; правая рука будетъ Мача; лѣвая — Дарвазъ; правая нога — Гиссаръ, лѣвая — Кулябъ; голова — Кокандъ.

Не мало интересныхъ свѣдѣній сообщилъ Музафаръ-ша и относительно той загадочной страны — Памира, которая такъ интересовала Федченко.

Азіатъ никакъ не могъ понять, почему Памиръ такъ интересуетъ путешественника. «И что вы такъ разспрашиваете объ этакомъ дурномъ мѣстѣ?» сказалъ онъ наконецъ, когда разспросы начали ему, повидимому, надоѣдать. Очевидно, онъ привыкъ измѣрять значеніе мѣстности по ея доходности и далекъ былъ отъ тѣхъ увлеченій, которыя одно слово «Памиръ» вызываетъ во всѣхъ занимающихся изученіемъ Средней Азіи.

Разговоръ надо было вообще вести очень осторожно, чтобы не задѣть щекотливаго предмета о низложеніи Музафаръ-ша.

Видно было, при упоминаніи о Кокандѣ, какая буря бушевала у него въ груди, но онъ сдерживался и въ присутствіи кокандцевъ разыгрывалъ изъ себя преданнаго хивинскаго слугу.

Въ самый разгаръ бесѣды появилось новое лицо. Дядька-халатникъ принесъ на спинѣ 6-лѣтняго сына Музафара. Ребенокъ отлично умѣлъ ходить, но былъ крайне лѣнивъ и апатиченъ и, когда ему нужно было перемѣнить мѣсто, онъ вскакивалъ на спину своего дядьки и приказывалъ нести себя куда нужно. Дядька относился къ нему съ чрезвычайной нѣжностью и съ гордостью разсказывалъ Федченко, что онъ спасъ своего воспитанника, когда на столицу его отца напалъ непріятель.

Дѣвочка киргизка.

Визитъ затянулся далеко за время вечерняго намаза. Музафаръ намекнулъ, что ему нужно молиться, и путешественники поспѣшили раскланяться.

На слѣдующій день прибыло въ Учъ-Курганъ нѣсколько кокандцевъ, присланныхъ мехтеромъ для усиленія конвоя и съ ними новый начальникъ мирза Едгаръ на мѣсто прежняго караулъ-беги, который получилъ разрѣшеніе вернуться въ Коканъ. Такая перемѣна была очень пріятна Алексѣю Павловичу.

Мирзу Едгара Федченко встрѣчалъ въ началѣ своего путешествія. Онъ держалъ себя молодцевато, посмѣиваясь, выслушивалъ жалобы Федченко на трусость караулъ-беги и все говорилъ: «вотъ кабы я...». Алексѣй Павловичъ припомнилъ это и, поздравивъ его начальникомъ конвоя, прибавилъ: «ну, теперь мы съ вами всюду поѣдемъ».— «Куда велите», отвѣтилъ онъ.

VI. Въ Алай.

Когда путешественники пріѣхали въ Учъ-Курганъ, вода въ рѣкѣ и въ отведенныхъ изъ нея арыкахъ была темная, грязная, какъ въ большинствѣ другихъ рѣкъ. На другой день

Женщины племени таджиковъ.

вода въ протекавшемъ черезъ садъ арыкѣ сдѣлалась ярко-красною, какъ кровь, и при отстаиваніи давала осадокъ того-же цвѣта. Затѣмъ, въ теченіи дня она принимала самые разнообразные оттѣнки, приближаясь болѣе къ сѣрому цвѣту.

Разспросы у туземцевъ не дали объясненія. Позднѣе Федченко открылъ, что причина такихъ рѣзкихъ измѣненій въ цвѣтѣ находится въ самыхъ истокахъ рѣки. Ручьи, изъ которыхъ она составляется, протекаютъ черезъ глины разныхъ

цвѣтовъ: желтыя, красныя, сѣрыя, и т. д. Размывая эти глины, ручьи принимаютъ ихъ цвѣтъ. Величина ручьевъ измѣняется безпрестанно. Это зависитъ отъ таянія снѣговъ въ горахъ, отъ дождей, отъ вѣтровъ и т. п. Какой ручей въ данную минуту сильнѣе, тотъ и окрашиваетъ питаемую имъ рѣку въ свой цвѣтъ.

По выѣздѣ изъ Учъ-Кургана, уже на четвертой верстѣ путешественники вступили въ горы. Горы такъ близко подходятъ къ рѣкѣ, что едва остается мѣсто для дороги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уцѣлѣли завалы, устроенные во время междоусобій въ ханствѣ. Туземцы разсказывали, что нѣсколько засѣвшихъ здѣсь киргизовъ отразили ханскій отрядъ.

Къ вечеру путники прибыли къ пограничному караулу, гдѣ въ кибиткахъ жило нѣсколько джигитовъ, наблюдавшихъ за проѣзжающими. Федченко хотѣлось ѣхать далѣе, но джигиты упросили его остаться, за что потомъ онъ былъ имъ очень благодаренъ. Поднялась гроза съ сильными порывами вѣтра. Палатку такъ сильно покачнуло, что Алексѣй Павловичъ едва успѣлъ схватить барометръ и передать его женѣ. Палатку Федченко съ помощью джигитовъ удалось укрѣпить, а палатку препаратора сорвало, и она упала на него. Гроза, сама по себѣ, была очень сильна, но она казалась еще сильнѣе отъ раскатовъ грома, повторяемыхъ горнымъ эхомъ. Потомъ пошелъ дождь, проникъ въ палатку и до костей промочилъ путешественниковъ.

Отъ самаго ночлега началась прескверная и мѣстами опасная дорога. Она шла то правымъ, то лѣвымъ берегомъ рѣки, соединенная животрепещущими мостиками, на которыхъ взглянуть было страшно. При этомъ путь затруднялся еще безпрестанными подъемами и спусками. Въ одномъ мѣстѣ къ отвѣсному почти утесу прикрѣпленъ былъ карнизъ, на который плескала вода. Порою дорога отклонялась отъ рѣки и тогда приходилось ѣхать по камнямъ и обломкамъ скалъ. Случалось, что ноги лошади увязали между камнями.

Эта милая дорога у туземцевъ считается хорошею; прежняя, говорятъ, была еще опаснѣе. Глядя на уцѣлѣвшіе кое-гдѣ слѣды ея, этому можно повѣрить. Она не спускалась къ рѣкѣ и не обходила опасныхъ стремнинъ, а прямо огибала выступы голыхъ скалъ, лѣпясь по прилегающимъ къ скаламъ наносамъ.

Эта часть пути прошла не совсѣмъ благополучно; одна вьючная лошадь свалилась въ рѣку. Ишакчи съ большимъ трудомъ удалось спасти лошадь и вытащить вьюкъ изъ неглубокой, по счастью, рѣки.

Такая адская дорога продолжалась и слѣдующія сутки. Путешественники разсчитывали попасть къ ночи въ аулъ, раскинутый на горной площадкѣ — Исфайрамъ, или Тепгисъ-бай; но скверная дорога задержала вьюки, а Федченко не хотѣлъ оставлять ихъ. Наступила ночь такая темная, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Ишакчи ныль и увѣрялъ, что онъ всѣхъ лошадей растеряетъ; пришлось остановиться на ночлегъ тамъ, гдѣ стояли. Ночь была такъ холодна, что палатки покрылись инеемъ, а бѣдные коканцы должны были ночевать подъ открытымъ небомъ. Утромъ пріѣхали киргизы изъ аула, гдѣ предполагалось ночевать. Оказалось, что онъ былъ совсѣмъ близко. Тамъ ожидали путешественниковъ и приготовили угощеніе, часть котораго и привезли съ собою.

Миновавъ Лангаръ, путешественники поднялись на перевалъ, и остановились очарованные. Передъ ними открылась панорама исполинскихъ снѣговыхъ горъ. Массивный снѣговой хребетъ отстоялъ отъ нихъ не болѣе какъ на 30 верстъ. «Я тогда еще не предполагалъ, говоритъ Федченко, что эти горы сдѣлаются для меня дѣйствительно стѣной, за которою я ничего не увижу. Я спѣшилъ внизъ, чтобы проникнуть въ эти горы и мечталъ, что дойду до тѣхъ мѣстъ, гдѣ фантазія туземцевъ помѣщаетъ «крышу міра». Увы, не подозрѣвалъ я, что

велѣньями киргизскаго полковника мнѣ суждено будетъ ограничиться созерцаніемъ только края «крыши міра». Безъ грусти не могу вспомнить о тѣхъ разочарованіяхъ, которыя пришлось мнѣ испытать въ Алаѣ».

Спускъ съ перевала былъ на столько удобенъ, что можно было дѣлать остановки и собирать растенія.

Увлекшись сборомъ, Федченко поотсталъ отъ своихъ спутниковъ и уже къ вечеру увидалъ ихъ, расположившихся лагеремъ на берегу рѣки Сурхаба, или Кизилъ-су, текущей въ Аму-Дарью.

Широкая рѣка катила свои воды въ сравнительно плоскихъ берегахъ. На сѣверѣ невысокая скалистая гряда подходила къ рѣкѣ и кончалась обрывомъ. На западѣ видны были тоже невысокія горы; на заднемъ планѣ — снѣговой хребетъ, который постепенно уходилъ вдаль и сливался съ горизонтомъ. На одномъ изъ выдающихся пунктовъ скалистыхъ горъ построенъ былъ кокапскій курганъ (крѣпость), въ которомъ жилъ токсаба, т. е. полковникъ.

Федченко разсчитывалъ сдѣлать отсюда нѣсколько экскурсій по рѣкѣ въ сосѣднія ущелья, но коканцы, успѣвшіе повидать токсабу, сообщили ему, что въ виду непріязненнаго настроенія каратегинцевъ и ненадежности алайскихъ киргизовъ, ему отъ этого плана придется отказаться. «Вѣдь мы въ Алаѣ, куда вы желали съѣздить, говорили они; куда же еще ѣхать».

На слѣдующій день явился въ лагерь оплывшій жиромъ Измаилъ-токсаба и подтвердилъ слова коканцевъ. Ни убѣжденія, ни подарки не смягчили его упорства.

«Разрѣшите мнѣ, по крайней мѣрѣ, послать охотника въ горы пастрѣлять птицъ и препаратора собрать растенія», упрашивалъ Федченко.

— Никакъ невозможно. Выстрѣлы переполошатъ [illegible]зовъ; а за растеніями я самъ пошлю».

Алай, рѣка Кизилъ-су и Заалайскія горы.

И послалъ дѣйствительно. Но что это была за коллекція! Оборванныя, скомканныя растенія, сорванныя какъ попало.

Федченко рѣшился сдѣлать хоть небольшую экскурсію въ сторону горъ, но кокандскій конвой наотрѣзъ отказался ему сопутствовать. Одинъ съ женой онъ переѣхалъ рѣчку Тузъ-су и занялся собираніемъ растеній на противоположномъ берегу. Въ занятіяхъ время прошло незамѣтно и когда пришлось возвращаться въ лагерь, супруги оказались въ весьма затруднительномъ положеніи. Рѣчка дробилась на множество рукавовъ, нѣкоторые изъ нихъ были глубоки, теченіе быстро и пуститься въ бродъ на авось, было бы безумiемъ. Возвращеніе назадъ потребовало бы много времени. По счастію ихъ замѣтили изъ лагеря и выслали проводника.

Недалеко отъ столицы, въ прозрачномъ ручьѣ Дараутъ, поймано было нѣсколько форелей. Федченко очень имъ обрадовался, полагая, что это первые, найденные въ Туркестанѣ экземпляры рыбъ изъ семейства лососевыхъ. Но потомъ онъ узналъ, что еще лѣтъ за 40 передъ тѣмъ, Гриффитомъ была найдена форель въ рѣкѣ Баміанѣ, хотя и не доходящей до Аму-Дарьи, но очевидно принадлежащей къ тому же бассейну.

Большое пространство вокругъ лагеря было покрыто зарослями растенія, носящаго киргизское названіе „чій“. Растеніе это представляетъ изъ себя высокій злакъ (иногда выпиной со всадника на лошади), ростущій громадными снопами. Каждый снопъ образуетъ какъ бы отдѣльную кочку, далеко отстоящую отъ другихъ. Стебли чія ровны, крѣпки и очень удобны для выдѣлыванія циновокъ, которыми заставляются бока кибитокъ. Эти циновки такъ плотны, что защищаютъ жилище отъ пыли и вѣтра и вмѣстѣ съ тѣмъ пропускаютъ свѣжій воздухъ и отчасти свѣтъ. Стебли связываются цвѣтною шерстью, что образуетъ красивые узоры.

Огорченному путешественнику судьба послала маленькое

утѣшеніе. На этой стоянкѣ онъ познакомился съ однимъ замѣчательнымъ біемъ (старшиной), который сразу же заинтересовалъ его. Приглашенный въ палатку Джура-бій сообщилъ богатыя свѣдѣнія о сосѣднихъ странахъ, въ особенности объ Алаѣ и Каратегинѣ.

Алай, по строенію своему, представляетъ высокую и длинную (до 60 в.) долину, лежащую между двумя грядами горъ. Въ своей западной части она имѣетъ характеръ обыкновенной рѣчной долины, въ восточной же — почва возвышается отъ проходящаго вдоль Алая вдавленія къ самымъ гребнямъ хребтовъ на столько постепенно, что Алай можетъ быть здѣсь вѣрнѣе названъ плоскогоріемъ.

Обитатели Алая исключительно киргизы и притомъ кочевники. Нѣкоторые, весьма немногіе, зимуютъ на Алаѣ; большинство же приходитъ лѣтомъ изъ долины Ферганы, а къ зимѣ возвращается обратно въ долину. Главное занятіе Алайскихъ киргизовъ скотоводство. Земледѣліемъ занимаются немногіе. Особенно хорошо родится люцерна, вообще охотно воздѣлываемая въ Туркестанѣ, гдѣ она называется „джепушкой". Въ Алаѣ ее снимаютъ два раза въ лѣто, а въ ниже лежащихъ оазисахъ до пяти разъ.

Флора и фауна Алая не представляютъ разительныхъ особенностей по сравненію съ тѣмъ, что встрѣчается въ Зарафшанской долинѣ. Но Алай замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ попадаются растенія чисто степныя, которыхъ на сѣверномъ склонѣ нѣтъ. Тоже самое можно сказать о долинахъ и плоскогоріяхъ Нарынскаго края.

Джигиты начали усиленно упрашивать Федченку ѣхать обратно. «Видѣли Алай, говорили они, чего же больше». Замѣтивъ, что онъ хочетъ остаться еще на день, они принялись пугать его. «Каратегинцы-де узнали о прибытіи путешественниковъ и собираются нагрянуть. Имъ это ничего не стоитъ, такъ какъ отсюда до нихъ только 16 верстъ».

—«Пусть нагрянутъ, невозмутимо отвѣчалъ Алексѣй Павловичъ. Мы ихъ примемъ какъ слѣдуетъ».

Остаться Федченкѣ нужно было потому, что жена его начала срисовывать Алайскія горы красками и не успѣла еще кончить.

Черезъ нѣсколько часовъ явился посланный отъ токсабы съ приглашеніемъ переночевать въ курганѣ въ виду опасности отъ каратегинцевъ и отвѣтственности за головы путешественниковъ. Къ вечеру рисунокъ былъ конченъ, и Федченко съ женой отправился въ курганъ.

Измаилъ-токсаба состоялъ начальникомъ постояннo кочевавшихъ на Алаѣ киргизовъ. Но не всѣ Алайскіе киргизы были подвластны коканскому хану. Въ верхней части Алая главнымъ властителемъ считалась киргизка Мармаджанъ-датха, вдова *). Мужъ ея былъ извѣстный Алимъ-датха, игравшій большую роль въ коканскихъ междоусобіяхъ.

Когда Алимъ погибъ, власть его перешла къ его женѣ, умной, энергичной женщинѣ, которая, не смотря на угнетенное положеніе азіатской женщины, съумѣла удержать власть въ своихъ рукахъ и заставить уважать себя. Вотъ какъ описываетъ эту датху Евгеній Марковъ, посѣтившій ее во время недавняго своего путешествія по Ферганѣ.

Датха женщина очень старая. Она высока ростомъ, мускулиста и сильна какъ мущина. Монгольская кровь ея рѣзко проглядываетъ въ желтосмугломъ цвѣтѣ ея лица, въ грубости ея чертъ—крупныхъ, широкихъ, слегка приплюснутыхъ съ явнымъ преобладаніемъ скулъ и челюстей, всего того, вообще, что бываетъ сильно развито у животныхъ. По эстетическимъ понятіямъ киргизовъ, такое лицо, именно, и составляетъ верхъ красоты.

*) Какъ ни покажется страннымъ подобное явленіе при азіатской замкнутости женщинъ, но оно далеко не единственное. Пржевальскій встрѣтилъ другую владѣтельную женщину — ваншу.

Датха встрѣтила путешественниковъ у входа въ свою палатку. Она одѣта была въ зеленый шелковый халатъ, опушенный мѣхомъ съ высокимъ тюрбаномъ изъ бѣлой шелковой кисеи на головѣ. Когда путешественники подошли къ ней, она подала имъ обѣ руки, предварительно оберпувъ ихъ концомъ краснаго шерстянаго платка. Дѣлала-ли она это изъ особаго уваженія къ посѣтителямъ, или напротивъ того, предохраняла свои правовѣрныя длани отъ нечистаго прикосновенія гяуровъ— неизвѣстно.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, датха пригласила гостей въ свой шатеръ. Шатеръ убранъ былъ роскошно: весь увѣшанъ тканями и коврами. Сначала разговоръ вертѣлся на общихъ мѣстахъ, но когда датха спросила, зачѣмъ путешественники пріѣхали изъ такихъ дальнихъ мѣстъ, Марковъ отвѣчалъ:

— «Мы слышали, что киргизы храбрый и честный народъ, вѣрно служатъ нашему Царю, и хотѣли посмотрѣть на нихъ».

— «Да, это правда, отвѣчала датха. Мы сперва воевали съ Бѣлымъ Царемъ, а теперь его вѣрные слуги. Мы благодаримъ его, что онъ не обижаетъ киргизовъ; оставилъ намъ наши земли и стада и забылъ нашу вину. Бѣлый Царь самый большой Царь. Сильнѣе и богаче его нѣтъ никого; мы это знаемъ».

Въ аулѣ заранѣе знали о посѣщеніи русскихъ и приготовили имъ великолѣпное помѣщеніе. Бѣлая войлочная кибитка, расшитая краснымъ узоромъ, обвязанная красными тесьмами и убранная коврами, предназначалась для дамъ. Вблизи нея раскинутъ былъ большой шатеръ для столовой, а возлѣ него кибитка для мущинъ.

Теперь вернемся къ нашимъ путешественникамъ. Въ курганѣ ихъ приняли весьма радушно. Сильно разсержепный на токсабу, Федченко поддразнивалъ его, разспрашивая, какъ онъ думаетъ справиться съ каратегинцами, въ которомъ часу

будетъ нападеніе, достаточно ли у него людей и т. п. Кончилось тѣмъ, что токсаба расхохотался. Вообще онъ былъ человѣкъ веселый, для мусульманина даже неприлично веселый, что объясняется тѣмъ, что онъ киргизъ, а ихъ еще мало коснулось вліяніе мусульманскаго этикета.

На прощанье токсаба подарилъ Федченкѣ годовалаго яка, за которымъ нарочно посылалъ въ киргизскую лѣтовку. Яки живутъ въ дикомъ состояніи въ Тибетѣ, но въ верховьяхъ Оксуса и въ Алаѣ они воспитываются какъ домашнія животныя.

Федченко рѣшилъ подаренаго яка не рѣзать, а вести живымъ въ Ташкентъ, что и исполнилъ. Джигитамъ это крѣпко не понравилось: они разсчитывали покушать чрезвычайно вкуснаго мяса, а тутъ прибавилась лишняя возня и забота.

У токсабы, въ курганѣ, было много соколовъ. Одни, добытые еще птенцами, сидѣли въ гнѣздахъ и получали кормъ. Другіе, побольше, привязанные на цѣпочкѣ, пріучались сидѣть на деревянной болвашкѣ. Токсаба, отъ скуки, дрессировалъ ихъ.

Съ грустью, весьма понятной для человѣка, недостигшаго намѣченной цѣли, пустился Федченко въ обратный путь. А между тѣмъ эта цѣль была почти въ виду. Посѣщенная имъ мѣстность въ Алаѣ находилась по прямой линіи всего въ 240 верстахъ отъ того пункта, до котораго простирались изслѣдованія англичанъ со стороны Индіи. Это разстояніе прошелъ въ 1863 г. мулла, посланный англичанами въ Коканъ. Эти-то 240 верстъ и составляли въ то время перерывъ въ горахъ нагорной Азіи между изслѣдованіями съ юга—англичанъ и съ сѣвера—русскихъ. Это была та нейтральная полоса, на которую во времена Федченко не ступала еще нога ни русскихъ, ни англичанъ, хотя стремленія

къ тому, въ виду высокаго научнаго интереса этой мѣстности, высказывались съ обѣихъ сторонъ, особенно со стороны англичанъ, изслѣдователь которыхъ Хэйвардъ попла-

Соколиная охота въ Туркестанѣ.

тился даже жизнію за свои настойчивыя попытки проникнуть въ таинственный Памиръ.

«Моимъ мечтамъ не суждено было сбыться, пишетъ Федченко. Мой путь остановился у величественной Бамъ-и-дунеа,— крыши міра. Но я утѣшаю себя мыслью, что поѣздка на

Алай не осталась безъ результатовъ. Мнѣ удалось выяснить орографію страны, лежащей къ югу отъ долины Ферганы. Прежнія свѣдѣнія были весьма смутны, и картографы приходили въ отчаяніе, когда имъ нужно было изображать эту часть Азіи. Рисуя Богъ знаетъ что, они оговаривались, «что поверхность луны имъ лучше извѣстна, чѣмъ эта мѣстность». Теперь мѣстность эта основательно изучена и нанесена на карту.

ТУРКЕСТАНЪ.
Масштабъ 1: 9.600000.
Веретъ.
Ниже уровня моря.
Плоскогорія и горныя страны. (выше 500 метровъ).
Къ Вост. 35 отъ Пулкова
Къ Вост. 90 отъ Ферро
Каспійское море
Аральское оз.
Мертвый Култукъ
Голодная степь
Пески Кара-кумъ
Аму-Дарьинскій отдѣлъ
Сыръ-Дарьинскій отдѣлъ
ХИВА
Петро-Александровскъ
Ташкентъ
Ашхабадъ
Мервъ
Бухара
Самаркандъ
Ходжентъ
Ферганскій
Кашгаръ
Яркендъ
Хотанъ (Илиръ)
Акмолинскъ
Семипалатинскъ
Губернія Томская
Туркестанъ
Чимкентъ
Аулія-ата
Перовскъ
Казалинскъ
Форть Александровскій
Форть Красноводскій
Форть Новый
Форть Шевченко
Форть Петро-Александровскій
Форть Перовскій
Форть Казалинскій
Форть Ташкентскій
Форть Верный
Форть Аулія-ата
Форть Джаркентскій
Форть Кульджинскій
Форть Кашгарскій
Форть Яркендскій
Форть Хотанскій
Форть Ферганскій
Форть Наманганскій
Форть Андижанскій
Форть Ошскій
Форть Ходжентскій
Форть Джизакскій
Форть Самаркандскій
Форть Катта-Курганскій
Форть Бухарскій
Форть Керкинскій
Форть Чарджуйскій
Форть Керкинскій
Форть Мервскій
Форть Тедженскій
Форть Ахалъ-Текинскій
Форть Асхабадскій
Форть Кизыл-Арватскій
Форть Михайловскій
Форть Александровскій
Форть Николаевскій
Форть Красноводскій
Форть Новый
Форть Шевченко
Работано у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.
Путь Сьверцова.
Путь Федченки.

2007066008